

Ксения Владимировна Ползикова-Рубец

Они учились в Ленинграде

Друзьям суровых лет — школьникам

и учителям Ленинграда

посвящаю свои записи

Автор

Выпускники

Третий час белой ленинградской ночи. Теплый ветер подул в окно. Хорошо сейчас на взморье, куда уехали сегодня наши выпускники. Они хотели кататься на лодках до восхода солнца.

Ясно представляю себе залив. От Морского клуба, почти против Стрелки Кировских островов, отходят красавицы-яхты, распустив белые паруса. Море отражает еще не погасший закат, а на востоке уже розовеют облака.

Сегодня на заливе будет шумно: звонкая песня, веселый смех и всплески весел не затихнут до утра!

Но будут и серьезные разговоры.

Сейчас всех выпускников волнует один вопрос: «кем быть?»

Костя еще в 7-м классе решил, что непременно станет летчиком.

Володя давным-давно мечтал быть историком, а Леня хотел поступить в консерваторию и стать музыкантом-пианистом.

Эти ребята уверены в своем выборе, и я за них спокойна.

А вот Муся вдруг изменила своему желанию стать драматической актрисой и захотела пойти в медицинский институт.

— Я вас уверяю, что мое решение стать врачом серьезно продумано, — сказала она мне сегодня. — Я это докажу... После первого семестра приду к вам с матрикулом и покажу оценки.

— Хорошо, Муся, я буду ждать, — ответила я.

Больше всего меня тревожит Таня.

Она до сих пор еще не решила, где будет учиться после школы. Отец ее художник и хочет, чтобы она занималась живописью.

Но Таня полна колебаний.

— Я люблю графику и живопись, но выйдет ли из меня художник? Мне кажется, что нет. Ведь смешно сказать: я колеблюсь в выборе между искусством и биологией.

Когда Юра услышал о сомнениях Тани, он сдвинул брови и не по-детски серьезно сказал:

— Я понимаю Таню. Меня тоже тревожит: кем мы будем в жизни? Хочется сделать что-то большое, нужное. А вдруг из тебя ничего не выйдет!

— Из тебя-то, Юра, ничего не выйдет? Ты можешь быть кем захочешь: инженером, музыкантом, литератором, — сказала Люда. — Вот Володя будет у нас ученым, профессором, а я хочу быть непременно учительницей истории.

Много раз в году слышала я такие разговоры и принимала в них участие.

Меня радовало твердое решение одних, и были понятны колебания других. Выбрать вуз нелегко: ведь это решение на всю жизнь. Учиться дальше хотят все, и в мечтах молодежи уже близится тот день, когда начнется самостоятельный труд.

Желаю им полной, интересной и счастливой жизни!

Утром в квартире резко зазвучал звонок. Что-то знакомое в этом звуке. Так нетерпеливо звонил Борис — мой сын. Он курсант военно-пехотного училища в

одном из городов Украины и мечтает стать общевойсковым командиром. Этим объясняется и выбор училища. У командира стрелкового полка все есть — и артиллерия и танки, — говорил он и решил окончить именно пехотное училище.

Бегу на звонок и спешу открыть дверь. Передо мной действительно Борис в форме лейтенанта и с ним еще не знакомый мне командир.

— Здравствуй, мама! — радостно говорит Борис. — Ты, наверно, и не ждала нас сегодня. А это Сережа Красовский, мой товарищ...

У Сережи очень юное простое лицо, светлые волосы и карие глаза.

Усаживаю обоих юношей за завтрак.

— Я получил назначение на Север, а Сергей — в Ленинград, — сообщает Борис.

По его инициативе разговор быстро переходит от серьезных тем к пустякам и вновь возвращается к серьезному. Борис хочет узнать о товарищах, об учителях. Сам много рассказывает.

— Когда же вам нужно являться к месту назначения? — спрашиваю я.

— Мне позвонят с вокзала товарищи; может быть, сегодня ночью надо будет ехать. Мамочка, ты побудь дома и подходи к телефону, а мы с Сергеем сбегает в город, — масса дел!

Через полчаса после их ухода звонок по телефону. Узнаю, что комендант назначает отъезд на завтра.

Сережа возвратился раньше Бориса. Мы разговорились. Он с большой теплотой рассказал о своей матери.

— Трудно ей. Отца нет, сестренка еще учится, и дедушка очень старый. Но я думаю, что теперь смогу помочь семье.

— Вы комсомолец? — спрашиваю я его.

— Да, еще с седьмого класса школы.

— А почему вы не повлияли на Бориса, чтобы он вступил в комсомол?

Сережа улыбается:

— Вы не сердитесь, но у него еще мало выдержки, а на мои советы он отвечает: «Не читай нотаций!»

Увы! Борис и мне это говорит. Что-то выйдет из него в жизни?

Сегодня вечером уехал Борис. Провожали его я, Сережа и Василий Захарович Голубев — мой ученик. Когда-то я учила его водить экскурсии по петергофским дворцам и паркам.

Борис с детства очень любит Василия Захаровича. Ранение Голубева и награждение его орденом Красной Звезды за участие в войне с белофиннами создали у Бориса особое отношение к нему.

— Ну, что же, Борис, может, нам суждено будет встретиться, — говорит Василий Захарович. — Представь, вдруг меня назначат политруком в твою часть?

— Как же это? Ведь вы демобилизовались? — удивляется Борис.

— Сегодня — да. А если война, — опять пойду в армию.

— Ой, Вася! — вырывается невольно у меня.

— Когда-нибудь, когда-нибудь, — успокаивает он меня.

— Еду я в глушь, — говорит Борис. — Обязательно надо завести собаку и ружье. Ты поезжай в Цхалтубо, а я тем временем осмотрюсь на новом месте. На второй месяц отпуска ты приедешь ко мне. Знаешь, мама, давай простимся здесь, а то товарищей никто не провожает, и мне неудобно.

Подчиняюсь. Мы простились, думая встретиться через месяц.

Сегодня в последний раз виделась со всеми выпускниками в стенах школы: был торжественный акт с раздачей аттестатов, а потом банкет.

Столы были расставлены в вестибюле. Я его сегодня не узнала: у больших колонн — кадки с декоративными растениями, ближе к дверям — нарядно накрытый стол, уставленный закусками и сладостями. Всюду цветы в букетах, в горшках и просто рассыпанные по скатерти.

Выпускники нарядные, веселые.

А нам, учителям, как всегда на «выпусках», и грустно и радостно. Грустно прощаться с теми, кто рос на наших глазах. Без них в школе будет пусто. Мне особенно грустно: в 10-м классе я была воспитателем и помню этих юношей и девушек еще детьми в коротких штанишках и юбочках.

Но нас охватывает и чувство глубокой радости: ведь мы дали нашим ученикам всё, что могли и должны были дать.

Весело было за нашим столом! Выступали учителя и ученики. Наступила и моя очередь, и я почувствовала, что мне говорить трудно: горло сжимает волнение.

Начала я со слов Николая Островского:

«Товарищи, жизнь дает каждому человеку огромный, неоценимый дар — молодость, полную сил, юность, полную чаяний, желаний и стремлений к знаниям, к борьбе, полную надежд и упований...»

Я говорила им о том, что в нашей стране, освобожденной героизмом старших поколений, молодежи предстоит почетное и радостное дело — строить коммунизм.

Мне так хотелось, чтобы они почувствовали, сколько у меня веры в их будущее...

И я видела, что меня понимают.

Всегда насмешливый, Олег слушает внимательно, без тени улыбки на лице; у Муси слезы на глазах.

Грусть разлуки подсказала мне нужные слова:

«Мне хочется, чтобы вы сохранили не только доброе воспоминание о нас, учителях. Я поднимаю бокал за нашу дружбу, за дружбу «опытной старости» с «пылкой молодостью»!

Ко мне тянулись руки с бокалами, на меня ласково смотрели молодые глаза.

После банкета в зале были танцы. Выпускной бал, как всегда, открыл директор школы в паре с лучшей ученицей выпускного класса. Она раскраснелась от чести, выпавшей на ее долю.

Танцы и игры затянулись далеко за полночь. Но о сне думать было нельзя: по священной для ленинградских школ традиции после окончания вечера все пошли на набережную Невы.

Белая ночь. Чудесная белая ночь июня. Мы, ленинградцы, знаем, как прекрасен наш город в эти ночи. Нева отликает серебром, каналы точно наполнены густо-

черной неподвижной водой, и в ней отражаются строгие светлые здания с колоннами, арки горбатых мостов, крылатые львы и резьба чугунных решеток. Город двойтся: один — полный величия, спокойствия, прекрасный город на берегах Невы, а другой — в глубине вод рек и каналов.

Мы идем к Неве и у бронзовых львов садимся на ступени, ведущие к воде.

Дворцовый мост разведен. С верховьев Невы буксир ведет баржи. Этот караван кажется черным силуэтом на мелкой ряби Невы.

— Ребята, давайте бегать, — предлагает Таня. — Кто за мной? До Зимней канавки!

Она мчится вдоль набережной, и за ней с шумом несутся остальные. Даже толстый Павлик пытается бежать с товарищами.

Мы, учителя, на несколько минут остаемся одни.

— Вы помните себя на этих берегах молодой? — спрашивает меня наш учитель географии — Александр Маркович.

— Конечно, помню, но только не школьницей. Тогда нас на набережную ночью гулять не пускали. Зато курсистками мы здесь и встречали и провожали белые ночи. А когда возвращались под утро домой, всегда ссылались на разведенные мосты.

— Я приехал в Петербург учиться в университете, — задумчиво говорит Александр Маркович. — И вот только в такую ночь по-настоящему оценил «Медного всадника».

Наши бегуны возвращаются шумной гурьбой. Лица веселые, покрасневшиеся.

— Ребята, подумайте: пройдет двадцать лет, и мы можем встретиться на этом месте. Интересно, какими мы будем тогда! — говорит Таня.

— Опять у тебя философская проблема! — перебивает ее Ира. — Я, как Ольга Ларина, скажу: «Я не способна к грусти томной!».

— Ребята, давайте споем!

Кто-то начинает песню, и она несется над простором реки:

Лежит перед нами большая дорога,
Зовет нас вперед и вперед!
Работы огромной,
товарищи, много —
Нас Родина любит и ждет!
Песнею заветною
Славим юность светлую,
Дружбу нашу крепкую
В радостном краю.
Славим годы школьные,
Славим дни привольные,
Дружную, счастливую семью !

— Счастливы вы народец, — говорит Александр Маркович. — У нас таких песен не было... Мы «Дубинушку» тянули.

— Нет, нет! Ваша жизнь была интереснее. Вы протестовали, боролись, а за нас всё сделали другие! — говорит Таня.

— Ну и неверно. Вам предстоит всё самим устраивать. Вы такое увидите, о чем мы и мечтать не могли, — горячо возражает Александр Маркович.

— Да, да. Я, например, обязательно выстрою еще один мост на Неве. Чудо-мост, на одной арке! — говорит, мечтая, Петя, наш «малыш». Ему только шестнадцать лет, он самый младший в классе, но это не помешало ему получить «золотой» аттестат.

— Старо, старо, Петя — это спроектировал еще Кулибин, — говорит насмешливо Олег.

— Ну, тогда я изобрету такое освещение улиц, что и в декабре Ленинград будет выглядеть так, точно над ним белая ночь.

А город был прекрасен...

Мы восхищались и бледно-розовым отблеском зари в окнах Зимнего дворца, и аметистового цвета стеклами Эрмитажа, и строгими формами Биржи на Стрелке Васильевского острова.

Мне думалось: всё хорошо. И город, и Нева, и наша молодежь, и эта белая ночь.

И учителя молодежи сегодня. Александр Маркович даже пробовал играть в горелки.

Город спал, а звонкие голоса нарушали замороженную тишину ночи.

Мы не останавливали молодежь, не делали привычных замечаний, не мешали веселиться, петь, шуметь. Это была их ночь, последняя ночь школьников и первая ночь вступающих в жизнь людей...

Война началась

Сегодня воскресенье — первый день моего отпуска. На городской станции железных дорог утром я получила билет в Цхалтубо, курорт солнечной Грузии, и около двенадцати часов шла домой по Невскому, в сторону Адмиралтейства. На улицах нарядная, праздничная толпа, в воздухе непрерывное гудение самолетов.

Я свернула на Мойку и медленно пошла домой.

На Демидовой переулке дворник дома, в котором я живу, оглушает известием: «Фашист начал войну... Сейчас выступал Вячеслав Михайлович Молотов».

Война!

Трудно передать особую тревогу, силу ненависти к врагу и чувство огромной ответственности перед Родиной.

Все должны быть на высоте в этот ответственный момент. Сейчас и учителя держат строгий экзамен — кого они вырастили и воспитали? Будет ли хорошим бойцом мечтатель и музыкант Боря? Как встретит известие о войне рассудительный Юра? Будет больно, если он, такой вдумчивый и глубокий, не поймет всего.

Дома тишина пустой квартиры. Все куда-то исчезли. Быть одной невыносимо. Хочется видеть близких людей, говорить с ними...

Я решаю идти в Эрмитаж, где работают мои друзья. У ворот дома встречаю своих бывших учеников.

— Вы уже знаете? Слышали? — спрашивают они меня.

— Мы ходили к Юре в больницу. Он прислал вам записку, — говорит Павлик и протягивает мне листок из тетради в клеточку, сложенный квадратом. Читаю:

«Ксения Владимировна!

Как тяжело лежать в больнице! Скорее бы поправиться! Мы думали, куда нам пойти после окончания школы... Вот и решилось, куда идти. Надо идти в военные училища.

Как я хотел бы с вами поговорить: ведь правда, такая страна, как наша, должна победить? Вы нам говорили: «В истории всегда побеждает прогрессивное...»

Юрий».

— Приходите скорее в школу; я уверена, что все наши придут, — говорит Таня и мы расстаемся.

Я иду по набережной в Эрмитаж. Могучая Нева так не величава, но мне кажется, что всё стало другим. Это тревога за Родину, тревога за город-красавец.

Мощно простер свою руку «Всадник». Так хочется верить, что и в счастливый день мира мы увидим «Всадника» на своем месте.

Высокое-высокое, по-южному голубое небо над городом. Гул самолетов. Это летчики охраняют Ленинград. Корабли стоят на Неве. И каждый из нас должен быть на своем посту.

Мы не одни. Нас сумеет защитить могучая страна, весь советский народ.

Но город может пострадать. Александрийский столп, памятник русской славы 1812 года, игла Адмиралтейства и купол Исаакия, светлая лента красавицы Невы — всё это для врага только ориентиры... А белые ночи облегчают налеты на Ленинград.

Сторожите город, летчики в небе и балтийцы на кораблях, а мы будем всеми силами помогать вам...

Вчера в 16 часов наша школа была полна учителей и учащихся. Все пришли узнать, не нужна ли их помощь. Был получен приказ РОНО: освободить помещение школы к утру 23 июня.

Наш завуч быстро спускается по широкой лестнице.

— Друзья, нам предстоит большая работа; принимайтесь за нее немедленно! — обращается он к группе учащихся, стоящих в вестибюле.

Мы, учителя, спешно намечаем, какой работой будет руководить каждый из нас. Клавдии Ивановне предстоит уложить химический и физический кабинеты.

Ее хозяйственный глаз сразу определяет, что ящиков не хватит. По ее поручению, едут в соседний кооператив и покупают там тару, необходимую для упаковки приборов.

Всюду закипает работа. Укладывают реторты и колбы, бережно упаковывая их в газеты и стружки.

Коменданта нашего здания уже вызвали в военкомат, и его, как-то незаметно для всех, заменил ученик. Справляется он со своими обязанностями не плохо. Работа напряженная. Разговоров почти не слышно. Так проходят часы...

Незаметно наступил вечер.

А вот уже белая ночь смотрит в наши огромные окна, и при ее свете лица ребят кажутся бледнее и строже.

Или дети действительно повзрослели в эти немногие часы, отделившие дни мирной жизни от войны?

И вдруг — вой сирены. Мы услышали его впервые перед настоящей тревогой. Четкое тиканье метронома напрягало нервы. Где враг? Быть может, он уже над городом, готовый сбросить бомбу? Или там, высоко в облаках идет бой?

Призывать к спокойствию никого не надо. Возможно, что у многих тревожно на душе, но обнаружить этого никто не хочет, и работа идет своим чередом.

Звук отбоя воздушной тревоги заставил особой радостью забиться сердце.

— Это наши не допустили врагов, — говорит Костя. — Пойду в летную школу.

— А я рядовым, — говорит Сергей — так проще. Скорее будешь там.

«Там» — это фронт. Туда тянутся сейчас наши мысли. Все мы чувствуем себя участниками очень большого дела. Личное стало общим.

Укладка шла всю ночь. О сне никто и не думал. Под утро гулко застучали чьи-то тяжелые сапоги, и раздался громкий голос:

— Где тут у вас директор или комендант?

Это приехала первая машина за имуществом школы. Началась погрузка и одновременно устройство военного госпиталя в стенах нашей школы.

— Комендант! — кричали с верхнего этажа. — Где ключи от угловой комнаты? Пришли водопроводчики.

— Комендант! — кричали внизу. — Прибыла машина; начинайте погрузку! — И наш молодой комендант летел вниз по лестнице и организовывал погрузку.

Тревожная ночь давно миновала. Наступило солнечное утро.

Здание школы почти опустело. Многие юноши и девушки разошлись по домам. Делать в школе было больше нечего...

В два часа дня уехала последняя машина.

Обхожу здание. Я очень устала, но мне хочется проститься со школой. Гулко звучат мои шаги по кафельному полу коридоров. Классы без парт, без досок и учительских столов кажутся необычно большими, неудобными...

Как грустно в опустевшей школе!

Иду дальше; всюду мусор, опилки, клочки бумаги. Лишь в уголке живой природы пахнуло прежним уютом: растения в горшках, огромная лоза дикого винограда. В кабинете истории у стенки белый лист картона. Перевертываю его и вижу, что это чертеж, сделанный моими учениками еще в 7-м классе. Тушью тщательно нарисованы, крохотные по масштабам, немецкие рыцари и ландскнехты, построенные в «немецкую свинью» — клин, который обращен в сторону Чудского озера. А за Вороньим Камнем русская рать, мудро расставленная Александром Ярославичем.

На плакате надпись: «Взявший меч от меча и погибнет».

Каждый обязан определить свое место в этот грозный час. Пытаюсь и я его найти. Что делать? Если занятия начнутся с 1 сентября, то нельзя два месяца сидеть сложа руки. Надо сейчас же найти себе дело и подумать, куда направить учениц. Судьба учеников ясна.

Думы полны тревоги: как длительна будет разлука с Борисом и можно ли вообще думать о сроках в данной обстановке? Припоминаю последнее свидание с ним, и вдруг на память приходят его слова:

«У меня кровь первой группы. Это самая хорошая кровь, она годится всем людям. Но имеющим эту группу крови нельзя вливать кровь других групп».

Тогда я не вникла в смысл этих слов, а теперь они мне понятны.

К стыду моему, у меня весьма туманное представление о группах крови, о возрасте доноров, но помню одно: состав крови чаще всего определяется кровью матери. Если я могу стать донором, то, быть может, моя кровь нужна всем тем, у кого она той же группы, что и у Бориса. Попытаюсь стать донором.

Но этого мало...

А что, если пойти в тот госпиталь, который будет развернут у нас в школе? Там найдется дело учителям и ученикам.

Еду в Институт переливания крови. Это огромное здание; масса зеленых растений, сверкающий паркет в приемной и коридорах, белоснежные медицинские халаты на врачах и сестрах. Много доноров — таких же новичков, как я. Людей всех возрастов потянуло сюда. Это дело, которым и в тылу можно стать полезной фронту.

— Первая группа, — говорит мне сестра, проверив мою кровь.

Это группа крови Бориса. Через каждые сорок дней буду ее давать.

Из института поехала в РОНО. Заведующий быстро согласился дать мне направление на работу в госпиталь, который помещается в нашей школе.

Дети из города будут эвакуированы в глубь страны. Школе поручено всё подготовить. Надо убедить родителей, что дети будут в лучших условиях вдали от фронта.

По городу бегают многочисленные связисты — ученики и ученицы пятых и шестых классов, разнося повестки родителям школьников. Учащиеся старших классов помогают учителям сносить вещи детей на сборные пункты.

Наши мальчики энергично сбрасывают с чердаков всякий хлам, ломают чердачные перегородки, белят чердаки каким-то противопожарным составом: враг может сбрасывать зажигательные бомбы.

Дети работают дружно, хорошо и весело. Ужас войны еще далек от их сознания.

В школьном дворе встречаю братьев-близнецов Глебовых. Это наши выпускники, рослые ребята, физически очень сильные. Они тащат куда-то кровать.

— Здравствуйте, Ксения Владимировна! — кричат они мне издалека. — Здесь наших ребят много. Госпиталь устраиваем.

Действительно, во дворе наши ученики что-то переносят. Видимо, они здесь уже освоились и дают мне точные указания.

— Хирургическое отделение во втором этаже, идти надо по черной лестнице. Там старшая медсестра Валентина Ивановна скажет, что вам делать.

Сестра встречает меня очень приветливо:

— Вы учительница этой школы? Значит, вам знакомо помещение? Это очень хорошо! Сейчас у всех одна работа — Как можно скорее оборудовать госпиталь. Ваши ученики будут носить вещи, а вы показывайте, куда и как их расставлять. Назначение комнат узнаете по надписям на дверях.

Я вижу эти надписи: там, где был кабинет директора, — «ординаторская», в учительской — «перевязочная», в классах — «палаты».

Весь день мы работали с большим рвением, и к вечеру кое-что уже стало походить на госпитальное помещение.

Прощаясь со мной, Валентина Ивановна говорит:

— Значит, вы согласны работать в моем отделении? Составьте список школьников, которые будут нам помогать. И нельзя ли привлечь еще учителей? Нам нужно много рук.

Начали работать в госпитале Клавдия Ивановна и Лидия Михайловна. Они еще во время русско-японской войны были медицинскими сестрами.

В наше отделение через несколько дней пришли Анна Петровна и другие матери наших учеников. Создалась целая группа учителей и родителей.

Многое в госпитале сделано руками наших ребят: расставлено всё оборудование и мебель, на окнах наклеены крест-накрест полоски бумаги. Девочки метят постельное белье, набивают подушки.

По работе в госпитале я близко соприкасаюсь с девушками, только что окончившими нашу школу, и перешедшей в 10-й класс Олей.

Моя ближайшая помощница Ира — девушка точная, исполнительная и с большой инициативой. Она работает, как взрослый человек. Если я не могу быть в госпитале, а Ира там, я знаю, что всё будет в идеальном порядке.

В госпитале пока нет раненых, и врачи обучают нас уходу за тяжело больными, подаче первой помощи при кровотечениях и переломах.

На днях теоретический курс был закончен, и врач вызвал нас на проверку знаний. Я очень волновалась. Отвечали мы все по очереди, и было бы очень стыдно при ученицах обнаружить свое незнание.

Спрашивали подробно. Последний вопрос мне задали такой:

— К вам в палату принесли тяжело больного с ранением в позвоночнике. Он должен лежать неподвижно. Как и чем вы его накормите? — спрашивает меня врач.

— Из поильника и обязательно жидкой пищей.

— Хорошо, — говорит врач.

Возвращаюсь на свое место рядом с Ирой. На меня лукаво смотрят голубые глаза:

— Вы боялись?

— Очень.

— Почему?

— Из-за вас, девочки.

Когда пришла очередь отвечать Ире, я опять стала волноваться. Хотелось, чтобы она не ударила лицом в грязь. Но все девушки отвечали прекрасно.

Сегодня по радио выступал товарищ Сталин.

Он говорил о неисчислимой силе советского народа и необходимости оказать поддержку родной Красной Армии и сказал, что трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения.

«В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину — в нашей Отечественной войне с германским фашизмом».

Я, как историк, хорошо знаю, что, когда наш великий народ весь поднимался против врагов, — он всегда одерживал победу. Победит и теперь!

Тревожные сводки в газетах. Всюду идут упорные бои.

В городе создается народное ополчение. На заводах, фабриках, в учреждениях идет запись добровольцев. Весь народ поднялся против лютого врага.

Мы кровь свою и жизнь отдать готовы
За Родину, за свет ее зари!
Смотри, страна: по сталинскому зову
Плечом к плечу встают богатыри .

В ополчение вступают лучшие люди нашего города: рабочие, ученые, работники искусства.

Народный артист Черкасов пишет в своей статье в газете «Ленинградская правда»:

«Бесславные потомки псов-рыцарей забыли урок, который они получили от наших предков на льду Чудского озера.

Кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет земля русская, земля советская».

Исторические слова о силе нашего меча сказанные в давнее время, всем нам близки и дороги и теперь.

Ленинград опоясывается противотанковыми рвами и дзотами. Строит их всё работоспособное население, не ушедшее на фронт. Впрочем, что я пишу? Разве оборона Ленинграда не тот же фронт.

Едут служащие учреждений, педагоги, учащиеся старших классов, научные

работники. Клавдия Ивановна поехала, хотя ей больше пятидесяти лет.

— Едут товарищи, так почему же мне не поехать? — сказала она.

Гражданам приносят повестки, написанные учениками младших классов. «Добровольцы» — ребята прибегают в свои школы и охотно садятся помочь учительницам заготавливать повестки.

«Завтра, 7 июля, Вы должны явиться в школу к 8 часам утра, имея при себе одеяло, подушку, кружку и ложку».

О цели писать не надо, — она ясна каждому. По улицам двигаются трудовые отряды и грузятся в поезда, уходящие в Саблино, Лугу, Кингисепп, Токсово. Со всех сторон враг грозит Ленинграду.

Первые больные поступают в наш госпиталь. Ира сортирует в ванной комнате грязное белье. У нее очень озабоченный вид.

— Большой расход простынь. Пойду в прачечную сказать, что нам обязательно нужно чистое белье к вечеру. Возможно, что ночью опять привезут больных, — говорит она.

Оля всё время в палатах, выносит оттуда тазы и ведра.

Хорошо работают все наши девочки. Никто и не собирается уйти из госпиталя. Первое испытание они выдержали.

Сегодня я провожала учителей нашего Октябрьского района.

Они едут в Ярославскую область. Там их распределят на работу в эвакуированные ленинградские интернаты и школы.

Большинство едет со стариками-родителями или маленькими детьми.

В переполненном трамвае еду на вокзал со старушкой-матерью нашей учительницы Петровской. Многие плачут, но моя спутница держится бодро, беспокоится только о дочери.

— Вот только Верочке я буду обузой, — сокрушается она. — Беда, когда избыток душевных сил, а физических нет совершенно.

У Витебского вокзала мы высаживаемся. Всюду тюки и очень много людей. Лица почти всё знакомые. Мы окликаем друг друга, обмениваемся словами приветствия.

— Вы остаетесь в Ленинграде и будете работать в госпитале? Молодец! А где Борис? Уже лейтенант! Всего, всего вам хорошего, — обнимая меня, говорит знакомая учительница.

— У меня еще нет места. А маму я посадила с детьми Анны Ивановны, — высовывая голову в окно вагона, говорит всегда бодрая Петровская.

Всем очень грустно, на сердце тревога, но все ее таят в себе.

— Ничего, в тесноте, да не в обиде. Вот поезд тронется, и мы разместимся, — раздается чей-то успокаивающий голос.

Заглядываю в окно: мест в вагоне абсолютно нет, всё занято тюками и людьми.

Погрузка прошла в образцовом порядке: без толкотни и споров. Вот здесь, в дачном вагоне, наши учителя 232-й школы. Мы, провожающие, не хотим оставаться праздными: бегаем к кипяtilьнику и наполняем водой чайники и бидоны отъезжающих, покупаем им в буфете булки и лимонад. День жаркий и дети в вагонах уже пищат:

— Пить, мама, пить хочется!..

Даются последние поручения, кругом слышны слова напутствия.

— Мы непременно встретимся! — громко говорит пожилая учительница.

Но вот окна вагонов медленно плывут вдоль платформы. В них мелькают белые платочки, руки, поднятые в приветственном жесте... И мы идем, ускоряя шаг.

Проводили. Скольких еще придется провожать! Но вспоминаю слова: «Мы непременно встретимся!» — и становится легче.

Давно не писала дневник. Дни проходят в напряженной работе: к 8 часам утра иду в госпиталь и возвращаюсь домой только в 9 — 10 часов вечера. Иногда даже трудно урвать время на обед. О том, что делается за стенами госпиталя, узнаю от учащихся.

Сбор цветного металла опять дал школьникам возможность развить кипучую энергию.

Оля несет на сборный пункт медный самовар.

— Не два же самовара иметь дома! — решила она с сестрами.

— Беда с Аней, — говорит мне ее мать. — Она всё готова отдать на переплав.

— Ты бы, мама, хорошенько еще поискала. У нас, наверное, еще есть металлические вещи. Нет ли чего-нибудь подходящего в зубоврачебном кабинете бабушки? — деловито говорил Петя.

Участились воздушные налеты на город. В иные дни число их доходит до четырех в день.

С 20 июля враг проявляет особую активность. И всё-таки города он еще ни разу не достигал. Газеты нас извещали о гибели десятков вражеских самолетов на подступах к нему. Нас защищают сталинские соколы.

Насколько противен вой сирен, предупреждающий о воздушной тревоге, настолько приятен отбой. Чувство радости наполняет душу.

— Сгинул супостат! — обычно говорила старая сиделка в госпитале при звуке отбоя.

Ночью во время тревог нервы особенно натянуты. Напряженно слушаешь гул самолетов, стараешься угадать, что там, в небе, и знаешь — на крышах всех домов люди, которые вглядываются в темное звездное небо. И наши мальчишки, конечно, на крышах.

Болью в сердце отозвался налет врага на Москву. Узнали, что в ночь с 28 на 29 июля самолеты противника сбрасывали бомбы над Москвой и были попадания в жилые дома. Москва, Москва — сердце Родины — в опасности! Мы — другое дело! Но Москва!.. Наша Москва!..

Я сменяю Анну Петровну. Больные дремлют, санитарка в палате, и я могу теперь дойти до перевязочной, где Ира и Люба на специальной машинке катают стиранные бинты. Сажусь рядом с девочками.

— Ира, почему ты не уехала? — спрашиваю я. — Ведь каждый имеет право эвакуироваться.

— Ну что вы!.. Мама уехать не может, у меня еще старенькая бабушка, как же я их оставлю?

— А как мама относится к твоему решению остаться?

— Очень хочет, чтобы я уехала, но я не могу.

— А ты, Люба?

— Мама моя доктор, ей уезжать нельзя; папа без мамы не уедет, а тут еще сестра ждет ребенка... Ну куда же мне ехать без них?

— А почему вы не едете? — спрашивают меня девочки.

Почему не еду я? Мне даже странно подумать, что я могу теперь уехать из Ленинграда. Я здесь родилась, училась, начала работать учительницей в городской школе. Здесь прошла вся моя жизнь. Этот город мне бесконечно дорог. Я здорова и хочу быть ему нужной. Девочкам я это объясняю проще:

— Я одна, мне бояться не за кого. Здесь я и к фронту ближе.

И я на память говорю стихи Николая Тихонова. Мне кажется, что в них лучше сказано о первых сорока днях войны, чем это скажу я:

Забудь, как мирно ночевал, Забудь беспечность и веселье; Пускай, как крепость, темен дом. Он вспыхнет радостью потом — В победы нашей новоселье... Вглядись: в нем сталинская статья, — Не может в битве он устать. Врага он к бегству приневолит.

Я убеждена, что могучая Родина не отдаст врагу нашего города.

Сегодня в госпитале ко мне подошла санитарка.

— Вас просит какой-то молодой человек, — сказала она.

Спускаюсь к подъезду и вдруг встречаю Павлика. Это наш выпускник, очень способный мальчик, но изнеженный матерью и выросший неуклюжим, толстым увальнем. Для мальчиков он служил вечным объектом насмешек.

Но во всем его облике было что-то, напоминающее Пьера Безухова, очень добродушное и симпатичное. При призыве в армию он был забракован врачами по состоянию здоровья.

Павлик расстроен, комкает в руках носовой платок и, видимо, затрудняется начать разговор.

— Что случилось?

— Ксения Владимировна, я больше не могу! Все, все наши мальчики ушли в училища или на фронт. Ушел и Юра, а ведь он тоже не из сильных и вообще не физкультурник. Толя Филиппов вместо Морского училища попал в Военно-медицинскую академию и говорит: «Хоть и склонности нет, а хорошим врачом буду». А что же мне делать?

— Постой, Павлик, ведь ты забракован так же, как и Толя — по состоянию здоровья.

— Толя много моложе меня, его год еще не призывали, и у него плохое зрение. А ведь я могу в какое-нибудь техническое военное училище поступить. Вот шел я сейчас через двор института имени Герцена. Там какой-то старик в очках учится стрелять. Он куда менее поворотлив, чем студенты. Мне даже кажется: он такой же неловкий, как я, а всё-таки учится. Значит, и я тоже могу стать военным. Правда?

— Думаю, можешь. Выбери какое-нибудь техническое училище, где бы нашли применение твои математические способности.

Павлик спешно благодарит меня за что-то, жмет руку и быстро уходит.

Лучшие люди Ленинграда ушли добровольцами на фронт. Так поступил

преподаватель истории в нашей школе — Шукин. То же сделал Алеша Травин, отличник университета, бывший ученик нашей школы.

Прав Николай Тихонов в своих стихах:

Враг ломится в наши ворота, В страну нашей светлой зари; Учись же владеть пулеметом, Винтовку, приятель, бери!

Сегодня получила два письма с фронта. Борис пишет:

«Дорогая мама! Я был в окружении, но, как видишь, остался цел и невредим. Обо мне не беспокойся и посылок мне не посылай. У нас всё есть. Грибное ли у вас лето? Здесь такое множество грибов, какого я в жизни не видал! Растут они шляпка к шляпке, мешают друг другу, но только одни подберезовики...»

Очевидно, Борис далек от мысли, что враги уже там, куда ленинградцы ездили за грибами. И хорошо, что на фронте этого себе не представляют: им легче делать свое трудное дело.

Я написала Борису:

«Не знаю, много ли грибов в это лето. Мы ведь все очень заняты, и я, кроме госпиталя, нигде не бываю. Будь здоров, благополучен и пиши чаще. Письма твои для меня большая радость».

А вот маленькая записочка от девушки, судьба которой мне была неизвестна с дней войны с белофиннами:

«Вы помните взбалмошную девчонку, ученицу Лену Егорову? Помните, как я убежала с уроков в театр? Это было в финскую войну, когда мы учились по вечерам. Всё это далеко позади. Я теперь зенитчица. В армию ушла добровольно и многое здесь поняла и узнала. Самое главное — научилась ненавидеть фашистов.»

Мне хочется, чтобы Вы знали, что Лена тоже помогает Родине, как только умеет. Я знаю, — Вы будете рады, но обязательно скажете: «Не думала, что из нее выйдет толк!» Ведь скажете, да?»...

Война выработала какой-то особый, точный язык. Ни одного лишнего слова, и призыв смотреть правде в глаза: «Опасно?» — «Да, опасно». — «Страшно?» — «Подави страх. Трус не бывает победителем».

Сегодня в «Ленинградской правде» напечатано обращение Горкома ВКП (б).

«ТОВАРИЩИ ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть к Ленинграду.

Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей Родины.

Но не бывать этому!

Ленинград — колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны, никогда не был и не будет в руках врагов.

Не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы всё это досталось немецким фашистским разбойникам. Никогда не бывать этому!..»

Обращение кончается бодрыми, горячими словами веры в то, что:

«... ленинградские рабочие, все трудящиеся города Ленина с честью выполняют свой долг перед Родиной, не дадут врагу застать себя врасплох, все свои силы отдадут делу обороны Ленинграда и, верные своим славным революционным традициям, наголову разобьют нахального и дерзкого врага!..»

Нам всем ясно, что делать. Нужно быть на своих постах и работать, работать, работать...

Над городом темная, непроглядная ночь. Ни одной полоски света в окнах. На одиночных прохожих светятся фосфорическим блеском кружочки. О них мы читали в газетах: «Артель Ленпромсоюза «Галалит» приступает к производству специальных значков, светящихся в темноте. Покрытые фосфором, они помогают прохожим ориентироваться на улице во время затемнения».

Город пустеет: эвакуировали школьников, вывозят заводы.

Я продолжаю работать в госпитале, хотя приказом по РОНО переведена в 239-ю школу, куда вливается семь школ Октябрьского района. Здание этой школы на Исаакиевской площади, а вход против Александровского ада У подъезда здания стоят два льва, о которых писал еще Пушкин в «Медном всаднике».

От товарищей узнаю, что в школе организованы бригады по сбору теплых вещей.

Ученики обходят все дома участка, прикрепленного к школе. Были они и в нашей квартире.

— Вы не стесняйтесь, давайте и старенькие вещи, если нет хороших, — убеждала нас в прихожей круглолицая девочка с двумя светлыми косами за спиной. — Мы всё выстираем: шерсть очень хорошо стирается. Потом мы распустим все вещи, а старшие ребята и учительницы свяжут бойцам шарфы и варежки.

— Но и новые мы берем, — спешно добавляет ее спутник, рыженький мальчик, видимо, испуганный агитацией девочки за грязные и старенькие вещи. — И не может быть, чтобы у вас не было никаких вещей! — прибавил он почти сурово.

— Мы можем и завтра зайти, — любезно предлагает девочка.

Научный работник, живущий у нас в квартире, растерянно говорит:

— Честное слово, у меня ничего шерстяного нет. Я могу отдать им только серый свитер.

Завуч нашей школы, Антонина Васильевна, возглавляет бригаду вязальщиц. Ее кабинет буквально завален шерстяными вещами. Под ее руководством шерсть моют, распускают и перевязывают на вещи, нужные бойцам: шарфы, носки, свитеры, перчатки. Ольга Матвеевна, престарелая учительница математики, горда своим изобретением: старую шерстяную нитку она предложила укреплять ниткой штопки.

Все вязальщицы хотят сделать вещи не только теплыми, но и красивыми.

— И в записках стандарта не должно быть. Каждый пусть напишет от себя, что ему хочется, — говорит Лидия Михайловна. Ее сын — студент, одним из первых ушел добровольцем на фронт.

Мне приходится раз в неделю дежурить ночью в школе. Мое место у телефона. В распоряжении дежурного — группы самозащиты, сформированные из учеников и учениц старших классов. По первому сигналу воздушной тревоги пожарники надевают каски, берут в руки багры и топоры и занимают посты на чердаке и в обширном помещении школы.

Вечером ребята ведут бесконечные разговоры о способе тушения «зажигалок». Из бесед с ними я узнаю, что «химическое звено», особенно мальчики, завидуют

пожарникам. А санитары и санитарки завидуют и тем и другим. Это совсем не легкомыслие, не простое желание стать героем, — это серьезнее и глубже. Ведь и мне хотелось переменить пост кастелянши госпиталя на работу в палате тяжело раненных, а Ира перешла на работу в операционную.

Мы, учителя, мобилизованы на работу по эвакуации населения из Ленинграда. Мне приходится на время оставить госпиталь.

Медицинский кабинет нашей школы превращен в справочную комнату. Это царство наших географов: Марии Николаевны Ефремовой и Александра Марковича Москалева. Мария Николаевна — старейшая учительница нашей школы: ей семьдесят два года. Это высокая седая женщина, всегда тщательно одетая и причесанная. Мы знаем, что у Марии Николаевны большое сердце и очень плохое зрение, но она всегда бодр и прекрасно подготовлена к урокам. Никто, кроме ее ближайших товарищей, и не знает об ее недугах. Это человек большой культуры и выдержки.

Она — одна из любимейших детьми учительниц.

Александр Маркович — высокий, в огромных роговых очках, с седыми волосами и бородкой и черными как смоль усами. Он угловат в движениях, словоохотлив и приветлив. Дети очень любят его уроки.

Стены справочной комнаты увешаны картами, по которым еще так недавно дети изучали географию. Теперь их родителям учителя показывают направление эшелонов с эвакуируемыми. На столах разложены железнодорожные карты. Ежеминутно слышится голос Александра Марковича, склонившегося над ними:

— Пересадка будет в Кирове. Лучше ехать на Вологду. Смотрите сюда, тогда вам самим станет ясно, — говорит он и водит по карте карандашом.

В комнате, как говорят, яблоку негде упасть. Здесь матери с детьми на руках, ребята, цепляющиеся за материнские юбки, старушки, тревожно слушающие разговоры, которые ведут их дети или внуки.

— Скажите, а пчелками на Алтае я смогу заняться? — спрашивает древний старик.

— А вы пчеловод? — интересуется Мария Николаевна.

— Нет, я пенсию получаю. Был рабочим на заводе, а вот еще мальчонкой при деде на пасеке жил. Теперь бы и пригодилось! И от меня была бы польза!

Пока Мария Николаевна соображает, как с цветами и травами на Алтае, Александр Маркович говорит:

— Ты бы лучше, дедушка, пробирался туда, где твои заводские. А может быть, у тебя родные где-нибудь есть, к ним бы ехал.

Большинство лиц тревожно: враг заставляет людей бросать насиженное место.

— А что нас там ждет? Не придется ли жить с малыми детьми под открытым небом? — спрашивает женщина с ребенком на руках.

— А работу там дадут? — спрашивает другая.

— Граждане, — говорит Мария Николаевна, и твердое убеждение звучит в ее голосе, — если в условиях Ленинграда сумели организовать ваш выезд, то неужели там, куда вы едете, вас не сумеют встретить?!

Слова Марии Николаевны многих успокаивают. Люди выходят из комнаты с посветлевшими лицами и благодарят учителей.

Мы очень устаем в эти дни; к 8 часам утра надо уже быть на пункте, а кончать работу порой не удается и к 9 часам вечера.

Среди уезжающих много наших учеников и учениц.

К столу протискивается Коля, ученик 5-го класса, большой шалун.

— Мария Николаевна, вы меня не узнаете?

— Здравствуй, мальчик, — ласково говорит Мария Николаевна, — ты что же со школой не уехал?

— Мы все едем в Ярославскую, к дедушке. А вы не поедете?

— Нет, ты видишь, у нас здесь работы много. Мария Николаевна через стол протягивает Коле руку.

Он изумлен, но быстро понимает, что с ним прощаются, как со взрослым. Коля крепко жмет руку Марии Николаевны и совсем серьезно говорит.

— Не поминайте лихом! — Потом он отходит от стола, но, дойдя до двери, возвращается обратно со словами: — Мария Николаевна, может, вам придется ехать по Волге, запомните: пристань «Коминтерн». Рядом с ней и наша деревня Гнездово, а дедушку, как меня, зовут Николай. У нас можно пожить, изба большая, корова есть, молока много!

Мария Николаевна совсем растрогана:

— Спасибо, спасибо, Коля, запомню обязательно. Эвакуация оборвалась внезапно. Враг стал бомбить железнодорожные и водные пути.

Ленинград стал фронтом

Теперь я знаю, что значит «бомбежка».

Вчера вечером все были дома. В квартире шла обычная жизнь после трудового дня.

«Воздушная тревога, воздушная тревога, воздушная тревога!» — громко оповещает радио. Сирены воют во дворах домов, слышатся протяжные гудки, свистят тревожно паровозы. Мы понимаем, — враг над городом. Двенадцатилетняя Нина спешно гасит в кухне примус, ее мать хватается противогаз и спешит на чердак; кто-то бежит по коридору и напоминает: «Проверьте светомаскировку!» Я спешу одеться.

И вдруг дом сотрясается от взрыва... Дверь в коридор открывается сама собой. Гул самолетов в воздухе. Вновь отвратительный свист падающей бомбы...

Дом качнуло... Коридор и кухня ярко осветились каким-то желтым, необычным светом. Бегу туда. Окно раскрыто, и мне ясно: горит что-то во дворе.

Выбегаю на лестницу. Вася Кадушин, ученик 7-го класса, и еще какие-то мальчишки бесстрашно гасят «зажигалки», засыпая их песком. Во дворе светло как днем. Мне показалось: горят три «зажигалки».

— Что вы, — «три»!.. — говорит по окончании тревоги Вася. — Я сам потушил три, да еще ребята тушили и дворник.

Поднимаюсь на чердак; на горизонте полыхает море огня, и над ним, даже во мраке ночи, виден густой черный дым. Временами что-то взрывается внутри бушующего красного пламени, и оттуда выбрасываются целые снопы ярких искр. Больно, очень больно, но не за себя. Больно за Родину, за наш город.

Что это горит? Вокзал, заводы, склады? Гневом наполняется сердце.

Вчера было девять воздушных тревог. Очень утомительно по несколько раз в день обегать госпитальные палаты, отправляя в бомбоубежище всех, кто может ходить. Тяжело раненных мы оставляем в палатах. В операционной и перевязочной работа продолжается.

— Доктор Нина Петровна оперировала сегодня в течение четырех тревог, — рассказывает мне Ира, — и так спокойно, точно ни ей, ни больным ничего не грозит. Только выйдя из операционной, сказала: «Пусть мне в ординаторскую принесут крепкого чаю».

— Прекрасно работают и держат себя в операционной ваши девушки, — говорит мне очень требовательная хирургическая сестра.

При бомбежках большинство населения спускается в бомбоубежища. Многие матери с детьми еще с вечера отправляются туда. Понятие «бомбоубежище» входит в сознание ленинградцев как нечто совершенно необходимое, всегда существовавшее.

В одну из бомбежек был поврежден бывший дворец графов Шуваловых на Фонтанке. На другой день в очереди передо мной стояла старушка и повествовала:

— Разбомбило на Фонтанке господский дом. Жили там раньше господа, графья... Папаша мой у них дворником служил. Комната была у нас около подъезда. И как сейчас помню: налево конюшни и каретный сарай, направо подвал, а вот уж где у них было бомбоубежище, — никак припомнить не могу. Девчонкой еще я тогда была.

Дружный хохот всей очереди был ею воспринят с обидой.

— Над чем смеетесь? Старому человеку забыть простительно.

Убежища, конечно, играют в нашем городе огромную роль и спасают тысячи человеческих жизней.

В случае обвалов откапывают людей команды МПВО. Это очень опасная работа: малейшая неосторожность, и может рухнуть стена, обрушиться балка. Но наши мальчики принимают участие в этой работе.

Они с гордостью рассказывают мне:

— Мы теперь в команде МПВО.

— Что же вы там делаете? — спрашиваю я.

— Раскапываем, конечно, — важно отвечает мне один из них. — Я как услышу отбой и вырвусь из бомбоубежища, так хватаю лопату и бегу к дому, — куда бомба попала. Обязательно надо иметь свою лопату, а то у дружинниц не допросишься. А Юра и на крышу с лопатой лезет. Он в своем доме пожарник. Говорит, — лопата и на крыше пригодиться может. Юрку даже отвечать за раскопку назначают, он уже знает, как раскапывать.

— Да и силища у него! — с завистью говорит тщедушный, хрупкий Коля.

— Недавно они отрыли живыми мать и грудного ребенка. Мать вся изранена осколками...

Моя ученица Аня подробно рассказывала мне, как она с ребятами участвовала в ликвидации последствий бомбежки:

— Дежурила я у ворот дома, когда началась бомбежка. Я хотела сделать всё как следует, по инструкции... Первая «зажигалка» попала на крышу сарая и пробила ее. Пламя моментально охватило сарай, и загорелись сухие дрова. Я побежала со всех ног в контору вызывать пожарных. Возвращаюсь и вижу, как мальчики из нашего дома выстроились цепочкой от пожарного крана до сарая, а ведра с водой так и мелькают в их руках. И пламя будто затихает.

Так и погасили пожар до приезда пожарных. Брандмайор сказал:

— Молодцы ребята!

Все оставшиеся в районе ребята, особенно мальчики познакомились друг с другом. Их объединяет общее дело. Один мой ученик говорит:

— До войны мы вечно ссорились и дрались с ребятами из соседних домов, да и со своими жили недружно, а вот война всех сдружила, даже с девчонками ладим.

— Это правда, правда, — подтверждает Слава, — но самое замечательное, что управхозы нас больше не ругают.

— Еще бы, мы сейчас очень полезный народ, — гордо говорит Валя. — Вот теперь мы обматываем водопроводные трубы тряпьем: велели уже готовить дома к зиме. А вчера ходили к соседней школе: там улицы перегораживают баррикадами. И знаете, кто там работает? Наш завуч Антонина Васильевна. Честное слово, сам видел!

Наши мальчики верны себе, они всюду поспевают и всё знают.

Я не могу делать ежедневные записи, а нужно бы. Очень устаю, но в госпитале стараюсь казаться бодрой. Все мы привыкли к суровости, но привет, ласковое слово, заботливое письмо вызывают слезы. Очевидно, так у многих.

8 сентября я видела много плачущих ленинградцев. В этот день по городу были расклеены плакаты со стихами старого Джембула:

Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя! Мне в струе степного

ручья Виден отблеск невской струи. Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим
я скользну, — Вижу своды ваших мостов, Зорь балтийских голубизну,
Фонарей
вечерних рои, Золоченых крыш остря... Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы,
гордость моя!

Люди стояли молча и читали. Многие плакали. Плакала и я.

Было что-то глубоко сердечное в привете оттуда, где люди не знают, как свистит падающая бомба, врываясь в жилой дом. Им больно за нас. Они с нами...

Гордостью за наш город были наполнены слова:

Он отпор отразить готов! Не расколют его камней, Не растопчут его садов. К
Ленинграду со всех концов Направляются поезда, Провожают своих бойцов
Наши села и города. Спать не в силах сегодня я... Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои, Ленинградцы, дети мои, Ленинградцы,
гордость моя!

Мы знаем: о нас думают наши родные, друзья, все советские люди. Нас любят и понимают. А нам это помогает жить и работать.

Далеко от нас живет Джамбул. Читая его строки, я представила себе жаркий солнечный день, сады и арык...

Старый акын знает, как нам трудно, и ему захотелось помочь далекому Ленинграду. И он помог нам... Спасибо ему! Спасибо всем, кто думает о нас; а думает о нас вся страна.

Вчера я шла по Невскому от Садовой к Адмиралтейству. Солнечный день. На улице много народу. Вдруг страшный грохот. Такой силы звука мы еще не слышали. За первым выстрелом — второй, третий... Пожилой моряк-командир успокоительно говорит:

— Стреляют наши корабли.

Новый выстрел, и над домами слева поднимается густой черный столб дыма. Стало ясно: стреляют не наши. Я зашла в подъезд дома. Выстрелы усиливались. Улица опустела. Рядом со мной оказался тот моряк, который так недавно успокаивал нас на Невском.

— Что за выстрелы? — спрашиваю я.

— Как это ни невероятно, но, очевидно, — дальнобойные орудия противника. Эти мерзавцы стреляют, меняя дистанцию. Сейчас снаряды ложатся где-то в районе проспекта Майорова.

При этих словах я представила себе высокую гору в пригороде.

Город с нее виден, как на ладони. Помню, как учитель местной школы, стоя на крыльце, показывал нам место, с которого в 1919 году белые смотрели на Петроград и считали, что он будет в их руках через несколько дней. Не вышло тогда, не выйдет и сейчас...

Через полтора часа обстрел прекратился, и жизнь пошла своим чередом: двинулись трамваи, приехала ремонтная лестница для починки линии троллейбуса, улица наполнилась прохожими.

Под ногами хрустят стекла, так как окна домов на четной стороне Невского выбиты. Дворники спешно метут улицу, убирая осколки. На улице Дзержинского продолжаю свой путь по осколкам хрустящего под ногами стекла.

У дома, где я живу, толпа. Под ногами стекла, кирпич, штукатурка. Над аркой ворот зияет огромная дыра: снаряд попал в лестничную клетку. Всего их три попало в наш дом. В моей квартире пострадала комната Бориса. В ней жил и Сережа до отъезда на фронт. Все вещи засыпаны стеклом и штукатуркой. Тяжелую

дверцу шкафа воздушной волной бросило на кровать.

Начинаю уборку комнаты. Где-то сейчас Борис? От него было всего одно письмо.

Сережа ушел на фронт со стрелковым батальоном, и я о нем тоже ничего не знаю.

Новый обстрел прервал уборку. Я уже хорошо понимаю, что при полете снаряда совсем другой свист, чем при падении бомбы; он слышен, когда снаряд летит над нами. Это «перелет», а затем вдали страшный грохот взрыва и шум падения обломков.

Наш город стал фронтом. Сегодня дом стоит, — завтра его нет. Сегодня мы живы, работаем, а что нас ждет завтра, — да зачем завтра? — еще сегодня, через час, через минуту, — никто не знает...

Но не об этом надо думать сейчас. Надо работать, работать не покладая рук, как работает вся страна.

Дома большая радость — синий конвертик. Письмо с «Большой земли», из Молотовской области.

«Мне стыдно, что я уехала из Ленинграда. Вы знаете, я уехала не из страха, но мне казалось, что я нужнее при детях, чем в обстановке Ленинграда. А теперь мне кажется: мой долг быть с ним в эти трудные дни. Вы делаете большое дело, а мы — будничную работу».

Это пишет моя бывшая ученица, — она заведует на «Большой земле» интернатом ленинградских детей. Труд ее необходим сотням людей, а ей кажется, что это малое дело. Она считает, что в Ленинграде все мы делаем большое, настоящее дело. А нашим девочкам хочется туда, где еще труднее.

Это порыв, настойчивое стремление быть как можно полезнее Родине. В этом воля к победе...

В госпитале много тяжело раненных. В 8 часов утра вхожу в палату с кувшином воды, ведром, мылом и полотенцем.

Все глаза обращены на меня: не принесла ли я добрых вестей с фронта? Но их нет, и лица мрачнеют.

— К нам в палату принесли раненого. Он не позволяет переложить его с носилок на кровать. Санитарка просит скорей подойти сестру или вас, — говорит мне Оля.

Иду в палату. На полу стоят носилки. Больной укутан в теплое серое одеяло по подбородок. На белой подушке бросается в глаза строгое, очень красивое лицо юноши, почти мальчика, и на меня смотрят огромные серые глаза. Рот плотно сжат, и что-то страдальческое в очертании губ, во взгляде.

Наклоняюсь к раненому:

— Вас неудобно переключивали?

— Нет. Нельзя трогать. У меня отняты ноги... И контузия спинных нервов... Очень больно... Меня нельзя переключивать...

Я опускаюсь на пол рядом с носилками. Начинаю убеждать, уговаривать и доказывать, что ему будет удобнее лежать на кровати.

— Хорошо, — с трудом соглашается он, — только осторожней и помогайте сами.

Носилки поднимают на уровень кровати.

Две руки обнимают меня за шею. Санитарки с величайшей осторожностью подхватывают тело. Секунда, и больной лежит на кровати. По дрожанию уголков

рта и сжатым рукам я вижу, что боль очень сильна. Сестра нагибается и впрыскивает морфий. Глаза больного обращаются ко мне.

— Спасибо. Теперь мне хорошо. Вы врач?

— Нет.

— А кто?

— Учительница. В этом здании была наша школа.

— А я учился в десятой школе. — После долгого молчания он обращается ко мне:

— У меня к вам большая... большая просьба...

Голос у него тихий от сдерживаемого волнения.

— Нас у мамы двое: брат и я. Она нам всю жизнь отдала. Как мама перенесет несчастье со мной? Если бы вы могли ее подготовить!..

— Я охотно это сделаю, дайте адрес.

— Да, да. Я записку напишу. Вы отнесите, пусть мама прочтет, а вы потом ее немножко подготовите. Это ничего, что я вас об этом прошу?

Поздно вечером иду на площадь Коммунаров. Матери нет дома. Меня принимает соседка, очень толковая женщина, и обещает передать записку.

— Который же это из Никольских? Наверно, Андрей, — он мечтал быть музыкантом. Вы говорите, он тяжело ранен, но вне опасности? Для матери это главное.

Во время утреннего туалета Андрей поражает своей выдержкой. Преодолевая боль и опираясь на руки, он старается приподнять свое тело. Только просит не задевать его кровати.

Перед перевязкой заметно волнуется.

— Вы будете меня переключать и отвезете в операционную сами. Хорошо?

Во время сложнейшей перевязки не только я, но и врач-хирург преклоняется перед силой воли и выдержкой этого юноши.

В 16 часов придет мать. Решаю не говорить с ней до ее свидания с сыном: ей сейчас не до утешений. Записку она получила вчера и, очевидно, готовилась к встрече.

Входит женщина. Она останавливается на минуту в дверях, а затем легкой походкой пересекает палату, направляясь к кровати Андрея. Я вижу, как он протягивает руки, и слышу:

— Мама!!

Не замечая приготовленного для нее стула, она опускается на кровать и целует Андрея. Ему, наверно, больно, он никому не позволяет даже дотрагиваться до кровати, а она на нее села. Но лицо Андрея сияет: если ему и больно, то он терпит это ради нее. Через минуту она пересаживается на стул и держит руки Андрея в своих руках. Я вижу ее профиль: лишь легкий румянец выдает волнение. Она улыбается, наклоняясь к нему...

В палате зажигают лампы. Родным пора уходить. Андрей подзывает меня и знакомит с матерью.

Мы выходим с ней вместе из палаты. В коридоре она дает волю слезам.

— Мне страшно за Андрея! Как он воспримет свою инвалидность, когда пройдут эти ужасные страдания? Он не хочет показать мне, как ему больно.

Я говорю ей с величайшим убеждением:

— Андрей из тех людей, кто и сам не будет ощущать себя инвалидом и никому не позволит себя жалеть. У него огромная сила воли.

Мы прощаемся. Мне тоже хочется плакать в этих стенах, где столько молодых искалеченных тел. Но этого нельзя себе позволить. Надо не плакать, а ненавидеть тех, кто породил эту чудовищную войну...

Вечером Андрей обращается ко мне:

— Попросите того, кто играет на рояле в коридоре, сыграть что-нибудь серьезное, классическое.

Я иду к пианисту и передаю просьбу. Это легко раненый. Он подходит к Андрею, а затем возвращается к роялю и играет.

Когда свет уже погашен и я обхожу палату перед уходом из госпиталя, Андрей говорит мне тихо:

— Я думаю, пианистом можно быть и с протезами.

В командирской палате лежит раненый юноша-лейтенант — Леонид Белов. У него высокая ампутация левой ноги и ранение в живот. Больной очень раздражителен, он кричит на сестер; попадает и мне. Угодить ему невозможно. Я слышу, как врач говорит ему, имея в виду меня:

— Нельзя так кричать, — человек пожилой, работает добровольно.

Идут приготовления к ночи. Сестры разносят лекарства, делают впрыскивания. Я подхожу к больному, чтобы поправить подушки. Раздраженный голос:

— Вы пожаловались на меня врачу?

— Я не жаловалась. Она, вероятно, сама слышала, как вы кричали.

— Значит, я грубый, невоспитанный человек? Вы это хотите сказать?

— Я ничего не хочу сказать. Вы ранены, вам больно, и потому мне понятно, что нервы у вас не в порядке, — говорю я спокойно.

Я ночная дежурная. У меня две палаты: бывший большой угловой класс — палата бойцов и бывшая пионерская комната — палата командиров.

Сажусь в кресло в коридоре. Мне так лучше слышно, что делается в обеих палатах. Ни читать, ни вязать я не могу, так как мало света. Я сижу и думаю о тех, кто учился в стенах этой школы, а теперь на фронте.

Живы ли мои мальчики? А где сейчас Борис? Опять давно нет писем.

Но вот кто-то застонал в палате командиров. Не Леонид ли? Подхожу к нему. Он не спит. Ярко горят его щеки. У него жар. Нагибаюсь, — он плачет.

— Прошу вас, вытрите мне лицо, — говорит он.

— Вам больно? Позвать сестру?

— Не надо. Мне просто тяжело и страшно. Сядьте и расскажите мне что-нибудь.

Я придвигаю стул к его кровати и сажусь.

— Что же вам рассказать? Хотите — о нашей школе, о том, как в этой комнате

собирались ребята и по-серьезному обсуждали вопрос о вреде подсказок и шпаргалок?

— И всё-таки их писали! — с улыбкой говорит Леонид. Рассказываю ему о школьной жизни.

— А я в Куйбышеве учился... кончил школу в сороковом году. У нас тоже хорошо было, — говорит он и закрывает глаза, верно, дремлет. Вдруг глаза его широко раскрываются. — Я вам расскажу... Только не перебивайте меня. Может быть, мне будет легче, если я всё расскажу. Отец мой военный. Мы были в одном полку. Если бы вы знали, как он меня берег! Я всегда чувствовал его около себя. Так было и тогда... Наша рота пошла в атаку, а враги забросали нас минами. Задерживаться нельзя было ни на минуту. Отец бежал всё время рядом со мной, я слышал его дыхание. И вдруг я вижу: отец падает...

Что я могу сказать? Я могу только преклониться перед моральной силой этого мальчика: он ведь не остановился, он шел вперед, выполнял свой долг до конца, пока не был ранен.

Я беру его горячую руку в свою и спрашиваю:

— А мать у вас есть?

— Да, есть.

— Вы ей писали?

— О чем? Как погиб отец? — спрашивает он с раздражением.

— Нет, о том, что вы живы, что вы в госпитале.

— Нет. Не могу.

— А нужно. Мать ведь ждет ваших писем. Вы не знаете, как страшно для матери не получать писем с фронта.

Мы молчим. Он закрывает глаза и говорит:

— Укройте меня теплее... — Голубые глаза его ласково смотрят.

— Поцелуйте меня в лоб, как мать, — просит он тихо. Через несколько минут он забывается сном. А я кладу открытку на ночной столик: быть может, он завтра напишет матери.

Они такие разные — Андрей и Леонид, — наверное, разными были и в школе.

Они не мои ученики, но это неважно, — они ученики советской школы.

Им выпало на долю, едва вступив в жизнь, пройти через величайшие испытания. И они их прошли, проявив волю и сохранив любовь к жизни.

За эти сутки я пережила очень многое.

Вчера в 8 часов утра прихожу в госпиталь сменить Анну Петровну. Все тяжело раненные лежат в коридоре первого этажа. Анна Петровна очень устала от работы, связанной с переводом тяжело раненных со второго этажа в первый Большой вращающийся в коридорах, на отсутствие ночных столиков у кроватей. Занимаюсь «уютом»: сношу со второго этажа столики, белые салфетки, вазочки с цветами. Большое неудобство в том, что носить пищу надо с верхнего этажа. Но к обеду мы уже преодолели его. Пищу принесли в котлах в коридор и раздавали у нас в первом этаже. Я с двумя мисками в руках подхожу за киселем. Вдруг страшный грохот потрясает здание, и мне кажется, что оно рушится. В окно, выходящее во двор, я вижу языки ослепительно белого пламени на крыше соседнего здания, и затем снова грохот... Пол уходит из-под ног, стекла, рамы,

обрывки синих бумажных штор и белые клубы пыли летят из окон. Несколько минут ничего не сознаю...

Когда я очнулась, то оказалась на полу рядом с раздаточным столом, с которого стекал кисель. Мимо меня бежали наши сестры и рабочие. Спешу к своим больным. Они лежат с закрытыми глазами, засыпанные стеклом и штукатуркой.

— Вы не ранены? — спрашиваю я.

— Нет, нет. Только страшно открыть глаза, — всюду осколки.

Чьи-то руки меня обнимают: это Оля.

— Надо прежде всего привести в порядок наших больных, стряхнуть с них штукатурку, стекла, — говорю я.

Раненые ведут себя с огромной выдержкой: никто не стонет, не жалуется, и каждый старается облегчить нашу работу.

От нескольких «зажигалок» загорелось соседнее здание, занятое тоже нашим госпиталем. Пожар быстро ликвидируют силами медицинского персонала и пожарников. Оказывается, фугасная бомба попала в наш двор. Силой воздушной волны сорвало с петель тяжелую четырехстворчатую дверь актового зала и бросило вниз по лестнице, но затем перекинуло через перила, и дверь застряла в пролете.

Без жертв не обошлось. В верхнем этаже погибли две сестры и больной, вернувшийся в палату за папиросами. Когда я поднялась во второй этаж, где до сегодняшнего дня помещались наши больные, — я поняла, что, останься они здесь, жертв было куда больше. В ординаторской и в палатах второго этажа обрушились потолки. Зал, где так недавно состоялся наш выпускной бал, — разрушен.

С помощью санитаров нам пришлось делать раскопки, чтобы из-под обломков извлечь одеяла для наших больных, так как ветер гулял по нижнему этажу.

Мне не забыть этого вечера. На улице холодный осенний дождь и ветер. У ворот госпиталя огромная толпа. Она гудит, волнуется, требует, просит, — это родные наших раненых. Они хотят знать, живы ли их близкие. Врачи и сестры выходят на улицу и успокаивают взволнованных людей.

Наши школьницы сегодня не должны были дежурить, но пришли в госпиталь.

— Мы вас сменим, идите вы домой, — говорят они. — Ночью будем работать мы.

Я иду к врачу и прошу отпустить тех девушек, которые работали днем.

— Мы не уйдем, — заявляют они решительно. Электричество не горит, делать впрыскивания и давать лекарства в этой грязи и пыли немисливо. Кухня разбита, но, тем не менее, ужин был доставлен в срок из соседнего госпиталя.

Холодно. Ночь казалась бесконечно длинной и утомительной. Почти никто не спал.

Утром пришла смена, и мы могли отдохнуть. А днем всех раненых перевезли в другие госпитали и начали ремонт здания.

11 часов вечера. Я только что вернулась домой и хочу записать всё, пережитое за этот день.

Сегодня я решила навестить друзей и пошла в Эрмитаж. Там меня застала тревога. В Эрмитаже неумолимой строгости закон: при первом звуке сирены все, не занятые на постах, должны спускаться в бомбоубежище. Пришлось и мне спуститься. Сажу и читаю газету, поглядывая на часы.

Рядом со мной садится только что спустившийся в убежище работник Эрмитажа. Он наклоняется к моему уху и говорит:

— Большой пожар в районе Народного дома; туда брошены зажигательные бомбы.

В Ленинграде неписаное правило: сидящих в бомбоубежище никакими слухами не волновать. Нарушителей его обычно резко обрывают. Потому и мне это известие было передано шепотом.

На моих часах уже десятый час. Сколько же еще мне предстоит сидеть?

К великой моей радости, отбой зазвучал очень скоро.

Выхожу на набережную. Всё вокруг видно, как в хорошо освещенной комнате. На том берегу Невы, в саду Народного дома, высятся серые громады «Американских гор». Освещенные белым пламенем, они четко выделяются на фоне огромного темно-красного моря огня. Пламя ширится. Темное гигантское облако дыма повисло над громадным костром. Иногда видна струя брандспойта, но ее дуга исчезает в пламени. Нева вся сверкает, отражая то кроваво-красный огонь, то ослепительно яркий белый. Крепость и Биржа на Стрелке Васильевского острова ярко освещены и видны до мельчайших подробностей...

Но Биржа с толстыми стволами колонн стоит непоколебимо, и гордо взметнулся к небу шпиль крепости, тонкий и стройный. Гигантское пламя будто не смеет коснуться их, и они по-прежнему прекрасны. Пламя отступает перед ними и очень медленно убывает.

Решаю зайти в госпиталь и узнать, как пережили наши больные эти тревожные часы. Ведь тяжело раненные должны были видеть необычайное освещение города: их в бомбоубежища не спускают.

Через Неву летят черные клочья гари. На улицах еще светло от пожарища. Лица прохожих суровы и угрюмы.

В госпитале дежурная сестра говорит:

— Пройдите в палату. Больных сегодня не уложить, и сейчас еще многие не спят.

Узнаю, что во время пожара все, кто мог ходить, стояли у окон. Шторы подняли. Свет в палатах был слабее, чем освещение города. Всех очень волновало: что горит, где горит? В том, что пожар большой, никто не мог сомневаться.

Бесшумно вхожу в палату. Сразу с подушек поднимаются несколько голов.

— Почему вы вернулись в госпиталь?

— Вы были в городе, видели пожар?

— Что горело?

Я говорю вполголоса, чтобы не будить спящих:

— Пожар ликвидирован полностью.

Меня слушают с напряженным вниманием и те, кто знает наш город, и те, кто в Ленинграде никогда прежде не бывал. Когда я кончила, молодой дагестанец с тяжелым ранением в грудь говорит задыхающимся голосом:

— Сволочи! Ленинград хотят разрушить! Такой город!

— Не выйдет! — говорит кто-то в глубине палаты.

— Сам знаю, что не выйдет. Не надо объяснять. Город жаль!

— А вы были в Ленинграде до ранения? — спрашиваю я его.

— Был. А когда встану, еще раз всё посмотрю: и Неву, и дворцы, и Смольный. Ленинград! Такой город! — говорит он.

Я собираюсь уходить домой.

— Поднимите немножко шторы: как там сейчас на улице? — просят меня.

За окном октябрьская ночь, но на небе еще какой-то бледный зеленоватый свет. Пожарные части всего города были мобилизованы на ликвидацию этого опасного очага.

А враги не смогли использовать гигантского огневого ориентира для налета тяжелых бомбардировщиков. Пожар освещал им город, но нам он освещал небо, и самолеты не могли проникнуть к Ленинграду.

Оля подходит ко мне, держа в руках толстую папку. Она чем-то взволнована: на щеках горят два ярких пятна.

— Как вы думаете, ничего, если я проведу в наших палатах небольшую беседу и покажу фотографии?

Я удивленно смотрю на Олю. До сих пор она занималась только уходом за ранеными. Всё остальное она считала «не настоящим делом».

— Беседу? А о чем?

— О Ленинграде. С того вечера, как горели «Американские горы», раненые не перестают говорить о нем: его улицах, зданиях. Я хочу рассказать им про наш город. Папа мне дал интересные фотографии, рисунки, открытки.

— Это очень хорошая мысль, — говорю я. — Надо получить разрешение политрука.

Разрешение, конечно, было получено.

— Мне только страшно начать! — говорит Оля. — Пойду сначала в палату, где лежат молодые казахи. Я им читала Джамбула, и они просили меня еще почитать. А вы из палаты уйдите; при вас мне труднее говорить. Только помогите мне начать.

Вхожу в палату:

— Товарищи, Оля, которую вы все хорошо знаете, принесла фотографии. Она хочет показать их вам и рассказать о Ленинграде.

— Просим! Хорошо! Дело!.. — слышится со всех сторон.

Я сажусь в коридоре. Отсюда слышно, что происходит в палате. Оля показывает большие фотографии с видами города и довольно подробно рассказывает о Ленинграде: его архитектуре, памятниках культуры и искусства, связанных с историей нашей Родины. Слушают ее внимательно, изредка прерывая вопросами:

— Правда, что в Ленинграде шестьсот мостов?

— А Ленин где жил, это знают?

— А что теперь в бывших царских дворцах помещается?

Интерес к Ленинграду и его истории — огромный. Все те, кто никогда раньше не видал города, теперь непременно хотят его посмотреть.

Вечер прошел незаметно. Уже зажгли свет и на окна спущены шторы.

— Не пора ли готовиться ко сну? — спрашивает дежурная сестра.

Оля спешит собрать свои рисунки и фотографии. Ее искренне благодарят.

— Будто побродили по Ленинграду, даром что безногие, — говорит старый боец-крестьянин из-под Углича.

Меня подзывает раненый Федяев. Это очень энергичный человек, держащий в руках всю палату. Он умеет поддержать бодрость в товарищах, резко оборвать за грубость, вежливо, но очень авторитетно добиться порядка и тишины, когда в палате тяжело больной. Самые шумливые больные подчиняются ему беспрекословно.

Мы знаем, что он был политруком на фронте и тяжело ранен в бою, когда вел полк в атаку, приняв на себя командование после гибели командира.

— Беседа вашей девушки — большое, нужное и полезное дело. За Ленинград сражаются и те, кто нашего города никогда не видал. А вот сейчас больничные стены раздвинулись перед ними. Это важная политическая работа.

Передаю его слова Оле. Она радостно вспыхивает.

— А я все даты забыла. На бумажке записала, когда какое здание построено; хотела заглядывать, но стыдно было.

Возвращение в школу

Сегодня меня вызвали в 239-ю школу. Завуч школы Антонина Васильевна сообщила, что начало занятий в ленинградских средних школах с 4 ноября.

— Мы не будем ждать этого срока, — говорит она. — Детей уже истомило ожидание. Я думаю, что мы в недельный срок подготовим школу к открытию. Вам придется взять уроки истории в пятых, шестых и восьмых классах. Кроме того, вы назначаетесь воспитателем в шестом классе.

Видя, что я собираюсь что-то сказать, она добавляет категорическим тоном:

— Вы, вероятно, будете говорить, что слишком много классов? Если бы я с вами вчера говорила, речь шла бы и о девярых и о десятых классах.

Мне не хочется уходить из госпиталя, и мне кажется, что работа в нем крепче связывает меня с фронтом, но я не решаюсь это сказать. Представляю себе, как Антонина Васильевна посмотрит на меня из-под своих больших роговых очков и скажет:

— Ведь вы учительница!

Она глубоко права, ей надо организовать занятия в обстановке города-фронта. Я понимаю, что должна вернуться в школу.

В школе начались занятия. Младшие классы занимаются в домохозяйствах. Где есть достаточно сухие и теплые бомбоубежища, занятия будут проходить в них, а если в этих помещениях сыро, то управхозы обязаны предоставить хорошую, светлую комнату в одной из квартир, по возможности ближе к бомбоубежищу.

Сегодня первый раз вела занятия в 239-й школе. Ее все называют «школа со львами». Здание школы — исторический памятник. Строил его архитектор Монферран.

Пушкин знал этот дом и посвятил ему строки в «Медном всаднике»:

Тогда на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным
крыльцом С поднятой лапой,
как живые, Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном
верхом Сидел недвижный,
страшно бледный Евгений...

Вестибюль дома очень красив: массивные гранитные колонны на бронзовых пьедесталах.

На первой площадке лестницы лепка прекрасной работы, изображающая римское оружие, в библиотеке сохранилась замечательная роспись потолка.

Учителя собрались в школу очень рано. Здание огромное, и надо изучить помещение, чтобы не тратить времени на поиски классов, в которых нужно будет давать уроки.

Занятия начались в девятнадцати классах. Учащихся в школе семьсот человек.

Классы чисто вымыты и просторны. В них лишь чуточку холоднее, чем бывало раньше. Необычно то, что вешалки для пальто поставлены в классах.

Из окон учительской виден Исаакиевский собор. Впервые смотрю на него с высоты второго этажа и притом так близко. Гранитные колонны кажутся еще грандиознее, сложная капитель выглядит очень тяжелой и давит на ствол колонн. Золотого купола не видно, он покрашен серой, как наше осеннее ленинградское небо, краской.

Еще утром, подходя к школе, встретила маленькую девочку.

— Я решила обязательно прийти в школу первой, — сообщает она. — Мне недалеко, но я очень боюсь опоздать.

Она открывает тяжелую дверь вестибюля и с отчаянием в голосе говорит:

— Ну, вот я и опоздала! Это всё оттого, что ночь не спала, а под утро заснула.

В залах второго этажа много учащихся. Шумно и как-то празднично. Дети переведены из разных школ. Они отыскивают «своих» учителей и радостно их приветствуют.

Нам задают обычные вопросы:

— Вы у нас будете?

— Географию Александр Маркович будет преподавать?

— А воспитателем у нас кто?

— А немецкий язык учить будем?

— А правда, что нас будут кормить обедами и давать пятьдесят граммов хлеба в день? — спрашивает Аля, худенькая девочка с выпуклым лбом и карими глазами.

Мне очень трудно сказать: «Нет, неправда». Очевидно, ей уже знакомо чувство голода.

— Не знаю, — уклончиво говорю я.

— Об этом, наверно, в РОНО знают, — с надеждой говорит девочка. Для меня ясно, что под «этим» подразумевается обед и хлеб.

В проходном зале, «Кировском», как его называют школьники, так как в нем стоит бюст С. М. Кирова, рослый голубоглазый школьник в русских сапогах собрал вокруг себя массу ребят, главным образом мальчиков. Я слышу отрывки какой-то фантастической автобиографии.

— Как зовут этого мальчика? — спрашиваю проходящего мимо меня ученика.

— Это Валерий. Разве вы не знаете?

Коля крайне удивлен, что я не знаю такую известную личность.

Нужно познакомиться с этим мальчиком, у которого, как говорят ребята, «замечательно интересная жизнь».

Я не хочу прерывать их беседу и останавливаюсь в стороне, у окна.

— Было ясно, что это шпион... — слышу я голос Валерия.

— Загримированный? — с затаенным дыханием спрашивает кто-то из его слушателей.

— Естественно загримированный, с космами седых волос, — отвечает Валерий, широко расставив ноги и запустив руки глубоко в карманы штанов.

Раздается звонок, встреченный криком восторга ребят. Зал быстро пустеет: все торопятся в классы.

Решено начать занятия с короткого доклада. Его поручено сделать мне.

Я еще вчера очень волновалась, обдумывая свой доклад. Хочется его сделать как-то по-особому, — ведь школа никогда еще не начинала работать в такой необычной обстановке.

Как жаль, что я не знаю, как учились и учились ли дети в Смоленске и Москве в 1812 году или в Севастополе в эпоху его героической обороны. Думаю, что не учились... Я обращаюсь ко всем собравшимся в большом зале:

— Товарищи, мы начинаем занятия в необыкновенной обстановке: страна наша ведет тяжелую, упорную войну с сильным врагом; город наш окружен со всех сторон огромным числом фашистских дивизий; он стал фронтом.

В такой обстановке не приходилось учиться ни одному поколению русских школьников. Пройдут года, вы станете взрослыми, у вас будут дети, внуки... Они вас непременно спросят: «Что вы делали в дни Великой Отечественной войны?» И вы с гордостью скажете: «Мы учились в Ленинграде».

Многие из вас любят уроки истории, но она не только в прошлом.

Мы с вами живем в замечательную эпоху, когда в книгу истории вписываются страницы, полные героизма. Научитесь же читать эту книгу, и тогда вам легче будет переносить все трудности и лишения.

В самом факте, что вы сегодня начинаете учиться, смелый вызов врагу.

«Город в блокаде, город окружен врагами, а мы выполняем свой долг и садимся за книги», — говорите вы всему миру.

А наши друзья скажут:

— Мужественные дети растут в Советской стране. Они учатся в городе, который бомбят, обстреливают из пушек и лишают продовольствия.

Урок кончен. Закрываю журнал и говорю детям:

— Можете выходить из класса.

Ко мне подходит Валерий. Его сопровождают Федя и Толя.

Серые огромные глаза Феда сияют, а у Толи хитрое лицо наблюдателя. Он готовится стать свидетелем интересного события. Начинает Федя, считая себя моим знакомым.

— Ксения Владимировна! Валерий вам хочет что-то передать.

— Вы говорили насчет истории и просили всё записывать. Так вот я принес, — говорит Валерий, протягивая мне пачку листов, исписанных довольно крупным почерком. Сверху старательно выведено: «Моя краткая биография в дни войны».

— Очень хорошо, большое тебе спасибо! — говорю я, искренне обрадованная. — Я прочту и верну тебе.

— Не надо. Пусть вам останется, — великодушно заявляет автор «краткой биографии».

Списываю ее в свой дневник без всяких поправок:

«Еще до начала войны мы уехали на дачу в деревню Красавино. Скоро к нам стали привозить ребят, эвакуированных из Ленинграда. Их размещали по избам, и у нас тоже жило двое...

Мама стала руководительницей группы младших детей в интернате.

Скоро в Красавино пришли наши войска.

Мне и старшим ребятам очень хотелось сделать что-нибудь полезное для Красной Армии. Я и предложил:

— Ребята, давайте организуем отряд для ловли диверсантов.

Отряд создали и меня выбрали командиром, так как я знал все тропинки в лесу.

За время работы нашего отряда мы указали на трех шпионов. Первый нарядился в нашу военную форму и говорил, что отстал от части. Второй был в одежде крестьянина. Мы помогли их задержать, так как они показались нам подозрительными.

Но особенно интересно поймали третьего шпиона. Мы с ребятами пошли в лес за ягодами. Идем по дороге, весело смеемся и видим: навстречу идет старуха, на клюку опирается. Откуда тут быть старухе? Я развил у себя привычку рассматривать лица. Смотрю во все глаза на старуху и вижу на ее лице грим. Она прошла, а со спины ясно видно: фигура мужская. Я говорю Петьке: «Гони в воинскую часть!»; Шуре с Лешей велел издалека наблюдать, куда пойдет старуха, а сам я с остальными ребятами сел на краю дороги и стал ждать.

Минут через двадцать появились бойцы, и мы им показали, куда пошла старуха. Ее поймали, — а это был шпион.

Нам благодарность от командира дали.

Помогали мы строить временный аэродром. Вдруг распоряжение — аэродром должен быть ложным, чтобы ввести в заблуждение врага. Привезли два поврежденных штурмовика и поставили.

Всё это было интересно, и я очень старался работать.

Через деревню шли войска на фронт.

Я прожил в городе несколько дней, а потом вместе со взрослыми из нашей квартиры решил поехать «на окопы». Мы рыли противотанковые рвы. Спали то в бане, то в сене под открытым небом.

Сейчас работаю «пожарником». Очень люблю во время тревоги сидеть на крыше. И страшно, и интересно».

Вчера я сидела дома у печурки, когда радио донесло нам голос товарища Сталина.

Он говорил слова жестокой правды:

«Враг захватил большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, ряд других областей, забрался в Донбасс, навис черной тучей над Ленинградом, угрожает нашей славной столице — Москве...»

Нельзя пропустить ни одного слова из этого доклада.

Нужно чтобы

«... все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей Родины, за разгром немецких армий».

И какой уверенный, ободряющий конец речи!

«Наше дело правое, — победа будет за нами!»

Мы верили в победу с первого дня войны, но теперь мы знаем: она будет. Это убежденность поможет нам всё перенести, поможет работать не покладая рук.

День двадцать четвертой годовщины Октября принес нам новое доказательство грядущей победы.

В Москве, на Красной площади был военный парад. Разве это не свидетельство

нашей силы?

У нас в городе не было обычной демонстрации, но праздник всё равно чувствовался. На всех больших улицах и особенно на Невском была масса народа. В переполненных залах ленинградцы смотрели фильмы — «Ленин в Октябре», «Фронтовые подруги» — и спектакль «Свадьба в Малиновке».

Враг угрожал разбомбить каждый дом, где будет вывешен красный, праздничный флаг. В ответ на это все дома Ленинграда подняли красные флаги.

Мы участвовали в общем празднике страны, так как живем ее жизнью.

Мы знаем, что великая борьба народа с врагом на фронте в две с лишним тысячи километров — это и борьба за нас, ленинградцев.

Парки, скверы и бульвары изрыты щелями. Окна нижних этажей закрыты щитами с землей. Всюду ящики с песком. Закрыт серым холстом шпиль Адмиралтейства. Памятники под чехлами. «Медный всадник» обложен песком и обит досками. Вместо фигуры Петра на площади высится деревянная пирамида. Конная статуя Петра работы Растрелли зарыта глубоко в землю. Только памятник Суворову стоит на своем месте.

Зима в этом году ранняя и очень холодная. Я сегодня прошлась по Невскому. Радио радостное.

Вечером от Бориса получила коротенькое письмо, похожее на телеграмму:

«Дорогая мама, у меня радость, — представлен к ордену Красной Звезды. Напиши об этом Васе. У нее такой орден еще с финской войны. За меня не беспокойся. Целую.

Борис».

Для меня день вышел по-настоящему праздничный: письмо от Бориса, и с такой хорошей вестью. Но могу ли я не беспокоиться?

Каким-то он стал сейчас!

Если бы было возможно хоть самое короткое свидание с ним!..

В «Ленинградской правде» рядом две фотографии: высокая баррикада и на фоне ее отряд комсомольцев с винтовками. Он идет на фронт. Рядом с этой фотографией другая: урок географии в 7-м классе 316-й школы.

Противогазы через плечо у учащихся и учителей. Бочки с водой, мешки с песком, лопаты. Ставни для затемнения на окнах.

Ходят слухи, что в медицинских вузах возобновят занятия. Ира и Люба решили поступить в медвуз.

Под впечатлением всех уговоров и убеждений уехать из Ленинграда написала Васе Голубеву письмо на фронт.

Какой-то совет даст он мне?

Очень холодно. Холодно всюду: на улице, дома, в школе.

Норма выдачи хлеба снижена служащим до 150 граммов. Но и в этих условиях школы продолжают свои занятия.

К урокам готовлюсь по-новому. Бывало раньше вечера проводила за книгами, чтобы расцветить ярким, красочным материалом урок. Сейчас я себя «ограничиваю». Ничего лишнего. Скупой ясный рассказ. Детям трудно готовить уроки дома; значит, нужно помочь выучить их в классе. Не ведем никаких записей

в тетрадах: это тяжело. Но рассказывать надо интересно. Ох, как это надо! У детей столько тяжелого на душе, столько тревог, что слушать тусклую речь они не будут. И показать им, как тебе трудно, тоже нельзя.

Норма выдачи хлеба снижена до 125 граммов. Маленький кусочек хлеба, и его надо разрезать на три части: к завтраку, обеду и ужину. Это нелегко!

От Васи получила ответ:

«... Вы нужны в Ленинграде, — значит, оставайтесь. Ленинграду не быть чужим. Он наш и будет только нашим... Мы еще увидимся, — наверное увидимся».

Я рада, что Вася против моего отъезда.

Голод я переношу легко. Хочется есть лишь тогда, когда всё, что полагалось съесть на обед или ужин, уже съедено. Холод я переношу хуже, но только дома, а в школе о нем нет времени думать. Дома я почти всё время сижу на кровати под ворохом одеял.

Ноябрь, а уже лютая зима. С Невы дует резкий ветер. Морозы небывалые для этого времени.

Сейчас всё бело. И снег искрится. А небо кажется синим-синим. В Александровском саду деревья стоят под покровом инея. А в лунные ночи город залит серебристым светом. Громадные тени домов и деревьев на снегу кажутся черными.

Умом мы все понимаем, что лунные ночи страшны: они облегчают вражеские налеты. Но когда идешь по улицам, не можешь не чувствовать красоты города.

Таня часто заходит ко мне в эти лунные вечера.

— До чего красив город! — говорит она. — Иду и думаю: «Какая я легкомысленная девчонка! Разве можно любоваться городом в это страшное время!»

— Нет, Таня. Мне кажется, что все, кто не научился видеть прекрасное, — сильные люди.

В классах отсутствует много учащихся...

В начальной школе уже прекратили занятия: в бомбоубежищах так холодно, что заниматься стало невозможно.

Самые энергичные наши учительницы попробовали организовать занятия в квартирах первых этажей, поближе к бомбоубежищу. Они обходили родителей, прося посылать детей на занятия с поленом дров для топки печурки.

Трогательны были эти закутанные маленькие фигурки, идущие по улицам с поленьями дров. Но и у родителей подчас не было топлива для своей печурки.

Тогда учительница младших классов — Анна Ивановна — предложила потребовать от управхозов деревянный лом, который найдется в каждом доме. Многие учителя снова добились топлива для своих классов-комнат.

Но когда погасло электричество, участились воздушные тревоги и обстрелы, — занятия не могли продолжаться.

Учительницы, оставшись без работы, пришли к нам в школу и взяли на себя ночные дежурства, чтобы облегчить работу педагогам старших классов.

А как мы работаем в школе?

В классе все дети сидят в пальто, перчатках или рука вицах. У девочек на головах

теплые платки. Руки в муфтах. В них они отогревают не только руки, но и носы. У счастливцев на ногах валенки.

Учителя тоже не снимают верхнего платья.

От больших кафельных печей веет холодом: их давно не топят. Чернила покрываются коркой темно-лилового льда.

Ребята каждый день устраивают в чернильницах «проруби» и через них обмакивают перья.

Водопровод перестал подавать воду во второй этаж, а затем и вовсе перестал действовать.

Антонина Васильевна сказала:

— Это не заставит нас прекратить занятия. Ведь жили же когда-то в Петербурге без водопровода, не было его и в школах. Надо только особенно тщательно следить за чистотой.

Четвертый урок давать трудно. Дети настороженно ждут звонка «к супу», — как они говорят.

Суп для всех приобрел особую ценность. Получить две тарелки супу — мечта каждого. Дети их получают; но как быть с учителями? На всех супа не хватает.

Директор пригласил завуча и председателя месткома, чтобы обсудить положение.

— Товарищи, — говорит он, — надо решить вопрос о второй тарелке супу; всем ее давать мы не можем. Предлагаю решить отдельно вопрос об учителях и учащихся.

— Об учащихся и говорить не стоит. Все они должны получать вторую тарелку, если съели первую, — предлагает Антонина Васильевна.

— Конечно, конечно, — соглашаются все.

— Решено. А как быть с учителями? Тягостное молчание.

— Опросить самих учителей. Узнать, кто меньше нуждается... — неуверенно говорит председатель месткома.

— Ну, нет. Это ни к чему не поведет. Совестьный человек скажет: «мне не надо», а он, может быть, голоднее другого.

— Мне кажется, все учителя, дающие уроки, имеют неоспоримое право на вторую тарелку супу, — говорит Антонина Васильевна. — Что касается учительниц начальной школы, то мы знаем, кто уже начал слабеть и у кого дома дети. Вот только этим учителям мы и можем дать вторую тарелку супу, — заключает она.

Сегодня я дежурила в школьной столовой. Узкие длинные столы без скатертей. Глубокие тарелки всех размеров, расцветок и рисунков, собранные от учеников. Ложки у всех свои.

Все обедающие в верхнем платье. У многих детей портфели привязаны через плечо на веревке, чтобы руки не мерзли на улице.

Директор, в пальто и меховой шапке, сидит у стола, на котором стоит котел с супом. Он наблюдает за раздачей.

На моей обязанности — следить, чтобы учащиеся съедали суп в столовой, а не отливали его в баночки и кружки и не уносили домой. А многим очень хочется это сделать. Дома мать, отец, младшие дети не имеют тарелки супу.

— Позвольте отнести суп домой! — просит меня Надя. — Мне, правда, довольно

одной тарелки, а дома у меня мама и сестренка.

— Нельзя, девочка, суп вам дают, чтобы поддержать силы и помочь вашему ученью.

Глаза ее наполняются слезами, и она молча ест суп.

У меня нехорошо на душе. Имею ли я право так поступать? Я учительница, которая всегда стремилась воспитывать в детях заботу о близких... Но сейчас я должна помешать Наде унести суп домой. Иначе нельзя. Организм детей и молодежи слабее, чем взрослых.

Антонина Васильевна подходит к одному из учеников. Он держит стеклянную баночку под столом и украдкой отливает в нее суп.

— Этого делать нельзя, ты же знаешь, что это запрещено, — говорит она.

— Антонина Васильевна, позвольте, пожалуйста. Суп для Володи, у него ноги стали пухнуть, — говорит шепотом ученик.

— Ешь свой суп, — говорит Антонина Васильевна, — а баночку дай сюда. Володе я налью супу из котла.

Ученик сияет.

Не попросить ли мне для Нади третью тарелку? Нет, этого сделать я не имею права. Антонина Васильевна переступила железный закон столовой потому, что дело шло о помощи ученику.

Обедом заканчивается учебный день, и столовая быстро пустеет.

С болью в душе думаешь, что есть еще более голодные люди, а ты ешь студень из столярного клея и суп из ремней.

Качество супа всех живо интересует. На днях перехожу площадь, мимо заиндевшего Исаакя, и иду к проруби на Неву, за водой. Навстречу мне из школы идет Юра и кричит:

«Ксения Владимировна, идите скорее в школу, — мировые щи!»

«Мировые» щи были из «хряпы» (то есть наружных листьев зеленой капусты), к тому же очень жидкие. Но и мне они показались необыкновенно вкусными.

Вчера опять был очень тяжелый день. Только кончится одна тревога, поднимешься из бомбоубежища в классы, как вновь надо спускаться. Я потеряла счет этим спускам и подъемам. И дети спорят: семь или одиннадцать раз мы спускались в подвал.

Никто не знает, ждет ли нас «дом», когда мы вернемся из школы. Антонина Васильевна вчера пришла «домой» и вместо дома увидела раскрытые в сторону Мойки квартиры пяти этажей. Стена рухнула. Домашних ее, к счастью бывших в кухне, выходящей окнами на другую сторону, спускали по пожарной лестнице.

Сегодня Антонина Васильевна выносит из разрушенной квартиры уцелевшие вещи. Учителя, не занятые уроками, пошли ей помогать.

К концу дня начался обстрел. Школьный вестибюль полон людей, случайно застигнутых обстрелом у здания школы. Снаряды рвались совсем близко. Мы с бухгалтером сидели в канцелярии, когда раздался страшный грохот и со звоном вылетели стекла окон. Внизу взволнованные голоса: большой осколок снаряда пробил толстую деревянную дверь подъезда и влетел в вестибюль. К счастью, никто не был ранен.

Тетя Саша, уборщица школы, приносит с улицы мраморный хвост одного из наших

«львов сторожевых».

— Пусть полежит в кладовке; кончится война — починят, — невозмутимо говорит она.

Я выхожу на улицу. Бедный лев, у него оторваны не только хвост, но и нижняя челюсть! Перед самым подъездом большая воронка. Около нее мальчики из нашей школы ищут головку от снаряда.

Один из них спрашивает меня с улыбкой:

— Вы не знаете, на этом льве сидел Евгений или на другом?

Я еще раз убеждаюсь в ценнейшем качестве людей нашего города: сохранении полного самообладания, даже способности шутить в тяжелые минуты.

Снаряд, упавший перед школой, причинил ей огромные беды. Большинство окон, особенно в первом этаже, оказалось без стекол, а на улице мороз. Заниматься в классах первого этажа невозможно. Но и во втором этаже все классы полутемные, так как недостающие стекла заменили фанерой. В учительской теперь тоже устроен класс.

В крохотном кабинете завуча поставлены письменные столы директора, бухгалтера и делопроизводителя.

— Здесь будет и учительская, — говорит Антонина Васильевна.

Сегодня я с ней говорила о том, что кое-кто из служащих хочет уйти из школы, а некоторые учителя мечтают о переводе в детские дома, где можно получать готовое питание.

Антонина Васильевна сказала:

— Задерживать никого не станем. Сейчас школе нужны только те люди, которым она дорога.

В классных журналах всё больше и больше пометок «нб» (не был в классе). Иной раз этих «нб» можно даже насчитать 14–16 против одной и той же фамилии. Ряды учеников редеют. Требуется большая сила воли, чтобы сидеть в стуже почти пять часов в классе. Но мы ведем борьбу за посещение школы детьми. Почему? Нам совершенно ясно: в коллективе детям легче переносить все лишения. Общение с товарищами, учителями отвлекает их от постоянного ощущения голода и холода. Само приготовление уроков наполняет осмысленным трудом бесконечные темные вечера в холодных квартирах. А ведь «вечер» длится с момента прихода детей домой, так как во многих квартирах стекла окон давно заменила фанера.

К сожалению, некоторые родители не понимают значения коллектива и осмысленного труда детей и удерживают их дома.

Просидев дома две-три недели, учащиеся вновь появляются в классе. Их тянет школа. Но за это время их товарищи ушли далеко вперед. Ни физических, ни моральных сил «догнать» одноклассников у них нет, и, походив несколько дней, они обычно исчезают из школы совсем.

Бомбоубежище стало нашим главным пристанищем. Здесь в подвале когда-то была «раздевалка». От нее остались голубые деревянные перегородки и проволочные сетки. Теперь помещения, ими огороженные, носят название «секторов». Каждый сектор закреплен за определенным классом. В бомбоубежище идеальный порядок и чистота.

Как только у нас объявляется воздушная тревога, кто-либо из сидящих в кабинете завуча хватает зеленую, донельзя противную по виду школьную сирену, которая напоминает мне почему-то гигантскую саранчу, и крутит ее ручку.

Протяжный вой сирены застывает в ушах. Учителя прекращают уроки и отдают приказ:

— Дежурные, на посты! Всем спускаться в бомбоубежище!

Коридоры и проходные залы наполняются учащимися, идущими в убежище. Дежурные идут занимать посты.

Как ведут себя дети во время тревоги? Я бы сказала: удивительно спокойно. Только один мальчик из 7-го класса буквально трясется. Но над ним не смеются. Все понимают, что может быть страшно; но ленинградские дети научились владеть собой.

Первое время в бомбоубежище ученики просто сидели и разговаривали. Бесконечно толковали о еде и всегда — о сытной пище.

— Что может быть вкуснее хорошей котлетки и к ней много-много макарон?

— Когда мы были в Крыму, капа в ресторане заказал мне огромный бифштекс. Его подали на горячей сковородке; сверху глазунья, много жареной картошки, а мне было жарко, и я не стал есть. Вот дурак был! Не могу себе простить!

У многих детей начинают блестеть глаза, а это признак голодания. Они забиваются в угол и стараются не слушать рассказов.

... Разговоры о еде приносят вред, разжигая чувство голода, но прекратить их трудно.

— Ребята, — говорю я, — чтобы разговоров о еде больше не было! Предупреждаю: за каждый такой разговор буду брать штраф хлебными корочками.

Конечно, мне никто не поверил, но детям понравилось угрожать друг другу штрафом за разговор о пище.

— Смотри, уже двадцать пять граммов надо платить!

— Почему двадцать пять? Я только о сырковой массе говорила.

— А она у тебя с цукатами была? Определенно с цукатами, так придется платить двадцать пять граммов.

Большим счастьем было то, что многие из нас в те дни сохранили юмор: он помогал нам даже в очень тяжелые минуты.

Как-то я спустилась в бомбоубежище несколько позднее других, так как проверяла посты связистов. В одном из секторов, с учащимися 8-х классов, сидел Александр Маркович. Мальчики сказали мне:

— Ксения Владимировна! Александра Марковича надо оштрафовать на весь дневной паек хлеба: он целый час говорил о еде, да еще на уроке.

Смотрю с удивлением и даже с некоторой тревогой на Александра Марковича. Он разводит руками:

— Что делать, в экономической географии приходится говорить о консервной промышленности, а они меня подвели под ваш закон о штрафах.

Некоторые дети находят какое-то своеобразное утоление голода в разговорах о пище, но их приходится по-серьезному убеждать не вести этих разговоров, ради других.

Оля спрашивает меня шепотом:

— Можно немножко поговорить о самой простой еде?

— Нет.

— Ну, хорошо, тогда я вам скажу потихоньку. Можно?

— Говори.

— Знаете, после войны я куплю два кило чечевицы, сварю кашу и съем ее одна. Вот наемся досыта!

ШКОЛА В БОМБОУБЕЖИЩЕ

Сегодня Александр Маркович много рассказывал ребятам о боях под Москвой. Было тихо-тихо. После беседы Миша спросил:

— Александр Маркович, ведь страшно за Москву?

— Нет Москву не отдадут... Вот я недавно ночью в бомбоубежище перечитал стихи Гаврилы Романовича Державина Они меня утешили и даже до слез тронули. Как ведь сказано:

А слава тех не умирает, Кто за Отечество умрет...

Он встал во весь рост. Длинная тень его причудливо задвигалась по сводам бомбоубежища. Громким голосом он начал читать:

О Росс! о добльственный народ, Единственный, великодушный, Великий, сильный, славой звучный, Изящностью своих доброт! По мышцам — ты неутомимый. По духу — ты непобедимый, По сердцу прост, по чувству — добр, Ты в счастье тих, в несчастье бодр...

Раздается гром аплодисментов. Александр Маркович садится, водружает на нос свои большие очки и говорит, обращаясь к Лидии Михайловне:

— Как я вам завидую, сказать не могу! Преподавать сейчас литературу — это великое дело.

— А почему? — спрашивает кто-то.

— Понятно. Ведь мы на уроках Лидии Михайловны читаем «Слово о полку Игореве», и как-то особенно читаем, — точно там не половцы, а наши враги, — говорит Миша.

— А я, когда писала сочинение о Родине, даже заплакала, — призналась Оля.

Лидия Константиновна тихо говорит мне:

— Это верно. Сочинения ребят очень искренни и глубоки по мысли. В них действительная любовь к Родине и тревога за Москву.

Частые воздушные тревоги заставили учителей перенести уроки в бомбоубежище. Ведь мы обязаны по тревоге спускаться вниз с тем классом, в котором ведем занятия. Естественно, что оборванный на полуслове урок стал заканчиваться в бомбоубежище.

Сегодня я рассказывала о завоеваниях Чингисхана в моем любимом 8-м классе. В нем — талантливый ученик и поэт Алеша, огромный и флегматичный Игорь, чрезвычайно ценный неиссякаемым оптимизмом. То он «наверное» знает, что враги уходят из-под Ленинграда, так как им не выдержать наших ударов, то, и тоже «наверное», знает, что в Ленинград летит эскадрилья самолетов, груженных какими-то чудодейственными, особой питательности концентратами. В этом классе мне всегда интересно и «уютно». В нем чувствуется и дружба детей и привязанность к нам, учителям.

— У монголов было страшное для тех времен орудие, метавшее огромные камни в стены осаждаемых городов. В музее Одессы я видела одно из этих ядер; мне, человеку выше среднего роста, оно по грудь: огромный черный, гладко отполированный камень...

Мой рассказ прерван страшным грохотом. Стены убежища дрожат.

— Наверно, близко упала!

— В начале Невского, — говорит Игорь.

— Нет, толчок шел с другой стороны. Верно, где-то у Адмиралтейства, ближе к «Медному всаднику», — оспаривает кто-то из мальчиков.

Опять звук падения бомбы. Стены содрожались. Как хорошо и крепко возводил своды подвала строитель нашего здания!

Удивительно, что учащиеся охотно слушают и отвечают в этой напряженной обстановке. Не могу думать, что они не представляют всей опасности. У многих погибли родные или знакомые.

Они знали о том, как Наташа, придя домой, нашла разрушенную комнату и убитых мать и бабушку. Она прибежала в школу, белая как бумага, и сказала:

— Я осталась совсем одна... Теперь школа — мой дом...

Мы проводили долгие часы в бомбоубежище. После уроков я рассказывала о своих переходах через кавказские горные перевалы, о поездках по Сванетии и Средней Азии, о путешествиях на самолетах, а иногда просто читала сказки. Эти беседы в бомбоубежище очень сближали нас с детьми.

— Вы знаете, что о нас сегодня написали в газетах? — спрашивает меня Миша, едва я успела войти в класс. — Послушайте: «Мы будем гордиться, что оставались бодрыми, получая свою скудную норму хлеба, живя в комнатах, где в окнах вместо стекол — картон или фанера».

— Правда, здорово написано! Замечательно! — восхищается Игорь.

Статьи Алексея Толстого, Николая Тихонова, Ильи Эренбурга читаются с величайшим интересом. Александр Маркович предложил мне:

— Давайте устраивать политинформации в бомбоубежище. Ведь многие сейчас без газет, и радио не у всех работает. Мне кажется, сейчас главное: поддержать бодрость в ребятах.

Я вполне согласна с Александром Марковичем. Надо, чтобы дети научились видеть светлое за суровой картиной настоящего.

Я пошла в райком партии с просьбой дать нам газет для проведения политинформации. В «Красной звезде» и центральном органе — «Правда» — печатаются интересные очерки о героях Великой Отечественной войны.

Меня направили в парткабинет к заведующему лекторской группой. Он не только снабдил меня газетами, но и обещал сам прийти в школу и побеседовать с ребятами. Приглашал заходить в парткабинет и пользоваться литературой.

Составляю конспект сообщения о положении на фронтах. Беру материал из статей А. Толстого, Тихонова, Эренбурга.

Гашу коптилочку и, лежа в постели, еще и еще раз обдумываю план беседы. Товарищ Сталин сказал, что Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва. Детей это развеселит. Обязательно надо рассказать о тактике Кутузова и Барклая. Хорошо бы перечитать сейчас «Полководца» Пушкина. Может быть, привести несколько строк из этого стихотворения? А кто же сказал так удачно, что и Карла XII погубило проникновение в глубь страны? Кажется, Энгельс.

Книги, которые мне нужны, стоят в шкафу. Но в холодной комнате так трудно вылезать из теплой постели! Посмотрю завтра...

Нет... Без этого материала мне не обдумать моего плана до конца.

Чиркаю спичкой и зажигаю коптилку. На цыпочках, чтобы не разбудить мою приятельницу, пробираюсь к книжному шкафу. Коптилочка дает мало света, а

стулья и кресла отбрасывают густые тени. Я плохо вижу и налетаю на скамеечку для ног.

— Что случилось? — раздается голос моей приятельницы.

— Мне нужно достать стихи Пушкина и поискать одну цитату Энгельса, — говорю я виноватым голосом.

— Ох, эти педагоги! Спите вы, пожалуйста! Говорят, сон равняется какому-то количеству пищи.

Она засыпает, а я читаю замечательные строфы Пушкина.

Дети любят политинформации. Для них они окно в мир, который лежит за пределами осажденного города.

— Когда же будет политинформация? — спрашивают Александра Марковича. — Уже шестая тревога, а политинформации всё еще нет!

— Слышите, Ксения Владимировна? — говорит Москалев. — Мы получили достаточно сигналов, и пора начинать. Кому из нас выступать?

— Вам, Александр Маркович.

Он рассказывает о событиях под Москвой и значении ее обороны.

У детей огромный интерес к Москве. Ее образ тесно связан в их сознании с образом Родины.

Слабеют наши мужчины и очень пожилые учительницы. Умерли Борис Александрович и Анастасия Ивановна. Мы утешаем себя, что они не жертвы блокады. Борис Александрович был в авиации и во время полетов «не соблюдал своего потолка». В результате сильно повысилось кровяное давление, и летчика прислали лечиться в Ленинград.

Анастасия Ивановна умерла от поноса — болезни, вызванной истощением; но мы хотим думать, что это результат тяжелой хирургической операции.

Александр Маркович так слаб, что сидя дремлет, но продолжает нести дежурства по школе.

Более сильные товарищи предлагают его заменить, но старик отказывается:

— Другим тоже тяжело!

Дети носят ему сосновые ветки и рекомендуют настаивать иглы на воде.

— Это витамины, они вас поддержат.

Учитель математики, Василий Васильевич, слег в постель. Ему, видимо, совсем плохо...

На сердце очень тяжело... Неужели это можно когда-нибудь забыть?

В школе стало тихо: дети не шумят, не бегают! Приходят и сразу идут в классы. Лица у них бледные, со страшными синими тенями под глазами. У некоторых глаза впали и носы заострились, — эти нас больше всего пугают. Мы узнали впервые страшные слова: «дистрофия» и «дистрофик».

Но школа продолжала работать. Верно сказал А. Фадеев в одном из своих очерков:

«Да, они учились, несмотря ни на что, а вместе и рядом с ними навеки сохранится в истории обороны города мужественный образ ленинградского учителя. Они стоят одни других — учителя и ученики. И те и другие из мерзлых квартир, сквозь стужу

и снежные заносы, шли иногда километров за пять-шесть, в такие же мерзлые, оледеневшие классы, и одни учили, а другие учились».

Под Москвой наши дела идут лучше и лучше. 8 декабря началось наступление на Волоколамском направлении. Я долго искала по карманному атласу СССР линию Снигири — Рождествено и нашла ее на карте «Москва и окрестности». Грандиозная битва под Москвой закончена.

Для Москвы счастливый день — 13 декабря. Когда будет такой же день для Ленинграда?

Где будет решительная победа: на Петергофском, Гатчинском, Пушкинском направлении? Всё равно она будет.

Дома очень холодно. Сидеть в комнате, после того как перестаем топить печурку, невыносимо. А топливо надо экономить. Дров нет, и я давно жгу мебель. Буфет красного дерева нас поддержал почти месяц. Письменный стол Бориса (а мне его было жалко жечь: ведь Борис провел за ним все свои школьные годы) дал очень мало тепла, — очевидно, плохой сорт дерева. С кухонной мебелью тоже не вожусь: она мало дает жару. Вот венские стулья горят хорошо, но они очень «трудоемки»: пилишь, пилишь, из сил выбьешься, пока превратишь их в дрова.

Прихожу из школы часа в два, в третьем. Свои «два супа» приношу домой. В бидоне ношу из школы воду. Грею суп на печурке и варю маленькую кастрюлечку жидкой каши без жиров. Это мой обед. После него лежу и дремлю. Говорят, послеобеденный сон необходим для сохранения сил.

Затем иду в булочную за хлебом. Хлеб и продукты покупаю себе и Марии Николаевне Ефремовой. При ее зрении ходить по темному городу невыносимо, да и сил у нее мало.

Я тоже хожу с палочкой, — это как-то надежнее сейчас.

К «ужину» опять топлю печурку. У меня есть еще настоящий кофе, и это большое счастье. Когда в этот час кто-нибудь заходит, то угощаю кофе, но хлебом угостить не могу.

Чаще всего приходит Таня и приносит читать письма. Она установила переписку со всеми нашими мальчиками. Таня осторожно спрашивает:

— От Бориса получали письма?

— Очень давно.

— Лучше, что его здесь нет. Он у вас худенький. Ему было бы трудно переносить голод. Мне вот очень-очень трудно: внутри всё болит...

— Знаешь, Таня, я тебе налью еще чашку кофе. И у меня остался вчерашний сухарик.

Я достаю половину сухарика, который должен служить мне завтраком, и кладу на блюдце чашки с горячим кофе.

— Неужели вы не съедаете дневной порции хлеба? — изумляется Таня, колеблясь, взять ли крохотный сухарик.

— Иногда, — говорю я и меняю тему разговора.

Но вот печурка погасла. Начинается мой рабочий вечер. Впрочем, иногда вечер наступает в 15-16 часов, — ведь зимой темнеет рано.

Мне надо подготовиться к завтрашним урокам. Залезаю на кровать и укрываюсь теплым одеялом, пледом и ковром. На столике у кровати блюдце с олифой, и в него опущен фитиль. Его надо всё время обчищать от нагара: Делаю это при помощи

английской булавки. Руки стынут и опухли. А работать надо. Нужно так подготовить урок, чтобы мой рассказ врезался в память. И еще хочется найти что-нибудь такое, что могло бы развлечь учеников, вызвать на их лицах улыбки... Я не могу, я не имею права давать плохие уроки.

В школе теперь тихо. Кажется, что ученикам и нам говорить трудно. Нет сил.

Память детей слабеет. Хорошая ученица во время рассказа об итальянском Возрождении вдруг запнулась, подняла на меня большие серые глаза и как-то скорбно сказала:

— Я помню биографию замечательного художника и ученого, но я забыла его имя. — А потом дрогнувшим голосом: — Я... я даю вам честное слово, что я урок учила.

Я говорю спокойно:

— Ты имеешь в виду Леонардо да Винчи, конечно. Садись. — И ставлю в журнал: «Отлично».

Почему я это делаю?

Я знаю: урок она учила и хорошо ответила.

Забуть имя Леонардо да Винчи она могла только в обстановке наших дней. Нельзя ей дать заметить, что память у нее ослабела. Нельзя. Чтобы учиться или учить, надо верить, что это тебе по силам.

У Наташи по алгебре в журнале стоит «плохо». Мария Матвеевна, очень старый педагог, опухшая от холода и голода, говорит:

— Я не понимаю, что с Наташей? Вызываю девочку в коридор.

— Почему ты не приготовила урока по алгебре?

— Ксения Владимировна, я исправлю. Я отвечала, как в полусне: под утро умерла моя сестра... Ей было семнадцать лет...

Наташа плачет. Я не могу говорить ей слов утешенья. Тут они бесполезны. Но мне хочется, чтобы она поняла, что я не могу остаться равнодушной к ее горю, и вместе с тем хочу чтобы она его пережила. Мы должны быть сильными. Кладу ей руку на плечо и говорю:

— Безусловно, справишь. Скажешь преподавателю, когда сможешь ответить.

Мария Матвеевна, узнав о смерти Наташиной сестры, терзается:

— Я сама так плохо себя чувствовала в тот день, что не догадалась узнать, почему она не могла решить простой задачи.

Миша и Коля сохраняют свою бодрость. Оба всегда желают отвечать и тянут вверх свои руки, одетые в теплые варежки.

Сегодня на уроке шла речь о голоде в Москве в 1601 году.

Я знаю, — дети дома в холодных комнатах прочтут в учебниках фразу: «Даже в Москве на улицах лежали неубранные трупы».

Я не хочу, чтобы они прочли ее одни.

Я читаю эту фразу в классе и говорю о мести врагу за неслыханные страдания Ленинграда.

— А фашисты знают, сколько народу у нас умирает? — спрашивает кто-то из

девочек.

И вдруг класс оживает, слышатся страстные, полные ненависти слова:

— Ты думаешь, не знают?

— Они хотят запугать нас!

— Не выйдет!

— Вы слышали, слышали?.. Хлеба прибавили! Вместо ста двадцати пяти граммов будем получать целых двести. А вы, как донор, приравнены к рабочим, — значит, триста пятьдесят.

Этой новостью меня встретили сегодня в учительской, но я ее уже знала от соседки по квартире и от всех учащихся, с которыми шла по дороге в школу. Всё это результат работы «дороги жизни», созданной через Ладожское озеро.

«Дорога жизни» — еще одно доказательство заботы Родины — «Большой земли» — о нас, ленинградцах.

В бомбоубежище спрашивала учащихся, ведут ли они дневники.

— Я веду дневник, — говорит Аля, — только записываю наспех, в школе. Дома при коптилке не хочется писать.

— Если он у тебя с собой, прочти несколько записей. Аля вытаскивает синюю школьную тетрадку.

— Я прочту только выдержки, всё не могу, — говорит она.

«15 декабря. Пока с учебой всё благополучно. Имею два «хор.» и одно «отлично», а «посредственно» нет.

С едой очень плохо. Сегодня не было во рту ни крошки до трех часов.

В три часа съела тарелку жидких кислых щей и выпила две чашки пустого чая.

Приходится стоять в очереди за хлебом и пропускать школу. Голова кружится от недоедания.

Пока сидишь в школе, об еде не думаешь, а как придешь домой, то сосет под ложечкой.

Надо всё-таки учиться и как можно лучше и добросовестнее. Надо быть выносливой и силой воли подавить ужасы голода.

25 декабря. Замечательный день: прибавили хлеба на семьдесят пять граммов. Это огромная радость для всех ленинградцев.

Настроение сразу у всех поднялось. Люди от радости чуть не плачут. Теперь уж ничто не страшно. Буду ждать дальнейших улучшений и исполнения желаний».

Последний день старого, 1941 года оказался богатым событиями.

В 2 часа дня собрались на педагогический совет. Хотим его провести без «постороннего вмешательства», как говорит директор, а поэтому, распустив детей по домам, спускаемся в бомбоубежище.

В самом большом секторе нашего бомбоубежища стоят стол и длинные скамьи.

Как изменились наши учителя!

Смотрю на старушку Марию Николаевну. Она очень похудела и постарела, но, несмотря на свои семьдесят два года, очень работоспособный человек. Я знаю, как

ей тяжело готовиться к урокам при ее зрении. Работать при лучине, при коптилке ей очень трудно. Задерживаться в школе, чтобы заниматься при освещении, — значит, идти по темной улице и рисковать упасть на обледенелых тротуарах. Переехать в школу она не может.

— Поймите, я должна сохранить свою работоспособность, — говорит она. — Дома у меня удобная кровать, кресло у печурки, радио. Я всем этим очень дорожу. Я много лежу, и это меня поддерживает.

Старшие девочки говорят:

— Мария Николаевна — замечательный человек и учительница. Мы знаем, как ей трудно, но уроки ее всегда интересны.

Рядом с ней Александр Павлович — наш преподаватель дарвинизма. Он очень плохо себя чувствует. Сидит тепло укутанный, подняв меховой воротник шубы и вобрав голову в плечи. Весь его облик напоминает нахохленную большую птицу. За него страшно.

Лидия Михайловна очень изменилась.

Лица у всех бледные, синева под глазами.

— Начнем, товарищи, — говорит директор школы. — РОНО в своем последнем приказе отметил нас, как работоспособный коллектив, деятельно помогающий фронту. Среди нас есть доноры, медицинские сестры, дружинницы.

Мы собрали много теплых вещей и отправили на фронт изделия наших рукодельниц...

В подвале очень тихо, лишь спицы постукивают в руках наших вязальщиц.

В городе тяжело ухают снаряды, разрывы где-то близко.

Ольга Матвеевна докладывает об уроке математики в 6-м классе, на котором она была как председатель предметной комиссии.

— Урок не был до конца продуман... Учительница недостаточно требовательна к учащимся...

Доклад Ольги Матвеевны возбудил прения о том, что мы можем и чего не должны сейчас требовать от наших учащихся.

Спорили горячо.

Второй вопрос — о методике урока в обстановке наших дней.

Тут уже не спорят. Каждый говорит, что он делает, чтобы пройти программу и облегчить детям усвоение материала.

Антонина Васильевна, заключая прения, сказала:

— Я надеюсь, что и в этом году в нашей школе будет выпуск. Программа должна быть пройдена полностью.

На заседании педагогического совета была представительница райкома партии.

Она говорила о труде рабочих Кировского завода, находящегося буквально рядом с фронтом, и о мужественной работе ремесленников, таких же ребят, как и наши школьники.

— От вашего коллектива мы ждем упорной работы и твердо уверены, что вам будут по плечу все трудности, — заканчивает она свою речь.

Да, школа живет и работает...

Выходя из школы, вижу, как Маруся, наша техническая служащая, собирает уборщиц, чтобы с санками идти в булочную, где стоял в очереди и упал ослабевший учитель физики Силаков.

Слышу, как Антонина Васильевна говорит:

— Я вечером принесу немного настоящего кофе и сахару. Это его согреет и поддержит.

Откуда она возьмет кофе, сахар? Отвернет от себя. В этом и есть подлинная забота о товарище.

Вернулась домой и вижу, что все разбитые стекла в окнах комнаты заложены подушками и завешаны коврами.

Это сделано руками моей приятельницы. Она до войны была руководителем экскурсий в Эрмитаже, а сейчас работает у станка на одном из военных заводов и живет у меня.

Мы решаем встречать Новый год и подумать в эту ночь о наших близких. В маленькой кастрюльке, которая когда-то служила годовалому Борису, варю пшеничную кашу. Могла ли я думать в те дни, что эта голубая кастрюлька с петушками доживет до времени, когда Борис на фронте, а я здесь и так близка к смерти!

Не надо об этом думать, а сегодня в особенности!

Надо жить и сегодня встречать 1942 год. Он должен быть счастливее уходящего.

Обшариваю ящик буфета и нахожу чуточку корицы и несколько сухих груш. Всё это идет в кашу. Жира и сахара у меня нет.

На столе кусок сыра, полученного вместо масла, и пол-литра портвейна, выданного по карточке.

Стол накрыт белой скатертью, и на нем моя лучшая посуда. Холодно.

Нам грустно, и мы долго не засиживаемся.

Наступает 1942 год.

Надо работать!

Новогодние елки

Вчера с 8 часов утра дежурила в школе. Увы, и там нет электричества. Комнату освещает коптилочка, сделанная из чернильницы. Очень холодно, так как окна забиты фанерой.

Нужно было распределить среди детей, не учащихся в школах, четыреста платных, пятирублевых, билетов на елку.

Дети и взрослые шли за ними непрерывным потоком, и билетов на всех желающих не хватило. Отказ в билете вызывал тихое и глубокое огорчение у одних и резкий протест у других.

Весь день завуч школы и одна из молодых учительниц делают из бумаги пакетики для сладостей. Пробую им помочь, но быстро сдаю: пальцы не гнутся от стужи.

Директор школы носит ящики и мешки со сладостями. Всё это запирается в его кабинете. Развешивать будет комиссия. Каждый пакетик должен весить двести пятьдесят граммов; в нем печенье, курага и конфетка «чайка». Сладости будут выдаваться завтра на елке. Младшим детям в школе будет устроен праздничный обед, а старшие пойдут на елку в театр; там будет спектакль и обед. Сладкое получают только младшие.

Прощаясь с детьми 31 декабря старого года, я сказала:

— Желаю вам радостей и успехов в 1942 году. В московской Руси в день Нового года люди дарили друг другу яблоки. Но вас так много, что я всё равно не смогла бы вас всех одарить яблоками. Сейчас и подавно мне этого не сделать. Но я жду от вас новогоднего подарка...

На меня поднимаются изумленные глаза.

— Да, подарок... описания новогодних елок.

Дети улыбаются. Миша острит:

— Это много дороже яблок. До Петра Новый год праздновался 1 сентября, когда яблоки были дешевы. А сейчас нужно писать при коптилке.

— Тем ценнее подарок, — говорю я.

Моя шутка о подарке имела неожиданные результаты. Несколько человек из 6-го класса «подарили» мне свое описание елок.

Все детские работы написаны чернилами очень тщательно. При свете коптилки читаю эти записи Тане. Аня, худенькая светловолосая и очень ласковая девочка, пишет в своем дневнике:

«Когда мы узнали, что в школе будет елка, мы очень обрадовались. Елка в осажденном городе!.. Трудно даже поверить. Всем хотелось быть «младшими», чтобы получить пакетик сладостей.

2 января, в день елки, мы вымылись и надели платья получше. Но снимать пальто в школе не пришлось: было очень холодно.

Посредине зала высилась огромная пушистая елка, очень нарядно украшенная, но не освещенная, так как электричества уже не было. Но, говоря правду, ребята мало интересовались елкой: все ждали подарков и спрашивали: «Скоро ли обед?»

Наконец нам велели строиться парами, чтобы идти в столовую. После того как мы уселись, учителя взяли наши талончики и принесли каждому по сто граммов хлеба. Учителя подавали нам весь обед: суп, мясной биточек и ложки три белой лапши, а на третье очень вкусное желе, и в нем по две ягодки черешни. Обед нас

привел в восторг, но многие ребята говорили: «Вот если бы дали четыре таких обеда!»

После обеда Антонина Васильевна раздавала подарки.

Мы расходились, прижимая свои сокровища к груди.

Дома мы всей семьей сели пить чай. На столе горела коптилка, но сладости, полученные мной на елке, и самовар делали вечер праздничным. «Как хорошо, что нам устроили этот праздник! Стало бодрее и веселее на душе».

Аля была на елке старших в Малом оперном театре. Шел «Овод». Играли актеры театра имени Ленинского комсомола.

«6 января 1942 года. Сегодня была елка, и какая великолепная! Правда, я почти не слушала пьесы: всё думала об обеде.

Обед был замечательный. Все жадно ели суп-лапшу, кашу, хлеб и желе и были очень довольны. Эта елка надолго останется в памяти. Она показала, что в такое тяжелое время, когда продовольствие в город почти не поступает, сумели сделать праздничный обед для школьников».

Я кончила читать. Таня смотрит в огонь печурки и задумчиво говорит;

— «Блокадные» ученики будут вам ближе, чем были мы. Вы им многое помогаете пережить.

— А они — мне. Школа требует от нас подтянутости, а это заставляет нас держать себя в руках.

Заинтересовал меня еще дневник Кати с рассказом о елке.

На листочке аккуратно выведено: «Елка на корабле», и нарисован силуэт корабля.

«31 декабря около шести часов вечера мой папа — моряк — позвонил маме на работу и от имени командования пригласил нас на елку на военный корабль.

В половине девятого мы вышли из дому. На улице тьма кромешная.

В темных переулках мы плохо разбирались, а прохожих здесь уже было мало. Нам показалось, что мы сбились с пути. Но вдруг я увидела мост; мы часто по нему ходили к папинуму кораблю. Тут мы пошли бодрее и увереннее. Навстречу нам показался прохожий. Ярким электрическим фонарем он освещал встречных. Осветил он и нас и воскликнул: «Вот и вы!» Это был краснофлотец, посланный папой нам навстречу. С ним мы пошли быстрее и в 22 часа 45 минут уже были на борту судна.

Мы очень устали и были рады отдохнуть в папиной каюте. Папа не был уверен, допустят ли меня в кают-компанию, и предупредил, что, быть может, мне и пятилетней девочке одного из командиров придется сидеть в каюте.

Без 10 минут в 24 часа прошли в кают-компанию. Там белой скатертью был накрыт большой стол. В углу каюты стояла елка средней величины, но очень хорошо украшенная и ярко освещенная цветными электрическими фонариками.

Все сели к столу. Первый тост был за товарища Сталина. Все встали и аплодировали. Моя маленькая соседка громче всех, и с нею первой чокнулся командир корабля.

Ужин мне показался очень вкусным и сытным. Взрослым сладкого не давали, а мне и маленькой дочери командира дали грецких орехов.

Потом нас пригласили посмотреть фильм «Концерт фронту» и очень интересный киножурнал о боях на фронте. По окончании фильма был подан сладкий горячий

чай. В 6 часов утра мы двинулись пешком домой. Я была очень довольна, но мне целый день хотелось спать».

Самое тяжелое для меня — полная тьма в комнате. С 31 декабря у нас вместо стекол в оконных рамах вставлена фанера. Чтобы ветер не дул в щели, мы еще завесили окно старыми одеялами и ковром.

Только радио и большие столовые часы дают нам представление о времени суток.

Но самую большую радость доставляет печурка-временка. Она стоит у моей кровати, и благодаря ей в моем углу самый «теплый климат». Я сажусь на постель, вплотную к кровати придвигаю стол, а по другую его сторону в кресло садится моя приятельница. На ногах у нее валенки, на плечах теплый платок.

Тяготит отсутствие дела. Сегодня должны были возобновиться занятия в школе, но почему-то их начало отложено.

Вчера в почтовом ящике нашла повестку. Институт переливания крови просит меня явиться к заведующей донорским отделом. Повестка без марки, — значит, принес ее кто-то из сотрудников института. Почему меня вызывают? Я очень аккуратно раз в месяц являюсь на дачу крови и была сравнительно недавно. Очевидно, назначена экстренная дача крови. Быть может, прямо в больнице, непосредственно будут переливать кровь из моей вены больному?

Я волнуюсь и вместе радуюсь. Бани в городе не работают, а вымыться необходимо, и я моюсь в холодной комнате, поставив таз рядом с топящейся печуркой. Горячей воды не хватает, и приходится мыть лицо холодной водой; льдинкой я даже оцарапала щеку.

Сегодня была в институте и узнала, что мне назначен паек: двести граммов белого хлеба в день; на месяц — двести пятьдесят граммов масла, двести граммов сахара, триста граммов конфет, четыреста граммов мяса, сто пятьдесят граммов рыбы и четыре яйца.

Когда я эти богатства принесла домой, у моей приятельницы глаза раскрылись от изумления. Не сон ли это?

Но это не сон... На столе масло, сахар даже конфеты. Мы имеем всё необходимое для поддержания наших сил. О нас заботятся.

В январе была учительская конференция. Утро снежное, морозное.

По пути обгоняю товарищей, идущих из дальних районов города.

На площади перед Театром оперы и балета имени С. М. Кирова встречаю знакомую учительницу Нину Владимировну. Едва узнала ее: в шапке-ушанке, втянув голову в плечи, сильно сгорбившись, идет она пешком с Петроградской стороны. У нее туберкулез, и ей очень труден такой дальний путь по занесенным снегом улицам в неуклюжих огромных валенках. Это, несомненно, одна из учительниц-героинь нашего города.

— Здравствуйте, Нина Владимировна! Я не думала вас сегодня встретить!

— Почему?

— Уж очень далеко вам идти!

— Вот тебе раз! Разве я не хожу ежедневно в школу на Крюков канал? Это немногим ближе. Только если хотите идти со мной, — сбавьте шаг: мне за вами не угнаться!

Нина Владимировна сильно похудела: глаза ввалились, и щеки запали. До войны она очень много внимания уделяла своему здоровью. Сейчас она о нем забыла и вечно озабочена тем, чтобы что-нибудь достать для других.

— Получайте подарок, — говорит она мне, вытаскивая из муфты два коробка спичек и маленькую баночку, превращенную в лампу-коптилочку. — Эта будет лучше, чем ваша пепельница с веревочным фитильком.

Мы обе смеемся. Нина Владимировна недавно была у меня, и мы весь вечер мучились с поминутно гаснувшей коптилкой.

Входим в помещение школы, где будет конференция. Нам интересно встретить товарищей, работающих в других школах, поделиться новостями об учителях, уехавших с детьми на «Большую землю».

В зале народу немного. Все в верхней одежде и головных уборах.

Среди собравшихся — бывший директор 232-й школы, старейший учитель нашего города, Тимофей Георгиевич. Он сильно похудел, но сохранил свой подтянутый вид: держится бодро, тщательно выбрит, аккуратно одет. Вся его семья в эвакуации, а он один остался в городе.

— Вы так и не уехали? — спрашивает он меня.

— Так же, как и вы, — говорю я.

Мы оба смотрим на одного знакомого учителя. Он стоит, прижавшись к холодной печке, точно пытаясь согреться. У него ужасный вид: заострившийся нос, глубоко запавшие глаза, страшные синие тени на лице. Казалось, его сейчас оставят последние силы.

— У него жена и дочь остались в оккупированном районе. Их судьба ему неизвестна, — говорит мне Тимофей Георгиевич.

За стенами зала тяжело ухают снаряды: идет обстрел.

На конференции замечательную речь произнес представитель партийной организации Горно. Он говорил о долге учителей поддерживать бодрость в детях. Пусть это учителям нелегко. Ведь у многих личное горе и тревога за судьбу родных на фронте, но они должны быть опорой для детей. Он сказал, что в ближайшее время перед учительством встанет вопрос о вовлечении в школу всех детей нашего города.

После заседания мы спускаемся в подвал пообедать.

Суп получаем без вырезки талонов из продовольственных карточек.

Я забыла продовольственную карточку дома, и Тимофей Георгиевич отрезает от своей два талона и угощает меня вермишелью.

После обеда выходим на улицу целой группой. На Театральной площади обстрел так силен, что мы прячемся под арку ворот.

Тимофей Георгиевич говорит:

— Очевидно, в ближайшие дни начнутся занятия в школе. Но учителям будет тяжело: ведь многие очень ослабели.

— Больных освободим, а мы, здоровые, хотим скорее начать работу. Безделье еще тяжелей, — замечаю я.

— Ну, в добрый час! — отвечает он, пожимая мне руку.

2 января, в день елки для младших, умер учитель физики Силаков. Умер он один, в физическом кабинете, куда его поместили потому, что эту комнату можно было отопить. С того дня, как его привезли из булочной, он уже не вставал. Товарищи приносили ему еду и топили печку в комнате. Умер он ночью. На столике у дивана,

на котором он спал, лежал раскрытый блокнот с записями. Вот одна из них:

«9 декабря. Мой вес 56 кг. Никогда у меня не было такого веса! Говорят, что прибавят хлеба. Хорошо бы дотянуть! Отекает лицо. Не могу поднять вязанки дров.

... Трудно переносить голод. Пока что спасаюсь картофельной мукой (одна ложка в день)».

На днях я шла на кухню узнать, когда будет готов суп, но по ошибке попала в общежитие технических служащих и застыла на месте. Рядом с аккуратно застланной красным ситцевым одеялом кроватью, на полу стоял гроб.

Сообразила, что это кровать школьного столяра. Гроб он сделал для Силакова.

Страшно за детей, особенно за мальчиков; они оказываются слабее девочек.

А как справляются дети с тем горем, которое выпадает на их долю? Мы постоянно слышим: «У него умер отец», «мама ее совсем слабеет».

Смерть делает свое страшное дело.

Враги, очевидно, думают: «Это их сломит». Но они забывают, что горе утрат только растит месть за погибших.

Нет. Этого забыть нельзя!

Мы будем учиться и учиться

Говорят, Наполеону, после взятия Шевардинского редута, сказали: «Русские в плен не сдаются.» Мне кажется, что Ленинград говорит сейчас эти слова всему миру.

Враг бессилён одолеть наш город, так как он — часть нашей огромной, могучей страны.

Сегодня возобновились занятия в 7 — 10-х классах.

В школу пришло семьдесят девять человек. Явилось и двенадцать человек из 6-го класса.

Ребята, зачем вы пришли? — спрашиваю я, как воспитательница класса. — Ведь занятия начнутся только для старших.

— А почему нам не заниматься? Смотрите, нас в классе больше, чем в девятом! Мы все, все хотим учиться! — решительно говорит Аня.

— Ребята, но я не могу изменить приказа Гороно; разрешено начать занятия только со старшими.

— Тогда мы сами будем просить Гороно, — заявляют мальчики.

В классах максимум пятнадцать-семнадцать человек. Лишь в 10-м классе — двадцать.

Мы сегодня вели занятия в трех наиболее светлых классных помещениях: в одном углу шел урок математики, в другом — литературы. Длительность урока — тридцать минут.

Обстановка более тяжелая, чем до каникул. Так холодно, что чернила в баночках промерзли до дна. Многие ученики принесли чернила из дому и, чтобы они не застыли, прячут бутылочки за пазуху.

Писать на доске мелом очень трудно: руки стынут даже в рукавицах и перчатках. Занятия провели по расписанию.

На Исаакиевской площади меня догнала Аня.

— Мы были в Гороно. Заведующий разрешил нам заниматься, только сказал, что мы должны по-настоящему учиться, раз нам делают исключение.

— Ну и отлично, завтра начнем, — говорю я.

— Почему завтра? Ребята все придут сегодня, мы всех, кто вчера был, обошли.

Действительно, все двенадцать налицо в школе, и Аня уже выбрана организатором класса.

В перемену, которая, кстати сказать, начинается и кончается без звонка, а просто по часам учителей, Аня подходит ко мне:

— У нас только два урока. Нет немецкого. Вы не можете по книжке выучить с нами урок? Класс очень просит.

— Лучше я дам лишний урок истории, — предлагаю я.

— Нет, в декабре у нас по немецкому совсем не было уроков. Мы боимся отстать.

Я иду давать урок немецкого языка.

Морозы необычайно сильны. Замерз водопровод, и хлебозаводы остались без воды. Воду туда носят вручную, и хлеб выпекается в очень небольшом количестве.

Умолкло радио. Вот это ужасно! Не знаешь, что происходит там, на фронте.

А в школе занятия идут...

Самый бодрый 6-й класс. Все двенадцать человек посещают уроки почти без пропусков. Если кто-нибудь пропускает день занятий, ребята идут узнать причину, и Аня на другой день мне сообщает:

— Ему не с кем было оставить больного братишку, но он обязательно будет ходить. — Или шепотом: — Валя слабеет, нельзя ли ему давать лишнюю тарелку супу?

Старшие очень тяжело переживают смерть близких, товарищей, учителей. Особенно тяжела была для них смерть Александра Марковича.

Входя в класс, я вижу хмурые лица и глаза, полные тоски.

Что делать? Как подбодрить детей, когда радио молчит и я ничего не знаю о том, что происходит на фронте?

И в эти дни мне рассказали чудесную легенду, полную глубокого смысла. Она родилась, несомненно, в Ленинграде. Я решила рассказать ее в классе.

— Ребята, у нас в Ленинграде недавно умер старик-художник. В его мастерской стоял леденящий холод, но в этой обстановке он работал стынущими от мороза пальцами и, работая, думал о нас. Среди его работ нашли необыкновенную вещь — небольшую медаль из воска. Я не знаю, что было изображено на ней, но на обороте ее была надпись: «Жил в Ленинграде в 1941–1942 годах». Говорят, старик мечтал, чтобы правительство утвердило проект его медали и чтобы по окончании войны ее получили все те, кто работал в Ленинграде эту зиму.

Мне хочется, чтобы школьники нашего города поняли, что героизм не только на фронте, под огнем неприятеля, и что каждый ленинградец вносит свою долю в борьбу города-героя.

— А тем, кто умер, ведь нельзя дать медали? — спрашивает Катя Леонова, у которой недавно умерли в один день мать и брат.

— Когда-нибудь в самом красивом месте города поставят памятник тем героям-ленинградцам, которые умирали, мечтая дожить до победы, — говорю я.

— Этот памятник будет и Александру Марковичу, — убежденно говорит Аня. Он был уже совсем слаб, а всё мечтал: «Мне бы только немножко протянуть, только бы дожить до нашей победы».

В классе тихо-тихо.

Так дети молчат, когда их что-нибудь трогает до глубины души. Некоторые девочки отворачиваются, мальчики сидят насупившись. Это дети, которые познали горе утрат.

— А мне папа пишет с фронта: «Учись, обязательно учись. Будешь гордиться, что учился в Ленинграде в эти тяжелые дни», — говорит Миша.

Он и Лена Егорова учатся прекрасно и сохранили звание отличников.

В школе царит рабочее настроение, почти нет отказов отвечать урок. Если кто-нибудь говорит, что он не знает урока, то причина всегда серьезная. Тот, кто отказался, на следующем уроке непременно напоминает:

— Вы меня спросите, пожалуйста, я ведь в прошлый раз отказался.

Исчезли шпаргалки, никто не подсказывает. И вопросы дисциплины больше не тревожат учителей. В школе непривычно тихо. Ребята учатся по-настоящему; нет

отметок «плохо», и почти нет «посредственно». Вот каково мужество детей!

Прибавили хлеба: по рабочим карточкам пятьдесят граммов, служащим сто граммов, иждивенцам пятьдесят граммов. Служащим выдают по триста пятьдесят граммов крупы и сто пятьдесят граммов сахара. Весь день казался праздником. Это стало возможно благодаря героической работе «дороги жизни», связывающей наш город с «Большой землей».

О нас заботится наша Родина!

Сегодня говорила с детьми об отношении к родным. Родители часто урезают свою порцию еды, чтобы побольше дать детям. Пока дети здоровы, они не должны этого допускать.

Я знаю, что Тася берет на себя львиную долю труда в семье и делится с матерью каждым куском. Говорю детям:

— Только не проявляйте равнодушия к родным. Много вы сделать не можете, но ласка, даже небольшое внимание бодрят и помогают перенести трудности.

Поздно вечером ко мне зашла моя ученица Лена Павлова. Я в это время распиливала венский стул для своей времянки. Пила-ножовка моментально переходит в руки Лены.

— Мы с Галей живем сейчас совсем одни. Папа и мама у нас погибли. Мне так важно, чтобы Галя училась, а она хочет, чтобы училась я. Но я ведь старшая, и если кому-нибудь работать, так это мне! — говорит она, продолжая пилить.

— А кто вам воду носит? — спрашивает она. — Сами? Дайте ведро, мне ничего не стоит принести.

Вера Денисова приносит мне странички из своего дневника.

Она очень способная, одаренная ученица. Ее любимый предмет — литература. Преподавательница очень хвалит ее сочинения.

— Вера, ты пишешь ежедневно дневник?

— Нет. Я пишу, как отдельные сочинения, например, «Радость», «Голодный город», «Прощанье». Пишу, потом дополняю, переделываю. Это помогает мне в длинные зимние вечера.

Я хорошо понимаю Веру. Мне дневник тоже помогает.

— Про что же ты писала в сочинении «Радость»?

— Про елку. Даже не верилось, что она может быть у нас в Ленинграде.

В перемену, у топящейся печки читаю листочки под заглавием «Голодный город», данные мне Верой.

«... Таким был только один день, но он запомнится мне на всю жизнь.

Я шла за хлебом. В городе было тихо, очень тихо.

На панели лежат навзничь два трупа, один в нескольких шагах от другого. Они будто упали, обо что-то споткнувшись. Кто они? Чужие друг другу люди или муж с женой?..

Тихо падают крупные снежинки. Много снега в складках одежды мертвецов.

Пройдет час, другой, и снег скроет их от людских глаз.

Стою в очереди. Снег давно перестал падать, и светит солнце. Зачем оно светит?

Оно ведь сейчас не может согреть этого ледяного царства. Даже вода застыла.

Вот там, у крана для поливки улицы, образовался целый каток.

Люди идут с пустыми ведрами. Они ищут воды, а мы ждем хлеба. Мимо едет повозка, на ней трупы. С телеги свешивается голова мертвого мальчика: хорошее лицо, густые ресницы и широко раскрытые глаза.

Мне становится жутко. Хочу домой, но одной идти страшно. Иду с какой-то женщиной.

Этот день, мне так кажется сейчас, был самым ужасным в Ленинграде».

Хорошо, что дневник Веры я прочла в школе. Я должна ей помочь поверить в будущий день.

Жду ее в коридоре первого этажа.

Там так темно, что дети, проходящие мимо, меня не замечают.

Вдруг слышу голос Веры:

— А почему вы не сделаете, как у нас? Мы ходим за хлебом всей квартирой, но по очереди. Каждый стоит часа два, затем его сменяет кто-нибудь другой.

— И все согласились ходить? — спрашивает в темноте чей-то голос.

— Только одна женщина не захотела. У нее трое ребят, и она посылает их за хлебом. Так противно сказала:

— У нас самих есть кому постоять!

Мы выходим из школы. На улице девочки на минуту останавливаются, ослепленные белизной снега, сверкающего на солнце.

— Вера, а сколько человек живет в вашей квартире? — спрашиваю я.

Она смотрит недоумевающе, затем улыбается и говорит:

— Значит, вы слышали, что я рассказывала! Девять человек ходят по очереди за хлебом.

Мы идем по улице, и я говорю Вере:

— Я очень рада, что невольно слышала ваш разговор. В нем нет той мрачности, которая в дневнике.

Мы еще долго говорили с Верой. Теперь я была спокойна за нее. Она преодолет тяжелое...

Опять надо взять себя в руки. Короткая записка: «Ксения Владимировна, дорогая. Убит Вася».

Со смертью Васи из моей жизни ушло что-то очень хорошее и большое.

Борису о гибели Васи не напишу.

Зачем ему знать еще про одну смерть? Он их столько видит на фронте.

Мне очень, очень тяжело. Сегодня я сама нуждаюсь в поддержке и участии.

Наконец получила письмо от сына. В конверте маленькая любительская фотография: Борис в тулупе, шапке-ушанке, на лыжах. На заднем фоне траншея, и выглядывает чья-то голова. Вокруг белый снег и серые суровые скалы. Мне кажется, что Борис вырос, стал шире в плечах.

Письмо, как всегда, коротенькое:

«Милая мама, посылаю тебе пятьсот рублей. Это деньги на подарок ко дню твоего рождения. Очень прошу тебя — не трать их на что-либо «полезное», а купи себе какую-нибудь красивую вещь, которые ты так любишь».

Значит, они там не знают, как мы живем. Как это хорошо!

Карточку я повесила над кроватью. Она помогает мне представить ту обстановку, в которой живет Борис.

Нам жить еще очень тяжело и всё-таки легче, чем в декабре и январе. Продовольственные карточки отовариваются почти целиком, и нормы стали выше.

Очень трудно добывать воду. Морозы больше тридцати градусов, и в домах вода замерзла. Но в школе отогрели трубы, и я ношу в школу, кроме бидончика для супа, еще кувшин для воды.

Иду утром в школу. У подъезда, со стороны собора, два трупa: ослабели люди, упали и замерзли...

Мороз сегодня очень силен. Исаакий стоит весь белый на фоне чуть алеющего неба.

Дежурю в школе. Стук в дверь. Входит ученик Дима Родин.

— Можно здесь посидеть? Я совсем застыл.

— Можно, придвиньтесь к огню и снимите обувь: так скорее согреете ноги. Но почему вы в этот час в школе?

— Дома тяжело, никого нет.

Лицо худое, заостренные черты и темные тени. Мы молчим, и вдруг он спрашивает:

— Скажите, какие признаки дистрофии?

Мне ясно: он думает о своей смерти. Стараюсь дать его мыслям другое направление, но это очень трудно. Он просидел со мной до 9 часов вечера.

Аня сидит в классе с каким-то просветленным лицом.

— Аня, ты сегодня какая-то совсем другая, — говорю ей в конце урока, закрывая журнал.

Девочки смеются:

— У нее в жизни необыкновенное событие.

— Я побывала под душем, — говорит Аня. — Один знакомый дал мне талончик... До чего хорошо!

— И я был в заводской бане, — радостно сообщает Игорь.

Только нам понятна эта радость.

Ведь бани прекратили работу с конца декабря, и приходилось мыться в холодных комнатах, скупо расходуя воду. Мы только мечтали об обилии воды и тепла.

Уроки длятся вместо тридцати уже сорок минут.

— Еще пять минуток — и всё будет по-старому в школе, — острят мальчики.

Каждый день кто-нибудь говорит: — А у нас стало работать радио! Заговорило и у

меня радио.

Мы постоянно чувствуем заботу о нас...

Вот и в приказе к 24-й годовщине Красной Армии говорится о разгроме фашистов под Тихвином, что очень облегчило наше положение.

А дальше сказано:

«Недалек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит советский Крым, и на всей Советской земле снова будут победно реять красные знамена».

Ученики Лидии Михайловны постоянно ходят в почтамт разбирать письма.

Я не хочу отставать от нее, и сегодня мои двенадцать «зимняков» начнут разбирать письма в конторах своих домов.

Письмоноscopy давно уже не ходят по квартирам: у них нет сил подниматься по лестницам. Всю корреспонденцию они сдают в домовые конторы.

Разобрав письма, школьники разнесут их по квартирам.

Сегодня в школе продолжительно и резко зазвучал электрический звонок.

— Звонок! Звонок! До чего хорошо! — кричали дети.

Учителя радостно улыбались, школьная жизнь входила в свою колею.

В городе необычайно тихо. Трамваи и троллейбусы не ходят. Изредка проедет военная машина, и опять тишина.

Но я не люблю этой тишины: в ней что-то страшное. Такое ощущение, точно где-то вблизи притаился страшный зверь, который готов сделать прыжок. А ведь действительно зверь залег у самого города!

Сегодня под вечер тишину нарушил артиллерийский выстрел. Снаряд упал на мосту через Мойку. Четверо прохожих было убито.

На снегу лежало четыре портфеля: люди, очевидно, шли с работы.

Вечером совсем неожиданно пришла Муся. Я ее не видала с весны 1941 года. Она сильно похудела, вытянулась.

— Вы знаете, почему я пришла? Хотелось с вами проститься. Наш Медицинский институт эвакуируется. И еще мне очень хочется, чтобы вы посмотрели мой матриккул.

Муся вынимает серенькую книжку. Смотрю: зачеты сданы, все экзамены оценены отметкой «отлично».

— Помните наш разговор в школе? Вы во мне тогда сомневались. Теперь вы видите: я была права.

Заведующий партийным кабинетом выполнил свое обещание. Он пришел в школу и провел беседу с учащимися о Международном женском дне.

Говорил он о героизме матерей, которые сумели в эту тяжелую зиму сберечь детей, о тех женщинах, которые, проводив мужей и отцов на фронт, стали у станков.

Беседа помогла ребятам увидеть героизм в том, что казалось обычным.

— А среди вас есть героини? — спросил он. Директор школы назвал имена наиболее стойких учительниц и учениц.

— Ну вот, видите, — и вы на посту!

После этой беседы Лидия Михайловна прочла два стихотворения.

Высокая, совсем седая, с очень похудевшим строгим лицом, она читала мужественные строки:

Не плакать по верному другу, Не плакать по милому сыну, Не плакать по кровному брату
Велит нам немолкнувший бой.

Она, потерявшая в эту зиму мужа и сына и вернувшаяся к работе, как только позволили силы, имела право сказать:

И если чем-нибудь могу гордиться, То, как и все друзья мои вокруг, Горжусь, что до сих пор могу трудиться, Не складывая ослабевших рук.

Антонина Васильевна вызывает меня в свой маленький кабинет-учительскую.

— У нас новости. Директор уходит из школы, на его место назначаюсь я, а завучем — вы, — говорит Антонина Васильевна.

— Я — завучем! Да я представления не имею об этой работе.

— Ксения Владимировна! Мы с вами живем в Ленинграде. Вы самый здоровый человек в учительском коллективе. Неужели вы не захотите помочь школе? А научиться всему можно.

Я понимаю: возражать нельзя.

Так я стала завучем в «школе со львами», с которой меня связали дни Великой Отечественной войны.

Всё трудоспособное население привлечено к очистке города. Надо убрать снег, лед и мусор на улицах и во дворах. Город очень загрязнен. Ведь зимой фановые трубы замерзли, и все нечистоты выливали прямо на снег. Если всё это не убрать, то с наступлением теплых дней вспыхнет эпидемия.

Каждому выдан листок, на котором отмечают, сколько часов он отработал. Всё население на улице с лопатами, кирками, санками.

А совсем ослабевшие сидят на стульях и скамьях, дети в колясочках — бледные, прозрачные. Все больные точно впитывают в себя лучи живительного весеннего солнца.

Мы чистим панель у львов и загрязненный двор. Сколотый лед возим в Александровский сад на листах фанеры.

Самые сильные из нас работают ломami и кирками.

Но мне и лопата кажется очень тяжелой. Домой при хожу мокрая от испарины. Болит спина. И всё-таки ощущение большой радости: город будет вычищен, да еще как вычищен!

— Знают ли фашисты, как мы работаем? — спрашивает Аня.

— А ты что хочешь, чтобы они знали или не знали? — спрашиваю я.

— Конечно, чтобы знали. Нам трудно, а мы чистим на совесть. Пусть знают, какие мы!

Наградой за наши труды — «культпоход в баню». Вымылись чудесно и усиленно

терли друг другу спины.

Вот сколько радостей доставил нам март.

Днем в школу позвонили из райкома партии: «Директору и завучу к трем часам дня прийти в райсовет. Захватить паспорта».

На лестнице в здании исполкома меня обгоняет военный оркестр. Чувствуется обстановка праздника или торжественного заседания.

Зал полон до отказа. Много знакомых. От них узнаю, что мы приглашены на встречу с партизанами, которые привезли в Ленинград через фронт продовольственные подарки.

За столом президиума начальник партизанского отряда. У него обыкновенное русское лицо. Одет он в нагольный полушубок, на поясе револьвер в кобуре. Рядом с ним пожилая крестьянка, тоже в полушубке, на голове темный платок... У нее очень привлекательное лицо и ясные серые глаза.

Первым выступает начальник отряда.

Я записываю некоторые места его речи, чтобы потом прочесть их ребятам.

«Привет вам, мужественные ленинградцы, от колхозников и партизан! Мы приехали с земли, отвоеванной у врагов. Пока наше владение невелико, но оно растет с каждым днем и будет расти. Мы помогаем гнать фашистов. Вы очищаете город, восстанавливаете в нем былую чистоту, а мы у себя восстанавливаем советские порядки.

Наши первые помощники — ребята. Бегают они из села в село, залезают в гаражи, подсчитывают машины, отмечают избы, занятые вражескими штабами, и все эти сведения сообщают нам. Мы передаем их Красной Армии, и наши аэропланы очень аккуратно бомбят штабы.

Но не всегда это сходит ребятам с рук. Был у нас такой шустрый, смысленный паренек Коля. Приметили враги, что он к партизанам бегают. Схватили и привели к офицеру.

Тот сперва стал ему грозить, — не помогает. Вытащил тогда офицер эрзац-шоколад и дает мальчику. А Коля так ответил:

— Я своей Родины и за золото не продам. А вашим эрзацем и подавно не соблазните.

Фашист на него накинулся, как зверь. По лицу его бил и оторвал нижнюю челюсть. Умер мальчонка, а выдать никого не выдал...

Мы теперь заняли эту деревню, похоронили Колю с воинскими почестями. Умер ведь он, как герой!»

Оркестр заиграл траурный марш. Весь зал встал.

Мы знали по газетам много таких случаев, но когда об одном из них рассказал человек, который знал Колю сам, давал ему поручения, — нас охватило огромное волнение.

«Здесь сидит женщина, Татьяна Васильевна, — продолжал начальник отряда, — мы ее зовем: «мать». Она подобрала девять раненых бойцов, выходила их, скрыла от врагов и, когда они оправились, лесными тропами привела их к нам.

Мы хорошо знаем избушку Татьяны Васильевны: там для нас всегда найдется пища и кров».

Зал поднимается. Шум аплодисментов.

— Татьяна Васильевна, дайте на вас посмотреть! — кричит кто-то из задних рядов.

Из-за стола президиума поднимается женщина с серыми глазами, которая привлекла мое внимание в начале заседания. Она очень смущена. Сложив руки у пояса, она кланяется залу.

Зал грохочет от аплодисментов...

Мне приходилось бывать на многих «встречах». Приезжали к нам в школу эпроновцы, только что поднявшие «Садко», приезжали крупные ученые, но ни одна встреча меня так не взволновала, как эта встреча с партизанами и колхозниками, пришедшими в наш осажденный город им одним известным путем.

Радостно, что мы не одиноки, что нам с верой говорят: «До скорой встречи в освобожденном от блокады городе Ленина». Крепнет чувство уверенности в нашей победе.

Сегодня я весь день рассказывала о партизанах учителям и детям.

— Ведь партизанам обратно ехать надо! Как бы враги их не подкараулили, — озабоченно говорит Женя. — Ведь, наверно, фашисты за ними охотятся.

— Ну вот! С тобой партизаны будут советоваться, как им домой вернуться. Женечка, дескать, помоги! — смеется над ним кто-то из мальчиков.

Женя краснеет и сверкает глазами. Быть бы драке, если бы я не была в классе.

Такая сцена была невозможна в зимние месяцы. Мальчики были так слабы, что им было трудно сделать лишнее движение, и никому из них в голову бы не пришло отстаивать свои убеждения извечным способом мальчишек всех времен, стран и народов.

Я очень тревожусь за сестер Олю и Таню. В последний раз я их видела, когда мы чистили панель, у наших львов. Обе они стали очень худенькие. У Оли заострился нос и темные тени легли на лицо.

— Ничего, Ксения Владимировна, — говорит Оля, — скоро поправимся. Мы теперь поступили в военизированную охрану. Живем в общежитии. У нас тепло, чисто. Кормят нас сытно и вкусно. Говорят, скоро обмундирование выдадут.

— А работа тяжелая? — спрашиваю я.

— С непривычки, конечно, тяжело, работа физическая, — отвечает Оля. — Но мы скоро привыкнем.

— Убедите ее побереечь себя и не братья за непосильную работу, — говорит Таня. — Она норовит ухватить самое тяжелое бревно при погрузке дров.

Смотрю на Олю.

— Я не нарочно, — говорит она мягко. — Но мне как-то стыдно беречь себя; всем ведь трудно.

Я не могу долго с ними разговаривать: надо работать.

Девочки проходят мимо Антонины Васильевны. Она на минуту перестает сгребать снег лопатой, отвечает на их поклон и говорит мне:

— Как изменилась Оля! Мне кажется, она совсем слаба!

Из РОНО телефонограмма: учителя получают рабочие продуктовые карточки. Это вызывает огромную радость. Каждый просит подтвердить, что это правда, а не апрельская шутка.

— Нет, нет. Это правда. Телефонограмму принимала я, — говорит молодая учительница.

Значит, в Ленинграде создан запас продуктов. Радостно за то, что героическая ледяная дорога через Ладожское озеро сделала свое дело.

Родина, партия думают о нас, ленинградцах.

У нас частые воздушные тревоги, но к ним ленинградцы привыкли.

Сегодня тревога застала меня на углу Невского и Садовой.

Сразу после сигнала оглушительная пальба зениток. Всё небо в белых и серых дымках разрывов. Выше дымка плотной стайкой летят семь фашистских самолетов.

Вхожу под арки Гостиного двора. Здесь много военных.

Один из них говорит женщинам:

— Лучше переждать здесь. На улице может ранить осколком снаряда зенитки.

Проходит примерно минут пятнадцать-двадцать. Гудения самолетов не слышно, а зенитки стреляют где-то далеко.

Продолжаю свой путь к дому, но когда дохожу до Львиного мостика на канале Грибоедова, то поднимается такая стрельба, что я должна снова прятаться под арку ворот.

Ясно слышно, что начала стрелять с корабля наша артиллерия. Рев ее орудий мощный, густой, заглушающий резкий звук зениток... Звенят стекла в окнах.

На улице Дзержинского вижу девочку лет семи. Она нагибается и радостно поднимает еще теплый осколок снаряда.

Хватаю ее за руку и бегу в подъезд аптеки.

— Как можно бегать по улице, когда идет такая стрельба? — говорю я ей с упреком.

— А мы с Витей всегда собираем головки от снарядов. У нас их много... А это я не знаю, какая. Посмотрите! Это какой калибр?

Публики в подъезде много.

Лица у всех тревожные, а девочка будто и не заметила опасности.

— Тетя! А где вы достали такой красивый букет? — спрашивает бесстрашная коллекционерка, увидев у меня пучок сосновых веток, которые я купила на улице для домашнего изготовления витамина «С». Сейчас многие ленинградцы пьют настой из хвои, как средство от цинги.

Заканчивается уборка города. Он стал великолепен: улицы чистые-чистые и стали точно шире, а площади просторнее.

Мой воспитательский класс очень дружен: все двенадцать человек всегда вместе. Я люблю из окна кабинета смотреть, как они стайкой выходят из школы и садятся на ступеньки Исаакиевского собора греться на солнце. Сидят и мирно разговаривают. Все очень худенькие, физически слабые, но все такие же внутренне стойкие.

Вхожу сегодня в их класс. Он помещается в первом этаже. В нем холодно, сыро, мало света, так как вместо стекол в окнах фанера. А на дворе яркое весеннее солнце, на деревьях распускаются почки.

— Ксения Владимировна, умоляем, пойдите в Александровский сад: там так хорошо, тепло, а здесь «гроб», — шумно просят мальчики.

— А сидеть смирно будете, не сорвете урока?

— Нет, нет, честное слово, нет!

В саду действительно чудесно: тепло, деревья покрыты зеленым пушком. Какими-то обновленными на весеннем солнце кажутся здания.

Серое полотно, закрывающее шпиль Адмиралтейства, разошлось в одном месте по шву, и в эту щелку сверкает золото обшивки; даже наш хмурый Исаакий порозовел в это чудесное утро. Будут ли ребята способны работать в этой обстановке?

Мальчики деловито ставят две садовые скамейки друг против друга. Все усаживаются. Мне предоставляется место на середине одной из скамеек. Классный журнал лежит у меня на коленях, и кто-то из мальчиков услужливо подает мне свое вечное перо.

Тема урока — падение римской империи. Вызываю Колю.

Он отвечает бойко и получает «отлично».

— Аня, продолжай!

У Ани что-то не ладится с рассказом о нашествии варваров, и вдруг я слышу подсказку.

— Чудесно, — говорю я иронически. — Оказывается, на весеннем солнце растаяли замерзшие за зиму подсказки!

Один из учеников, красный, как пион, извиняется:

— Сам не знаю, как у меня вырвалось!

Аня благополучно доводит рассказ до конца.

— А почему сейчас мы применяем слово «варвары», говоря о фашистах? — спрашиваю я. Подняты двенадцать рук. Все хотят объяснить.

В этот момент на пустынной дорожке сада появляются двое моряков. Они внимательно вглядываются в нашу группу и приветливо улыбаются.

— Молодцы ребята, учатся!

Вдруг кто-то говорит просительным тоном:

— Можно на минутку прервать урок? На нас ложится тень, — переставим скамейку на солнце.

Я сама радуюсь этому уроку в саду под лучами весеннего солнца.

— Ведь мы слово сдержали! Занимались? — спрашивает Аня, когда мы собираемся после урока возвращаться в школу.

— Сдержали.

— Значит, теперь уроки истории будут в саду! Ура! Ура! — кричат мальчики.

Мы думали раньше: «Если у человека есть хлеб, он не может умереть с голоду».

Сейчас наши карточки отовариваются прекрасными продуктами; нам выдают: сливочное масло, сахар, шоколад, мясо, но люди еще не оправились после голодовки, и слабые продолжают гибнуть.

— Мы сейчас больше едим, а почему есть еще больше хочется? — спрашивают мальчики.

Сейчас узнать о смерти особенно тяжело: весна такая теплая, дружная. Самое трудное уже позади. И вдруг человек не выдерживает и умирает, когда жить стало неизмеримо легче.

Одна наша ученица рано утром пошла за хлебом и, вернувшись, была поражена, что младший брат не вскочил, как обычно, с постели и не попросил хлеба. Он спал, а потом как-то странно захрипел. Лицо мальчика было залито ярким румянцем, а из глаз текли слезы. Через несколько минут он умер.

Я беспокоюсь за Олю. Она так слаба, что лежит в постели.

Вчера ко мне зашла Нина Александровна передать просьбу Оли навестить ее.

Сегодня я пошла к ней прямо из школы.

Голова Оли резко выделяется на белой наволочке. Лицо худенькое-худенькое, с заострившимся носом...

Я развертываю принесенный пакетик и достаю булку. Она брезгливо морщится.

— Уберите, уберите, я не могу видеть пищи, — шепчет она.

Это очень плохо. От пищи отворачивается только человек, дошедший до предела голодания.

— Оля, милая, скажи, чего тебе хочется поесть, я постараюсь достать.

— Мне ничего не хочется, — тихо отвечает она. Худенькие пальцы-палочки перебирают угол простыни.

Мы молчим. Мне кажется, что мое присутствие ей в тягость.

— Олечка, хочешь, я сяду к окну и дождусь там возвращения мамы, а ты поспишь?

— Хорошо, — говорит она каким-то равнодушным голосом.

Я сажусь к окну, и меня душат слезы, но я боюсь заплакать.

Оля не спит. Ее безучастный взгляд устремлен мимо меня, куда-то вдаль. Без больницы или стационара она погибнет. Но сможет ли она и там поправиться?

Входит в комнату Нина Александровна. Мне трудно взглянуть ей в лицо.

Она выходит в переднюю и беззвучно плачет. А у меня нет слов утешения. Мать нельзя утешать, когда гибнет ее ребенок. Сама Нина Александровна похожа на тень.

Узнаю, что завтра мать и сестра отвезут Олю в больницу. Нина Александровна, прощаясь со мной, спрашивает:

— Ведь правда, — в больницах многие поправляются?

Сегодня умерла Оля. Смерть ее очень тяжела. Из этой девочки, несомненно, вырос бы прекрасный человек.

За благом вслед идут печали, Печаль же — радости залог.

Какие замечательные строки! Мы сейчас так и живем: скорби и глубокие радости чередуются почти ежедневно.

Сегодня радостный день. Гороно объявил весенний прием детей во все классы средней школы. Ребята будут учиться в тех классах, в которые перешли весной.

1941 года. За полтора месяца занятий они должны вспомнить и повторить то, что они учили в прошлом году. Школа вновь станет большой, шумной, веселой.

По радио известили население, что с 3 мая в школах будет трехразовое питание для учащихся.

В несколько дней наш коллектив школьников вырос с семидесяти девяти до пятисот сорока семи человек.

Несмотря на усталость, вечером пошла в райком на лекцию: «Война на Тихом океане».

После лекции по затемненным улицам иду домой с работником Октябрьского райкома партии.

— Летом, — говорит он мне, — учителя поедут с детьми на сельскохозяйственные работы.

— Но куда же? — удивляюсь я. — Кругом фронт.

— Не беспокойтесь. Всё продумано до мелочей и согласовано с военным командованием. Врачи говорят, что солнце и воздух очень нужны детям после нашей зимы. Всем огородникам будут давать продукты по нормам рабочего снабжения.

День яркий, солнечный. Всюду красные флаги. Свежий морской «ленинградский» ветер играет их полотнищами.

Сегодня в школе мы собирали родителей наших будущих учеников, чтобы объяснить им, почему занятия возобновляются в конце года и какой распорядок будет в школе.

С утра шла стрельба из тяжелых орудий, и мы боялись, что обстрел помешает нам провести собрание.

Противник стрелял систематически, через каждые пятнадцать минут.

— Сейчас снаряд попал в сад напротив, — говорит женщина, вбежавшая в школьный вестибюль.

Страшный грохот и звон разбитых стекол. Снаряд упал около школы, на проспекте Майорова. В зале нет ни одного уцелевшего стекла, даже фанера вылетела из рам. Весь пол засыпан кирпичами и строительным мусором.

— Хорошо, что мы еще не начали здесь собрания, — говорит Антонина Васильевна, — придется перенести скамейки в проходной зал. Сомневаюсь, чтобы родители пришли под таким обстрелом.

Учителя и уборщицы переносят скамейки в зал, выходящий окнами во двор.

К 13 часам зал полон. Ленинградцы привыкли к обстрелам, а начало занятий в школе и обещанное горячее питание для детей живо интересуют родителей.

— И как это вы справитесь: с одними повторять, других готовить к экзаменам! Какое-то очень сложное расписание придется составлять, — беспокоится мать Майи, сама в прошлом школьный работник.

— Ничего, справимся, — говорит Антонина Васильевна.

4 мая начались в школах занятия со вновь принятыми детьми.

Погода в этот день была ужасная: ветер и мокрый снег с дождем. В школе холодно, дует из всех щелей.

Мы отвыкли от такой массы ребят, а дети, не учившиеся зимой в школах, отвыкли от всякой дисциплины.

К счастью, в самый для нас трудный день — 4 мая — не было ни обстрелов, ни воздушных тревог.

Наши «зимняки» на высоте. Они чувствуют себя хозяевами школы и деятельно нам помогают, особенно во время тревог и обстрелов.

Вчера во время воздушной тревоги в вестибюле я заметила мальчика лет девяти.

— Мальчик, почему ты не в убежище? — спрашиваю я. — Твой класс, верно, давно там.

Мальчик отвечает, гордо подбоченясь:

— Ну, я не трус, чтоб прятаться в убежище.

— Так мы такого храбреца снесем, — заявил кто-то из наших мальчиков и, схватив его на руки, понес.

Дети оживают на наших глазах, шалют, звонко смеются.

В начале урока не успеешь открыть журнал, как слышишь:

— Какая сегодня лапша была замечательная!

— Смотрите, Володя за три дня порозовел!

Ленинград — город-фронт — благодаря заботам о нем Родины мог организовать такое питание школьников. Это замечательное дело привело к тому, что уже в мае среди школьников не было ни одного случая смерти.

Райком ВЛКСМ проводит воскресник. Старшие учащиеся должны выехать на станцию Пери и копать гряды для посадки овощей.

Я считала невозможным отпустить на эти работы тех, у кого дистрофия еще ярко выражена. Но они бурно протестовали.

— Я не хочу оставаться. Ехать в поезде так интересно! Лес, поле увидим. Отпустите, — просили ребята.

— И можно набрать крапивы, щавеля, — говорил более практичный ученик.

— Не лишайте ребят поездки! — убеждали меня Миша и Аня.

Еще раз прошу врача осмотреть всех желающих ехать и отобрать наиболее сильных. Даю наказ старшей пионервожатой не перегружать их работой.

Вечером все возвращаются и привозят мне огромный букет черемухи.

— Самое трудное было — выполнить ваше указание беречь слабеньких, — говорит старшая пионервожатая. — Они сердились, и дело доходило до слез.

— Ну и правильно, — говорит Аня. — Ведь ребята не на прогулку ездили; никому не хотелось отставать от других. — И затем добавила мне шепотом: — Не сердитесь. Мы их на подъем целины не пускали. Выбирали для них работу полегче. Только пусть они не знают.

Сегодня директора и завучи вызваны на заседание в РОНО по вопросу эвакуации учителей.

Иду с тяжелым сердцем. Неужели и мне будет приказано эвакуироваться?

Антонина Васильевна приносит на заседание список учителей. Против каждой

фамилии указаны возраст, количество пропущенных по болезни уроков и общее состояние здоровья.

В списке — фамилии Лидии Михайловны и Марии Николаевны.

Лидия Михайловна очень ослабела, тяжело хворает, но почему нужно уезжать Марии Николаевне? Правда, она болела зимой, но теперь чувствует себя лучше.

— А имеем ли мы право человека в семьдесят два года подвергать риску второй такой зимы, как минувшая? — спрашивает меня неизменно мудрая Антонина Васильевна.

Администрация школ должна убедить учителей уехать. Говорят, что в следующем учебном году во всем городе занятия будут проходить только в нескольких школах. А на «Большой земле» ленинградские преподаватели будут очень нужны.

В школе собираем педагогов, которым следует уезжать.

После слов Антонины Васильевны о необходимости эвакуации — гробовое молчание. Людям трудно уехать из Ленинграда, стать ему не нужными. Я понимаю, как это тяжело.

Наконец томительное молчание нарушено. Говорит Лидия Михайловна:

— Я не хочу уезжать, но я много хворала, не могла работать, как другие, и должна подчиниться приказу.

Она за блокаду потеряла мужа и сестру. Но мы знаем и другое, чего не знает она: на подступах к Ленинграду убит ее единственный сын Борис. А может быть, и она знает, но не подает виду.

Мария Николаевна говорит с грустью:

— Я понимаю, что человек в семьдесят два года может стать обузой в Ленинграде. Но здесь знают, что я могу работать, а там кто этому поверит?

— Но ведь вы поедете к своим? — спрашивает Антонина Васильевна.

— Да, конечно. Но я не могу жить без работы в школе. Впрочем, не стоит говорить обо мне, — я еду.

На другой день она приносит и дарит мне на память чудесную чайную чашку Ломоносовского завода.

— И еще я вам принесу хорошей бумаги.

Лидия Михайловна спрашивает всех нас, кто в чем нуждается, и дарит вещи в зависимости от «заказов». Эвакуируются не только учителя. На улицах люди сидят на тюках, ожидая транспорта. Шторм на Ладожском озере несколько задерживает отъезд.

Говорят, что теперь не бомбят эшелоны. Наши «ястребки» охраняют озеро.

Очень трудно расставаться с товарищами. Ведь всех нас связывает особое чувство близости, выросшее в обстановке борьбы и опасностей. Все мы — ленинградцы.

С 20 июня начались испытания. Их держат выпускники, оканчивающие семь и десять классов.

К нашей радости, только немногие ученики подали заявления об освобождении их от испытаний. «Зимняки», преодолев все трудности, хотят закончить учебный год «как полагается».

Вова сильно заикается. Мать хотела просить об освобождении его от испытаний, но

он сам возражает:

— Хочу держать экзамены с классом, не вздумай хлопотать об освобождении.

7-й класс особенно хорошо выдержал испытания: на двадцать четыре ученика пришлась сорок одна отметка «отлично».

Семьдесят один человек из наших «зимняков» перешли в следующие классы. У шести человек осенние испытания, и двое остались на второй год. Длительные болезни не позволили им посещать занятия, а догнать пропущенное не было сил.

В 10-м классе идет экзамен физики. Четыре ученика у разных досок, испещренных записями, готовятся к ответу. Спиной к окнам, у экзаменационного стола сидят директор школы, инспектор РОНО и учитель физики.

Начался обстрел, слышен свист снарядов. Мы видим в окно быстро опустевшую Исаакиевскую площадь...

— Нужно перейти в более безопасное помещение, — говорит инспектор.

В первом этаже, рядом со столовой, есть маленькая комнатка, окнами во двор. В ней устроили «кабинет безопасности» на случай сильного обстрела во время экзаменов. Там едва помещаются: маленькая классная доска, небольшой столик, несколько стульев для экзаменаторов и парта для учащихся.

Сюда и переходим мы во время экзамена по физике. Ученикам предложено вновь брать билеты.

Экзамен продолжается. Все ученики отвечают толково и спокойно, а по окончании его острят над четырьмя «пострадавшими от артобстрела».

В классах теперь часто слышится веселый смех. Дети вновь обрели способность смеяться и шалить. Это большая радость.

Всем оканчивающим 7-е и 10-е классы решено выдать особое удостоверение-благодарность «за успешное окончание средней школы в условиях военного времени». Это скромная бумага, но как велика ее ценность!

Всем отличникам школы дарят книги с надписью: «За отличное поведение и учение в Ленинграде в дни его блокады».

Антонина Васильевна получает грамоту исполкома Октябрьского райсовета. В ней сказано:

«За умелое руководство работой школы в условиях военного времени и обеспечение выпуска учащихся средней школы объявляется благодарность директору школы № 239».

Лучшие учителя занесены в Книгу почета Наркомспроса.

Опять выпуск и даже традиционный ужин, правда, мало похожий на банкет прошлого года.

Обычный узкий стол, за которым обедают дети, накрыт белой скатертью. Стоят двадцать шесть тарелок для выпускников и три для учителей. На каждой по биточку из шрота — выжимок сои. Рядом с биточком две соевые конфетки. В белые кружки налит чай. Антонине Васильевне стоило больших трудов добиться разрешения на этот ужин; ведь в нашем городе всё продовольствие еще на строгом учете.

Девушки и юноши принарядились. Мы тоже вынули к этому дню платья, которые за всю зиму не было случая надеть. Настроение за нашим столом прекрасное.

Антонина Васильевна просит меня сказать юношам и девушкам прощальное слово.

Много думать тут не приходится, сама жизнь подсказывает нужные слова.

«Дорогие товарищи! Вы кончаете школу в городе-фронте. Мы, учителя, глубоко уважаем вас за ту моральную и физическую стойкость, которая дала вам возможность окончить школу в суровые дни Великой Отечественной войны.

Мы верим, что вы и в жизни будете стойкими людьми, и гордимся вами».

— А мы, — отвечает Люся, — благодарим Антонину Васильевну и всех учителей за то, что они дали нам возможность учиться в школе. Многих из нас они убедили ее кончать, когда в трудной обстановке зимой мы порой теряли мужество.

Судьба наших выпускников иная, чем в довоенные годы: все юноши в ближайшее время уедут на «Большую землю» и там поступят в армию. Девушки останутся в Ленинграде и поступят в медицинские вузы. Мы гордимся тем, что сумели выпустить в жизнь двадцать шесть юношей и девушек.

Был организован торжественный праздник для всех, окончивших десятилетку. Собирались ребята днем в саду Дворца пионеров. В летнем театре был концерт при участии лучших артистов Ленинграда. После концерта в одной из зал дворца был устроен ужин для выпускников, артистов и гостей.

К вечеру все были дома. Гулять ночью по набережной в условиях нашего города молодежи не пришлось.

Еще 26 апреля на общегородском собрании учителей говорили, что внешкольная работа сейчас одна — это работа на огородах. Дети окажут огромную помощь фронту, помогая обеспечить овощами заводы Ленинграда, работающие на оборону.

Школьные сельскохозяйственные лагеря дадут возможность учащимся провести лето за городом, на солнце. Питание и режим будут так организованы, что дети окрепнут после тяжелой зимы.

Мне, как завучу школы, предстоит ехать на сельскохозяйственные работы.

Большинство детей энергично готовится к отъезду.

— Список вещей, которые нужно брать в лагерь, мы уже вывесили, — деловито докладывает мне Аня.

— Но нам еще нужен красиво оформленный лозунг, чтобы повесить его на лестнице, где всегда вывешивались лозунги, — говорит Миша. — Лозунг у нас уже есть, но только понравится ли он вам?

Миша подает мне бумажку, на которой написано:

РАБОЧИЕ У СТАНКА, ШКОЛЬНИКИ НА ОГОРОДЕ — ВСЕ НУЖНЫ ФРОНТУ!

Школьников мобилизовать легче, чем объяснить родителям необходимость этой меры. Их страшит разлука с детьми.

Ценой самоотверженной заботы они сохранили их жизнь в эту зиму, и вдруг теперь отпускать в лагерь без себя...

Родителей беспокоит: будет ли за детьми достаточный присмотр, в каких условиях они будут жить, а главное, будут ли сыты?

Волнует их и размещение лагеря на станции Пери, так близко к фронту.

Убеждаем их, что вопрос о выезде детей согласован с военным командованием, и как раз в этих местах никаких боевых действий нет. Там прекрасные природные условия: хвойные леса, озера с песчаными пляжами, сухой здоровый воздух.

Подготовка к лагерям идет хорошо. Но на сердце тревога: под Севастополем идут

тяжелые бои.

«Перийцы»

1 июля к семи часам утра иду в школу. За спиной рюкзак, спутник кавказских путешествий. Моросит дождь.

В школе много родителей. Опять задают вопрос о близости станции Пери к финской границе.

— А вдруг вы оттуда эвакуируете детей, минуя Ленинград?

Пока мы успокаиваем родителей, буфетчица выдает детям завтрак на дорогу: черный хлеб с маслом.

Двигаемся в путь. Впереди идет Антонина Васильевна под зонтиком. Родители помогают ребятам нести вещи.

Многим детям идти трудно: сказываются последствия блокадной зимы. Старшие мальчики стараются им помочь.

На Финляндском вокзале масса детей, — это всё школьники нашего района, едущие в лагерь. У входа тщательная проверка пропусков...

Поездкой все наши ребята очень довольны. Коля чуть не вывалился из окна вагона, увидев на скате железнодорожного полотна розовеющие ягоды земляники.

Следы войны видны всюду: окопы, блиндажи, дзоты. Мальчики знакомят меня с военной техникой. Вот бронепоезд, а дальше огромная зенитка на платформе. Везде очень много военных.

А вот и чудесные озера в Токсово. На дачах, расположенных по лесистым берегам, очень много ленинградских дошкольников.

Дождь прошел, и всё залито солнцем.

На станции Пери нас ждет грузовик, присланный за вещами.

Уложив вещи, мы тронулись в путь пешком. После камня и асфальта приятно ступать по мягкому грунту дороги, а еще лучше — по тропе, которая вьется среди полей. Трава высокая, густая, много цветов.

— Как хорошо! Вот красота-то! — восхищаются девочки.

— А щавеля сколько! — говорит Коля, усиленно набивая зеленью рот.

— А что было сказано? Никакой травы не есть, не показав ее учителям!

— Но ведь это не трава — это щавель.

Нам надо пройти только три километра, но дети пьянеют от воздуха, солнца, да и сил у них очень мало. Мы делаем два привала на нашем коротком пути.

Пейзаж здесь не тот, что в Токсово. Нет озер, а лес только синее узкой полосой на горизонте, но местность холмистая, поросшая сочной травой. Очень много цветов: белые ромашки, душистый красный клевер, мышинный горошек и лютики, лютики без конца. Этот ковер цветов, душистый теплый воздух и пение жаворонков в высоте так не вяжутся с представлением о войне. Каждый из нас вспоминает мирные годы, когда мы проводили летний отдых вот именно в такой обстановке.

— Даже не верится, что мы еще сегодня утром были в городе, — говорит кто-то из мальчиков, растянувшись на траве.

Ближе к подсобному хозяйству Промкооперации луга сменились бесконечными огородами. Это посажена картошка, которую привезли из-за Ладоги и посадили

очень поздно, так что только еще едва видны ростки.

К полдню мы дошли до лагеря. Он расположен на горе, с которой открывается чудесный ландшафт с зеленеющими далями и каймой лесов на горизонте.

На одном из сараев белое полотнище, и на нем красными буквами написано:

ПРИВЕТ ЮНЫМ ОГОРОДНИКАМ!

Вот здесь нам и предстоит разместиться. Я вижу, как многие дети приуныли. Им, горожанам, трудно представить себе жизнь в сараях.

— Дети, вы знаете, что значит слово «сарай»?

— Подождите, подождите, вы нам это говорили: «Сарай-Баку» — столица Батия на Волге; здание — дворец, — спешит ответить Аня.

— Верно. Вот нам и нужно превратить сараи во дворцы. Девочки займутся сейчас наведением чистоты, а мальчики — хозяйственными делами: будут настилать нары, заделывать мхом щели и дыры, делать полочки для умывальных принадлежностей.

Пока идет уборка, мы на поляне проводим наш первый педагогический совет в лагере.

Руководство бригадой мальчиков поручают Анне Петровне, которая еще до войны была активным членом комитета родителей, а в мае 1942 года пришла в школу узнать, чем она может быть нам полезна. У нас тогда не было учителя в 1-м классе, и мы попросили ее присмотреть за ним, пока РОНО не пришлет групповода.

Учитель прислан не был, и Анна Петровна осталась в школе. Теперь она берет на себя не только руководство бригадой мальчиков, но решает и поселиться в том же сарае, где размещается ее бригада. По ее примеру и я решаю спать в сарае, где разместятся девочки.

Первую ночь провели, как на бивуаке. Ложась спать, наслаждались полной тишиной: не бьют зенитки, не гудят самолеты. Но спали тревожно и беспокойно; многие во сне вскрикивали и даже плакали. Утром девочки говорили, что видели во сне артиллерийские обстрелы, слышали свист падающей бомбы.

Я тоже плохо спала и проснулась очень рано. Меня беспокоило: как мы с ослабевшими за зиму ребятами будем работать на полях?

Утром пошли к директору хозяйства, Матвею Афанасьевичу.

— Знаете что, товарищ! Пусть ваши школьники два дня на поле не ходят, — говорит мне директор. — Отдыхайте! Займитесь устройством своих помещений.

— Конечно, детям надо дать отдохнуть, ведь какую зиму пережили! — говорит одна из работниц.

— Да и много ли от этих работников пользы будет? Мы и то говорим: «Кто его знает, помогать или мешать приехали», — говорит другая. — Пойдут овощи: один соблазн для ребят...

Это именно тот вопрос, который тревожит нас, учителей.

Организуем свою жизнь: два дневальных должны отвечать за порядок, чистоту и наше скромное имущество. Во втором сарае устраиваем клуб. Мальчики чинят крышу, усердно затыкая каждую щель мхом, и набивают на крышу листы толя.

Меня радует, с каким интересом дети устраивают лагерь.

— Вот только горна нет. Какой это лагерь без горна! — огорчаются мальчики. — Жалко, что он запрещен.

— Теперь мы уже не ленинградцы, мы «перийцы», — острит кто-то из ребят.

Название это очень понравилось детям и привилось у нас.

Клава так записала в своем дневнике о первом дне работы на огородах:

«Нас разбудили в шесть часов утра. Как не хотелось вставать и бежать на зарядку! Ногам холодно, трава мокрая от росы! Над полями стелется туман, но солнце уже греет хорошо. Бежим мыться в пруду. Много шума, смеха и крика. Аня безжалостно моет холодной водой своего маленького братишку Валерика, а тот упирается и визжит».

После завтрака пришел к нам директор хозяйства и повел на участок. Будем полоть грядки. Всё заросло: не разобрать, где грядки, где межа, посевов и не видно. Работа не клеится. Некоторые сразу порезали руки травой, все быстро устали, поминутно спрашивают:

— Анна Петровна, который час? Скоро ли обедать? Через два часа работы ушли с поля те, кому врач разрешил работать только в утренние часы.

Я до самого обеда в поле. Обхожу все бригады вместе с Матвеем Афанасьевичем. Он бережно относится к детям и утешает меня:

— Ничего, втянутся. Сразу нельзя!

К обеду дети приходят очень усталые и бегут на пруд мыться. Очевидно, холодная вода освежает их, и за обедом слышатся шутки и смех. Кажется, только учителям вода мало помогла, — они очень устали.

После обеда «мертвый час». Все спят с удовольствием.

Первый день работ не помешал детям очень весело провести вечер. На большой серый валун, лежащий на поляне перед сараем, поставили патефон и принялись танцевать. Клава взяла на себя обучение Вовы танцам. Вести этого партнера в вальсе нелегко: он мало подвижен и наступает своей «даме» на ноги. Клава вся покраснелась и крикнула шутя:

— Вы думаете, девочки, легко Вовку водить?! Группа мальчиков играет в футбол на поляне.

Вечер проходит очень весело, и, когда мы ложимся спать в сарае, Аня говорит:

— А что, девочки, нам здесь будет неплохо!

На другой день та же прополка, но она идет уже много лучше.

Ребята трудятся с интересом и рвением. «Специалисты» по прополке обучают горожан.

Однако не обошлось и без печальных эпизодов.

— Ксения Владимировна! Что же это ваши наделали? Вытаскали всю морковку. А ведь мы семена с трудом с «Большой земли» достали! — с укором говорит директор, встретив меня на меже.

— Что же теперь делать, Матвей Афанасьевич? — спрашиваю я, очень расстроенная.

— Да ничего — оплакивать морковь. А я уж сам буду выходить с ребятами, когда будут начинать прополку новой культуры.

Иду в бригаду, где произошло это событие. Ребята встречают меня хором голосов:

— Мы не виноваты! Мы, правда, не виноваты! Эта морковка крохотная, незаметная.

Вчера на межах был очень похожий на нее сорняк.

— А Нина, как на грех, дневалит! Она бы непременно разобрала!

Клавдия Ивановна, руководившая работой, очень расстроена.

— Я больше всех виновата. Думала: тут свекла посажена. Конечно, надо было спросить. А ребята сегодня хорошо работали, и вдруг такая неудача!

У «кабинета» врача в крохотной баньке толпятся дети. Врач приходит к нам раз в неделю проверять состояние здоровья учащихся.

Плачет одна девочка: у нее нашли порок сердца; ей нельзя быть на солнце и нужно сократить рабочее время.

— Я не хочу, я не могу быть бездельницей, когда все так работают, — говорит она.

А вот Леля настаивает на освобождении:

— У меня нарыв на плече, и вообще я слабая, и мне нельзя много работать.

Врач говорит:

— Какой там нарыв, просто прыщик!

Старшие девочки иронически улыбаются по адресу Лели. А Клава решительно заявляет:

— Отправьте вы ее в город. Из лодыря толку не будет.

— Наша школа всю зиму работала; неужели мы себя в лагере опозорим! — говорит Миша.

Вечером Леля ловит меня на дороге к дому директора и жалуется:

— Меня в лагере не любят, девочки со мной не разговаривают, мальчишки вслед кричат.

— Что они кричат?

— Лодырь, лентяйка, принцесса на горошине и другое.

— Ты пришла на них жаловаться?

— Нет-нет, вы никому не говорите, что я вам это сказала.

— Так зачем ты мне всё это говоришь?

Леля смущается:

— Так, вообще мне хотелось, чтобы вы мне посочувствовали.

— Не могу сочувствовать. Ты на сокращенном рабочем дне. Врач к вам относится очень внимательно, но ты хочешь получить освобождение от работы из-за пустяка. Это справедливо возмущает ребят. Я могу мальчикам запретить тебя дразнить, но девочек я не могу заставить дружить с тобой. Мой совет: завоюй уважение лагеря, и всё пройдет само собой.

Леля льет потоки слез.

— Я думала, что вы меня поймете! Вы ведь меня давно знаете!

— Леля, — говорю я. — Война открыла в людях их лучшие стороны. Вся страна работает с огромным напряжением, уже не говоря про тех, кто на фронте. Люди стали строже к себе и другим. А ты хочешь, чтобы тебе одной было удобно и

приятно.

— Вы только никому не говорите про то, что я вам рассказала! — просит Леля и, прибавив «извините», уходит по направлению к лагерю.

На другой день она работает в поле, а за обедом я ее спрашиваю:

— Ну, как ты себя чувствуешь? Не очень устала?

— Нет, ничего. Сегодня прохладно...

В РОНО нас предупредили, что на станции Пери будут находиться уполномоченные райкома партии. К ним мы должны обращаться во всех трудных случаях.

Жили они в маленькой избушке, окруженной березками. К этому домику, через болото, мы быстро протоптали дорожку — «кратчайший путь до центра», как ее называли ребята. В этом домике жили две женщины — работники Октябрьского райкома. Они нам помогали налаживать всю жизнь лагеря: неизменно вникали во все наши нужды и заодно с нами ломали голову над «нормами выработки», чтобы и ребятам она была по силам и хозяйственникам не причиняла ущерба.

Встретила Матвея Афанасьевича. Он жалуется на наших ребят:

— Ксения Владимировна, а ведь мальчишки ваши воруют картошку! Я шел мимо поля, вижу: там ребята. Заметили меня и убежали. В поле я застаю их второй раз...

Вечером из соседнего подсобного хозяйства пришла женщина.

— Ваши мальчишки сегодня разложили костер в нашем леске и варили картошку. Ребят я, конечно, в лицо не знаю, но одного мальчика товарищи называли: Эрик.

Ключ к раскрытию «картофельного дела» найден. У нас в лагере только один Эрик. С разговора с ним начинаем расследование дела.

Вызываем Эрика. Перед нами в очень развязной позе стоит мальчик с бегающими глазами.

— Картошку брал? — спрашиваем его.

— На что она мне, картошка! — бурчит он.

— Говори правду! Рабочие совхоза слышали, что среди тех, кто ел картошку в лесу, был Эрик, а другого Эрика в лагере нет.

— А может, они ослышались!

Ни лаской, ни угрозами правды не добиться.

Вызываем Валерия, которого директор тоже видел на картофельном поле.

Валерий входит и принимает «героическую» позу: нога выставлена вперед, руки запряты в карманы, но голубые глаза явно не желают смотреть на нас. Он усиленно рассматривает что-то на потолке. Начальник лагеря мягко говорит:

— Может быть, ты вынешь руки из карманов и несколько изменишь позу?

Валерий вынимает руки и начинает мять и без того помятую фуражку.

— Ты копал картошку?

— Нет.

— А ел?

— Нет.

— Так зачем ты был с ребятами в поле?

— Очень интересно было, — говорит Валерий, и глаза смотрят прямо на нас.

— Да что же интересное было в этой позорной для лагеря истории?

— Я не думал, что такое выйдет! Ребята сказали: «Накопаем старой картошки». А во второй раз я даже в поле не был, а костер в лесу разводил.

— Тоже интересно было?

— Интересно, — говорит Валерий, явно недоумевая, что нам может это казаться неинтересным.

Я вспоминаю фразу из его «Краткой биографии в дни войны»: «Я всегда любил приключения».

— Что же, ответ придется держать перед лагерем, — говорим ему.

Вечером проводим общелагерное собрание.

На поляне перед нашим сараем в линейку выстроились ребята. Начальник лагеря делает краткое сообщение о происшедшем и называет имена виновных.

— Я бы хотела, чтобы собрание решило, как нам быть с этими мальчиками, — говорит она.

Тягостное молчание.

— Я предлагаю всех отослать в город, — говорит Наташа.

— Валерия бы надо простить, за ним ничего плохого раньше не замечалось, — возражает Миша.

— Да и зимой в городе он хорошо работал, — поддерживает его кто-то из педагогов.

— Ребята, мы вам дадим время обдумать вопрос о виновных, — говорит Вера Михайловна. — А потом вы скажете ваше мнение.

Дети разбиваются на группы и обсуждают эту очень тяжелую для лагеря историю. Валерий утратил свой «геройский» вид и, видимо, очень волнуется.

Когда все вновь построены в линейку, Миша выходит вперед и говорит:

— Лагерь считает, что мальчиков, которые дважды таскали картофель, нужно отправить в город, а Валерия наказать здесь. Ведь он не принимал участия в краже, и за него ручается вся бригада мальчиков.

Мы были довольны решением: оно показывало, что у детей вырабатывается чувство ответственности за коллектив в целом.

Об оставлении нашими войсками Севастополя я узнала в городе. Еду в лагерь и везу газеты с тяжелым известием. За околицей нашего поселка меня встречают комсорг лагеря и наш воспитатель Клавдия Ивановна и сообщают, что у ребят подавленное настроение. Они уже слышали об оставлении Севастополя нашими войсками, и тревога их за судьбу Ленинграда стала еще сильнее.

Решаем сразу же после ужина устроить общее собрание лагеря.

Так как «Ленинградскую правду» им уже читали днем, я беру статью о Севастополе из центрального органа «Правда».

Читать очень трудно: к горлу подступают слезы. Речь идет о героизме защитников

Севастополя. Рассказ до боли волнует и трогает.

Чтение окончено. Все молчат.

— Сколько времени держался Севастополь? — спрашивает кто-то из мальчиков.

— Восемь месяцев.

И вдруг встает с камня Клавдия Ивановна. Лицо ее заплакано. Что она скажет в таком состоянии? Но она говорит прекрасно о чувстве неизмеримой скорби, которая охватывает нас при мысли о Севастополе.

— Мы с вами тоже живем в городе-фронте. Чтобы дожить до дня победы, каждый должен внести свой вклад в борьбу за нее. Наш город первым в Советском Союзе остановил врага у самых своих ворот, и на него с восхищением смотрит весь мир. Вы понимаете, товарищи, какие огромные обязанности это на нас накладывает?

Будем же мужественными, друзья мои! Родина отстоит наш город.

Клавдия Ивановна волнуется, потому ее слова звучат особенно убедительно.

И я вижу, как лица детей становятся спокойнее, светлее.

Больше никто не выступал. Это было бы лишним. Мы чувствовали себя крепко спаянными друг с другом и общей скорбью и сознанием необходимости делать свое нужное дело.

Два дня я провела в Ленинграде. Всюду группы молодых моряков. Они месяц извести, закладывают кирпичом угловые окна первых этажей, прорезают бойницы.

Ленинград готовится к бою.

Вхожу в вестибюль школы, на полу вижу куклу. Поднимаю эту странную находку и вхожу в ближайший класс. Что это? В нем стоят всех размеров и фасонов детские кровати.

В соседнем классе сидит учительница, окруженная малышками. Они вырезают картинки, играют в кубики.

Это детская площадка. Война потребовала, чтобы школа летом обслуживала всех детей, живущих в районе.

Пришел моряк-лейтенант. Он предъявляет свои документы и просит провести его по школе.

— В угловом классе дверь на балкон надо заложить кирпичом, но оставить амбразуру для пулемета, а на другом балконе из этого же материала сложить стенку для прикрытия бойца. Может ли школа сделать это своими средствами? — спрашивает он.

— Нет. Старшие учащиеся на огородах. В городе только слабые и малыши — говорю я.

— Тогда будут присланы рабочие.

Поднимаемся в третий этаж, затем спускаемся в столовую. Он дает указание, что все угловые помещения должны быть так же оборудованы. По дороге лейтенант расспрашивает о детях. Он сам почти мальчик. Глядя на Исаакий, говорит:

— Он вас хорошо прикрывает.

Вера Михайловна уехала на «Большую землю» в командировку, и меня назначили начальником лагеря.

Сейчас это уже не так сложно. Жизнь наша наладилась.

Работают дети очень хорошо. Матвей Афанасьевич говорит:

— Не ожидал, что школьники нам так помогут. Особенно ревностно они трудятся на участке, забота, о котором полностью возложена на школьников.

Ребята обещают этот участок превратить в показательный. Особые надежды они возлагают на брюкву.

— Мы ее подкормим хорошенько, и она у нас будет на славу.

Все мы становимся специалистами-огородниками. Теперь нам смешно, что было время, когда мы выдернули из гряд морковь, приняв ее за траву.

Когда дети ездят в город, то не проходят мимо огородов в парках и скверах Ленинграда, не обсудив состояния посевов:

— Моряки в саду Адмиралтейства не подкормили капусту, она и полезла в ствол!

— А в Летнем саду бестолку сажать: большая тень от деревьев.

— Вы видели огород в садике против гостиницы «Астория»? Прямо красота!

Ребята горячо интересуются делом, и каждая бригада старается работать как можно лучше.

Предлагаю вызвать на соревнование один из соседних лагерей.

Миша, Аня и Коля идут в ближайший детский лагерь, но возвращаются оттуда совершенно разочарованные.

— С ними соревноваться один вред будет. Порядка у них нет. Расскажи-ка, Коля про дневальных, — говорит Миша.

Маленький толстенький Коля у нас самый лучший работник в лагере. Он солиден и, при маленьком росте и детской пухлости лица, немножко смешон.

— Приходим мы в лагерь, — начинает Коля — они живут в дачах. Я на крыльцо — никого нет. Я в спальню — тоже никого. Обходим дачу, а дневальный спит в кустах. Мы его будим. Спрашиваю: «На каких работах и где у вас бригада?» Он говорит: «Не знаю!» — «А где дежурный педагог или начальник лагеря?» То же: «Не знаю». Ну я тогда ему и говорю: «Какой ты дневальный: в спальню чужие люди заходят, а ты дрыхнешь и знать ничего не знаешь. А мы с проверкой пришли».

— Они показали нам нормы выработки, все меньше наших. С их лагерем соревноваться нельзя, — говорит Аня.

На другой день мы идем на подсобное хозяйство к нашим соседям справа. Здесь ребятам нравится.

— Какие они счастливые: живут в палатках! Прямо среди леса! — завидуют ребята.

Начальник лагеря ведет нас в клуб. Там прекрасно оформленные газеты с веселыми дружескими шаржами: тут и лентяй, которого будят, поливая его из лейки, и любитель таскать морковку — с пучком зелени, торчащим изо рта.

Миша знакомится с нормами, и завязывается разговор об огородных делах. Думаем с ними заключить договор на социалистическое соревнование.

На обратном пути Миша и Аня обсуждают наши шансы на победу.

— Я пока вижу только одно наше преимущество: они приехали на готовенькое, а у нас всё сделано своими руками.

— Ну, этого мало, ведь палатки они тоже сами разбивали.

— В дождь они баклуши бьют; а у нас корзинки плетут, — вставляет Коля.

— Ну, корзинки плетут не все, а только младшие.

— Косьбу, ребята, забыли. Вот наш козырь! — радуется Аня.

— А ты спрашивала их про косьбу? Может быть, и они косят.

— Они нас звали смотреть свою самодеятельность. А мы украсим наш «дворец» гирляндами и покажем им нашу.

Решили вызвать на соревнование соседей.

Лето проходит быстро. Поспевают ягоды. В лесу много черники и голубики.

На болотах появилась клюква; она еще незрелая, но дети усердно ее собирают и целыми мешками отвозят в город.

Валерий — специалист по сбору клюквы. У него «свое» болото, куда он водит избранных.

Но больше всего ребят прельщают грибы. Весь наш сарай унизан нитками сушеных грибов.

Девочки привезли из города кадушки и солят грибы.

По вечерам, пока еще не стемнело, на лужайке горят костры, и ребята варят грибную похлебку.

У дневальной новая забота — строго следить, чтобы к наступлению темноты все костры были погашены. Костер — для врага ориентир.

Грибы, ягоды манят детей в лес. А лес у нас большой: тянется на много километров. Сосны стройные, высокие, ели пушистые. Нога тонет в мягком зеленом мху. В лесу тихо-тихо. Дятлы стучат. Зяблики выводят свою простую трель. Иногда белка перепрыгнет с дерева на дерево или пробежит по мху, мелькая пушистым хвостом.

Грибов в лесу очень много. Темно-коричневые шляпки боровиков выглядывают из мха у самой дороги. В осинниках алеют шапочки красных грибов, а в болоте вырастают высокие подберезовики на тоненьких ножках, с маленькими шляпками.

Не пускать ребят в лес невозможно. Но и каждый поход в лес тревожит: дети могут заблудиться, выйти к запретной зоне, совсем близкой к фронту.

Еще беда, что многие ребята и учителя, как горожане, совсем не ориентируются в лесу.

Вечер. Быстро темнеет. В лагере нет старших девочек: Нади, Нины и Тамары.

Они ушли в лес давно и не возвращаются. Я волнуюсь. А тут еще из города приехала мать Нади и, естественно, беспокоится больше меня.

— Маруся, пойдемте со мной на розыски, — говорю я нашей технической служащей, знающей лес вдоль и поперек. Маруся боится леса ночью, но показать этого не хочет.

— Нельзя, — говорит она. — Фашисты услышат, как мы аукаем, и заберут нас в плен.

Матвей Афанасьевич тоже против того, чтобы мы шли на розыски.

— Лес велик. Они могут дойти до железной дороги и вернуться через станцию. А если попадут на передний край, их заберут наши красноармейцы и доставят к командиру. А тот завтра их пришлет сюда, да еще с конвоем.

Меня это мало успокаивает. Мы идем к лесу, аукаем, и, когда уже теряем всякую надежду, из темноты вырастают три фигуры.

После первой радости встречи спрашиваю:

— Вы очень боялись?

— Нет, мы только боялись, что в лагере беспокоятся.

Поспевают овощи. Наш школьный участок стал действительно показательным. Брюква у нас весом в шесть-восемь килограммов. «Перийцы» в восторге. Самую крупную брюкву они везут на выставку во Дворец пионеров.

Кто-то из ребят тщательно вывел на этикетке:

«Выращена на участке 239-й школы Октябрьского района на станции Пери».

За работу на огородах наш лагерь получил переходящее Красное знамя райисполкома и занял первое место в Октябрьском районе и второе — в городе. Дети получили похвальные грамоты и денежные подарки. Радости их не было границ.

Мы накануне нового учебного года... К началу его нам нужно пополнить комсомольскую организацию школы.

Сейчас мы хорошо знаем наших ребят. Матвей Афанасьевич предлагает многим дать рекомендации. Первым ее получает Миша. Это наш лучший из лучших. Вторую рекомендацию ему дает отец, инженер-партиец, находящийся на фронте.

Решаю просить райком организовать прием в комсомол в лагере. Здесь мы можем создать торжественную обстановку. Очень важно, чтобы молодежь запомнила этот день на всю жизнь.

Надя прекрасно описала его в своей работе: «Как нас принимали в комсомол»:

«Погода с утра чудесная. С горы, где расположен наш лагерь, виден уже желтеющий лес. Ясное, тихое, теплое утро ранней осени.

У нас в лагере с утра большое оживление. Еще бы, пятнадцать ребят вступают в комсомол! Накануне вечером к нам приехала представительница райкома комсомола, чтобы провести прием в лагере.

Наш клуб — обыкновенный деревенский сарай, но сегодня он выглядит по-праздничному. Земляной пол тщательно выметен, стол накрыт чистой скатертью, и на нем огромный букет полевых цветов. С потолка свешиваются гирлянды цветов и хвои.

Как мы волновались! Задавали друг другу вопросы из устава ВЛКСМ, боясь ошибиться от волнения. Сначала вызвали Юру и предупредили всех нас, чтобы мы дальше входили поодиночке.

Наконец, зовут нас всех.

Товарищ из райкома, вручая комсомольский билет, говорила каждому из нас:

— Храни комсомольский билет. И каждый из нас думал:

«Да, я буду хранить свой комсомольский билет, буду хранить свою честь комсомольца».

Казалось, что мы за этот день выросли.

Вечером мы долго не могли уснуть и говорили о том, как всё это быстро произошло и как хорошо, что мы уже комсомольцы, и именно теперь, когда весь советский народ ведет ожесточенную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками».

Уже больше двух месяцев идет битва у Сталинграда. Там, на Волге, решается судьба Родины.

240 дивизий брошено на нашу страну. А союзники всё еще не открывают второго фронта на Западе!

Мы, жители Ленинграда, отлично понимаем, какие дни переживают сталинградцы. Ведь бои идут на подступах к городу.

Болью в сердце отзываются слова: «наши войска отведены на внутренний оборонительный рубеж».

В лагере все как будто условились не говорить о Сталинграде. Это молчание — признак того, что каждый из старших ребят понимает серьезность положения.

Сталинграду должны помочь и помогут.

Возвращение в город

Каждый день дождь и холодный ветер. Мы зябнем в ватниках и часто промокаем до нитки. Идет уборка капусты и картофеля.

Из сарая слышатся песни. Там уже не клуб, а место заготовки капусты на зиму.

Дети не особенно стремятся уехать в город. Мальчики предлагают утеплить помещение и остаться на зимние лесозаготовки. Мы знаем, что наш любимый перийский лес обречен на рубку: городу нужны дрова.

— А как же будет с учеьем? — спрашиваю я.

— Учителя будут приезжать по очереди на неделю. Будет неделя математики, неделя естествознания и так далее. Историю и немецкий будете вы преподавать! — отвечают они мне.

Я не знаю, как мы двинемся в город с таким количеством вещей. Дети ими «обросли»: тут и банки с засоленными грибами, и наволочки, набитые клюквой или сухими грибами, и пучки сухой травы. А главное, у всех мешки с овощами, снятыми с индивидуальных грядок.

Эти грядки дети вскопали в свободное время и засеяли семенами, полученными от Матвея Афанасьевича.

Хорошо, что десять процентов с заработка мы будем получать овощами в городе.

Наконец получено известие. 12 октября мы должны возвращаться в город, а 15 октября уже начнутся занятия в средней школе.

Дожди так размыли дорогу, что на машине к нам не проехать. Машина нас будет ждать на шоссе, а до нее наши вещи довезут на телегах.

Наконец наступил долгожданный момент — подводы поданы. Мальчики, схватив свои вещи, мчатся к ним. Девочки в отчаянии: мешки такие тяжелые, что их даже не поднять. Наши младшие, «малышки-козявки», как их называют мальчики, поднимают плач:

— Нам не снести вещей! Что мы будем делать?

— Давайте ревушим «перийцам» помогать, — говорит Боря.

— Не только ревушим, но всем девочкам! — добавляет Валерий, взвалив на плечи тюк.

Наконец всё погружено, и мы едем к станции. В вагоне дети сидят, окруженные тюками, мешками, кадушками, и грызут овощи.

— Кто скажет, что в Пери было плохо? — спрашивает Вова.

— Только не «перийцы», — отвечает за всех Надя.

На топливо разбирают деревянные дома на окраинах. Наша школа всё лето разбирала на дрова дом. Дрова должны быть завезены в школу в таком количестве, что в классах будет тепло.

В воскресенье 18 октября горком ВЛКСМ проводит общегородской воскресник.

Я еду с четвертыми классами за Невскую заставу разбирать деревянные дома, а Валентина Васильевна со старшими — на правый берег Невы на оборонные работы. Первые, вторые и третьи классы пойдут в сад собирать кленовые листья. Листья будут сушить и перерабатывать на табак.

За заставой много полуразрушенных домов, лежат груды досок и бревен. Наша задача — поднести доски к трамвайным путям. А ночью их погрузят на платформы и развезут по учреждениям.

Носить доски надо на расстояние в триста метров. Девочки столпились у доски, как муравьи у соломинки, и, подняв ее, дружно тащат к трамвайным путям. Положив, бегут за новой ношей.

Мальчики что-то мастерят у обломков тут же валяющейся детской коляски.

— Мальчики! Не делом заняты, надо работать.

— Мы сейчас приладим колеса и будем бревна возить, — радостно сообщают они.

Действительно, через некоторое время им удастся создать какое-то техническое сооружение, облегчающее их труд.

— А, «перийцы» за работой! — приветствует детей бывший начальник лагеря. Она тащит огромное бревно.

— Отойдите, ребята, сейчас балки будем сбрасывать! — кричит с крыши соседнего дома директор одной из школ нашего района. Он вооружен ломом, которым ломает крышу.

И вдруг взрыв хохота.

Найденное среди обломков дома лукошко с пухом надето на голову мальчугана 4-го класса. Озорники весело хохочут, а пух летит во все стороны. Бедная жертва отряхивается, стараясь вытащить пух изо рта, носа и ушей.

Я не могу сердиться. Это нужная разрядка для малышей.

Куча досок и бревен у трамвайных путей.

— Молодцы ребята! — хвалит детей организатор работы.

В 14 часов мы едем домой. Настроение у ребят хорошее и аппетит тоже.

В школе нас ждет обед.

Дети по-прежнему получают в школах трехразовое горячее питание.

Сегодня после занятий в школе опять ездили за Невскую заставу на заготовку дров. Но воскресник был сорван сильным артиллерийским обстрелом. На проспекте Обуховской обороны пришлось укрыться в подъезде каменного дома.

Снаряды падали очень близко, и на нас сыпались стекло и штукатурка.

На обратном пути мальчики говорят о Сталинграде.

— Какому городу тяжелее, — спрашивает один, — нашему или Сталинграду?

— Это ты артиллерийского обстрела испугался. Вот тебе и показалось, что ты в Сталинграде! Там бои на улицах, там вся земля дрожит и света не видно, — убежденно говорит второй.

— А у нас под самым городом фашисты.

— Ну и что же? Они сидят в окопах. А в Сталинграде каждый день наступление...

— Ленинграду помогли остановить врага, помогут и Сталинграду, — уверенно говорит Игорь, как всегда, верный своему оптимизму.

Сегодня опять воскресенье, и мы вновь на заготовке дров. Работали до 17 часов, чтобы наверстать упущенное за эти дни.

На заготовку дров выходим почти ежедневно. Правда, сейчас немного легче, так как работаем у школы. Подъезжают трамвайные платформы с дровами. Учителя, молодые учительницы и технический персонал разгружают их, а дети носят дрова к дому.

Наиболее сильные из старших мальчиков сбрасывают их через окно в подвал.

Я смотрю на труд школьников и проникаюсь глубочайшим уважением к этим детям, юношам и девушкам. Ведь не раз, не два они выходят на работу, тяжелую и для взрослых. Мы работаем каждое воскресенье и каждый день после уроков. Кончится заготовка дров, начнутся другие работы.

Сегодня после урока в 8-м классе один из учеников протягивает мне тетрадку, в которую переписаны отрывки из стихотворения Александра Прокофьева «Не отдадим».

— Посмотрите, посмотрите, как хорошо про Ленинград сказано! — говорит он:

С утра не замолкает канонада: Так день за днем, так много-много дней. Враги хотят на месте Ленинграда Оставить груды пыли и камней... Но мы стеною от земли до неба Все поднялись и отстояли свет. И Ладога и дальняя Онега Услышали стоярусное: «Нет!». Нет, не сдадим мы город русской славы И от земли до неба оградим. Своих садов и парков величавых, Своих святынь тевтонам не сдадим!

Мы все в Ленинграде оптимисты, но каждый из нас по-своему поддерживает бодрость в себе и в других.

Старшие девочки решили работать в госпитале. Дела там оказалось много: нужно чинить белье, раздавать и собирать книги и помогать раненым писать письма.

Одна девочка дала мне свой дневник, в котором рассказано об этой работе.

«Сегодня я в первый раз была в госпитале.

В белых халатах, с пачками книг в руках мы шли, волнуясь, как на экзамен. Как-то нас примут раненые, и нужна ли вообще наша работа в госпитале? Но, как только я вошла в палату с пачкой книг в руках, все сомнения мои исчезли. Заказы на книги посыпались со всех сторон:

— Принесите, пожалуйста, «Пятнадцатилетний капитан».

— Девушка, нельзя ли достать «Войну и мир»?

— На казахски, на казахски, — просил раненый боец книгу на родном языке.

Пожилой человек говорил:

— Мне бы с буквами покрупнее.

Библиотека многих просьб удовлетворить не могла, и мы кликнули клич среди товарищей в школе. Нам принесли романы Дюма, приключенческую литературу, произведения классиков и сказки, напечатанные крупными буквами.

В школе возникла должность «сборщика книг». Иногда заказ нас смущал: «Девушки, я много читал. Принесите что-нибудь очень интересное!» Тут мы обращались к учителям, и они нас снабжали интересными книгами».

По просьбе ребят прием в пионеры мы решили провести в госпитале в палате выздоравливающих командиров. После раздачи галстуков и значков один из молодых командиров взял слово. Явно не учитывая возраста своих слушателей, он стал доказывать, что «инициатива на фронте перешла к нам». В этот момент сначала поднялась рука, а потом встала тоненькая, как былинка, девочка.

— Дяденька, — раздался ее звонкий голос, — скажите, а как вас ранили?

— Правильный вопрос. Изволь рассказать, как ты заслужил звание героя, а то разреши: я им про тебя доложу, — сказал седой подполковник.

Летчик просто и хорошо рассказал детям сцену боя в воздухе.

— Еще, еще расскажите! — просили ребята.

И раненые офицеры стали выступать с рассказами о боевых эпизодах.

— Ну вот, так-то лучше. А то ты задумал малышей посвящать в вопросы тактики и стратегии, — смеясь сказал подполковник молодому герою.

Третий день хожу под впечатлением доклада товарища Сталина на торжественном заседании, посвященном 25-й годовщине Октября. Сегодня прочитала его в газете.

Среди успешных военных операций на фронтах в нем перечислены и операции под Тихвином и Ленинградом. Все они показали силу Красной Армии.

Директор школы получила письмо. Дрожащей рукой в нем написано:

«Я, Белова К., работала сторожем при доме и вдруг заболела водянкой.

Сыновья мои на фронте. Я лежала одинокая, в очень тяжелом состоянии.

Узнав о моей болезни, девочки 3-го класса 239-й школы помогли мне.

Они пилили и кололи дрова, носили воду, мыли пол, топили печь, варили обед.

Прошу школу отметить чуткое и сердечное отношение детей ко мне, за что приношу глубокую благодарность.

Белова К.»

Это работа наших тимуровцев.

Мне хочется познакомиться с ними поближе, и я прошу Анну Петровну пригласить тимуровцев ко мне в кабинет после уроков.

Забавно было видеть, как маленькие девочки рассаживались в кабинете, явно смущенные обстановкой. Они впервые пришли ко мне как гости.

Читаю им письмо товарища Беловой и спрашиваю:

— Как это вы придумали такое полезное дело организовать?

— Об этом вам расскажет Люда, — говорит Анна Петровна.

Поднимается сильно смущенная девочка. Косички смешно торчат за ушами.

— Анна Петровна нам прочла книжку Гайдара «Тимур и его команда», и мы решили стать тимуровцами.

— С чего же вы начали?

— Мы сначала искали старушку. Управхозы много предлагали, но нам хотелось, чтобы очень старенькая была и у нее много детей на фронте было.

— А наша старушка не Белова, а бабушка Анастасьева. Белова — это у Анны Петровны в классе, — деловито объясняет голубоглазая девочка. — У нашей три сына на фронте и дочка.

— Что же вы делаете для бабушки Анастасьевой?

— Сейчас ничего; она у нас в больнице. Мы ей пенсию хлопочем, — объясняет мне Галя.

— Только с ключами неловко вышло. Но я не виновата, так бабушка — распорядилась! — говорит, вся зардевшись, Таня.

Я не понимаю, о каких ключах идет речь. Анна Петровна объясняет:

— Дружба ребят с бабушкой была так велика, что, уезжая в больницу, старушка доверила Тане ключи от комнаты. Управхоз пришел опечатывать комнату и составить опись вещей, а комната на замке. К счастью, соседка сообразила:

— Должно быть, школьницы знают, где ключи!

Я получаю много писем от своих бывших учеников. Костя пишет из Ярославля:

«Я так плохо себя чувствовал, когда уезжал из Ленинграда, что ни о чем не подумал, а сейчас мне очень нужна справка, что я учился в 8-м классе. Я работаю на заводе и хочу в вечерней школе за год пройти курс 9-го и 10-го классов».

Витя пишет:

«Я изучаю минное дело и учусь так, как никогда не учился в школе лентяй Витька. Скажите ребятам, что я теперь жалею, что не учился лучше. Пригодилось бы!

Передайте им это обязательно».

Наташа пишет:

«Мы с мамой живем в глуши. Я писала в Облоно, прося дать мне возможность кончить десятилетку. На днях пришел ответ: мне предлагают жить в детском доме в Кемерово и ходить учиться в школу. Конечно, соглашаюсь.

Маму теперь могу спокойно оставить: она здесь быстро оправилась и работает в яслях».

Юра пишет:

«Училище я кончил, но оказывается, моя специальность привязывает меня к тылу. Этого я не хочу. Сейчас осваиваю родственную специальность, чтобы попасть на фронт. Свободного времени мало, так как и учусь и работаю.

Часто вспоминаю школу. Мне кажется, мы ее мало ценили».

От моего историка Алеши тоже письмо:

«Осваиваю топографию. Историком мне быть не суждено. Толя тоже вместо моря сидит в песках Средней Азии. Слышал, что он блестяще учится в Военно-медицинской академии.

Лева был очень тяжело ранен. Отличился под Сталинградом. Наш Костя — летчик и тоже награжден».

Получила радостное известие и от Бориса:

«Дорогая мама, вокруг меня те же камни и снег. Но в жизни у меня новое: я вступил в партию».

Во всех письмах меня радует бодрость, энергия. Я горжусь этими бывшими ребятами и от души желаю им успехов в разнообразных и трудных делах.

Не могу не записать в дневник еще одного письма. Юра пишет своему младшему брату Алику:

«Ты пойми меня. В жизни нельзя терять ни одного дня.

Надо, чтобы каждый день был для тебя, пусть маленьким, но шагом вперед.

Не знаю, какие у тебя учителя. У нас были прекрасные, и мне обидно, что мы их мало ценили.

И еще меня беспокоит: есть ли у тебя друзья? Наш класс был очень дружным. Мы все пишем друг другу, и по письмам видно, как мы крепко связаны школой.

Сейчас мы все разлетелись в разные стороны, но друг друга не забываем».

И приписка:

«Алик, мы давно не виделись, а мне бы хотелось хорошо тебя представить.

Постарайся, братишка, ответить подробно на мои вопросы:

- 1. Как окончил семилетку? (Подробно.)*
- 2. Есть ли у тебя друзья?*
- 3. Где работал и что делал, кроме того, что учился?*
- 4. Чему научился помимо школы?*
- 5. Как у тебя обычно проходит день?*
- 6. Какие необычайно интересные случаи были в твоей жизни?*
- 7. Как помогаешь маме?»*

В этой тревоге за брата — весь Юра.

С вечера 23 ноября живем в ожидании последних известий. Радио сообщило об успешном наступлении наших войск в районе Сталинграда.

Сегодня утром мы, наконец, увидели напечатанные в газетах жирным шрифтом известия о нашей победе под Сталинградом.

Дух захватывает!

Всем понятно, что и наша судьба решалась на берегах Волги.

Опять в школе елка, но только для учеников младших классов. Старшие приглашены на общегородскую елку и на два спектакля: «Эсмеральду» и оперу «Евгений Онегин».

Усиленно готовим выступления наших чтецов, музыкантов, хора. Будут подарки: те же сладости, но в большем количестве и лучшем ассортименте — грецкие орехи, изюм, печенье, шоколад. Вес пакета — триста двадцать граммов.

Миша очень просит Антонину Васильевну разрешить быть на елке и старшим.

— На подарки мы не претендуем, — говорит он, — но как-то неуютно без школьной елки.

Украшали елку старшие. Елка огромная, пышная, и украшать ее есть чем: каждый ученик школы принес по одному блестящему елочному украшению и много серебряных и золотых нитей. Под елкой великолепный «дед Мороз».

Когда зажгли разноцветные электрические лампочки и ввели маленьких, они радостно окружили елку, и многие захлопали в ладоши.

Елка для старших в 5 часов. Ребят собралось очень много. В концерте первым номером читается стихотворение, посвященное ленинградцам.

Зал буквально замер. Многие плакали, даже взрослые. Каждый находил в стихах родное.

На эстраду поднялся боец. Он тяжело опирался на палку. Разговор с ребятами у него сначала не выходил.

— Товарищи, — сказал он, — меня прислал подшефный госпиталь поздравить вас с праздником. Это во-первых... — Тут он замолчал, вынул платок и вытер лоб.

— Расскажите о себе и о своей части, — раздался голос.

— Ну что же сказать о себе? Мой год рождения 1921-й. Воспитала меня Красная Армия. Ранен я был трижды; последний раз тяжело: задет позвоночник и спинной мозг. Оттого я хожу с палкой... А мой полк замечательный! Он третьим по счету получил звание гвардейского. С самого первого дня в боях был. Сражались мы под Красным Селом и Гатчиной; были на охране ледяной трассы, в боях у Синявино. Там мы отвлекали фашистов и мешали им прорваться к Ленинграду...

Он замолчал, и ребята начали аплодировать с истинным восторгом.

После торжественной части танцевали под радиолу. Вечер был особенно оживлен благодаря присутствию на нем командиров-подводников Балтийского флота. На груди у каждого из них три-четыре ордена.

Мальчики 5-х классов не отходили от командиров, требуя новых и новых рассказов о морских боях. Девочки с восторгом танцевали со знатными гостями.

Прошел год со времени необыкновенных елок 1941 года, и как всё изменилось!

И дома сегодня уютнее. Окна застеклены. В печурке горят дрова, а не мебель. Я при электрической лампе пишу письма близким и эти странички дневника. Мы долго сидим за ужином и вспоминаем тех, кто на фронте, и тех, кто погиб, когда было так тревожно за судьбу Родины.

Блокада прорвана

Январь в Ленинграде «сильно озвучен», — как говорят старшие мальчики: длительные тревоги, постоянная пальба зениток и грохот разрывов.

Но мы бодрь. Ведь радио приносит такие хорошие вести с фронта. Мы теперь его никогда не выключаем.

Не простишь себе, если узнаешь об очередной победе хотя бы на час позже. В школе в перемену бежим в канцелярию, чтобы узнать, нет ли «особых известий».

Сегодня тревога длилась почти три часа. Вот и сейчас сигнал воздушной тревоги, но это не помешало мне затопить печурку и согреть пищу.

Метроном всё тикает, а я пишу характеристики учителям и детям для представления их к награждению медалью «За оборону Ленинграда».

Сбылась мечта художника, сбылась даже более полно, чем он думал.

Медаль не только свидетельствует о том, что мы жили в Ленинграде зимой 1941-42 года, но надпись на ней прямо говорит, что наш труд оценен, как работа на оборону Ленинграда.

Несколько дней мы жили в большом напряжении. Ходили слухи о победах под Ленинградом, говорили, что обстрелы и налеты на него связаны с крупными передвижениями наших войск.

Вечером я сидела за столом и готовилась к урокам.

По радио начали передавать знакомый мотив: «Широка страна моя родная», за которым всегда следуют известия.

И вдруг...

Кажется, сердце остановилось от радости, страшно пропустить хотя бы одно слово.

Родина помогла нам разорвать вражеское кольцо. Блокада Ленинграда прорвана.

Моя приятельница обнимает меня и плачет. Плачу и я.

Сбылось то, о чем мы мечтали в суровые дни, чего ждали, не уставая ждать.

Хочется побежать в школу, позвонить по телефону друзьям. Но вечером ходить по городу нельзя, а телефоны выключены.

Мы сидим вдвоем и говорим только о том, что сейчас услышали по радио, и слушаем, слушаем еще и еще раз эти замечательные слова: «блокада прорвана!»

Заснуть невозможно, — слишком велико возбуждение. Радио не замолкает: музыка, пение...

Радостно, так радостно, что словами не выразить.

В 6 часов утра, прослушав еще раз сводку, иду с двумя ведрами за водой в дом напротив. Там во дворе кран. Город еще безлюден, встречных нет, но флаги, красные радостные флаги развеваются на холодном ветру.

В 8 часов иду в школу.

Там уже слышатся детские голоса, радостные, возбужденные: «Поздравляем, поздравляем!»

В канцелярии учителя радостно приветствуют друг друга.

Каждому из ребят хочется рассказать, как он узнал о прорыве блокады.

— Мы еще не спали, когда радио заговорило. Мама открыла дверь в коридор и закричала: «Идите, идите скорее! Победа!» Все жильцы квартиры столпились в нашей комнате, и все плачем, — говорит возбужденно кто-то из девочек.

— А я спал и вижу во сне, будто говорят, что блокада прорвана. Утром рассказываю сон маме, а она говорит: «Дурачок, ты не сон видел, а слышал радио сквозь сон». Тут я как вскочу и, сам не знаю почему, начал скорей одеваться, — говорит Коля.

В столовой светло и радостно. Митинг старших проводим сразу после завтрака, младших — после первого урока.

Дети и учителя сияют.

В 10 часов телефонограмма из РОНО: «Обязательно провести митинги». «Уже проведены», — отвечаем мы. Незабываемый день.

Нет больше блокады. Нет «Большой земли», а есть только огромные пространства нашей советской Родины.

Спасибо славным воинам — и тем, кто бился под городом; и тем, кто помогал им, принимая на себя удары врага.

Я уже мечтаю дожить до тех дней, когда увижу своих «зимняков», «перийцев» и «блокадников» инженерами, врачами, учителями, учеными — честными и полезными Родине людьми. Я мечтаю встретиться с ними и вспомнить, как мы жили и работали в суровые дни блокады, как нам было трудно и как мы верили в победу.

Блокада прорвана, но враг всё еще близок. Вчера весь день палили зенитки, звенели стекла в окнах.

Радостная весть о взятии нашими войсками Воронежа объявлена по радио между двумя тревогами: «тихой» и «сильно озвученной».

В коридоре маленькая девчурка 1-го класса, в сером капоре с уголками, горько плачет.

Надя спрашивает ее:

— Девочка, кто тебя обидел?

— Почему они стреляют? Ведь блокаду прорвали!

Надя пытается объяснить малышке, что такое прорыв блокады. В это время Коля открывает дверь из класса в коридор и, услышав разговор, иронически заявляет:

— Ничего ты, Надя, не умеешь объяснить. Вот у меня она сейчас всё поймет.

Он исчезает в классе и через минуту появляется с мелом в руке.

— Ты, девочка, — Ленинград. Понимаешь? Ты — целый город. А вокруг тебя фашисты. — Он мелом рисует на полу круг.

Малышка уже не плачет. Слезы размазаны по лицу варежкой сомнительной чистоты. Она держит за руку Надю и с некоторым страхом смотрит на мальчика.

— А Надя тоже Ленинград? — спрашивает она.

— Молодец, поняла! Теперь хочешь, я тебе покажу где твой папа?

Он подходит к девочке, и затем я слышу шарканье ноги по паркету.

— Ну, вот здесь, где я стер мел, — тут прорвали круг, прорвали блокаду. Вот здесь твой папа и разгонял фрицев. А они с досады стали всюду стрелять по городу.

Боря чертит массу стрелок, которые идут к Наде и первокласснице. Я открываю дверь своего кабинета и спрашиваю:

— Это что за начертательная геометрия на полу?

— Ксения Владимировна, честное слово, я забочусь о маленьких. Вы же сами говорили, что мы это должны делать. Спросите Надю.

— Он мне про папу рассказывал, — говорит девчурка.

Действительно, новый год обещает быть счастливым. По крайней мере январь месяц был радостный: прорыв блокады и всё новые и новые успехи под Сталинградом.

Вчера в «Последний час» передали, что «наши войска в основном закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда».

Сегодня на политинформации приводились интересные цифры: для завоевания Франции фашистам потребовалось 35 дней, но для того, чтобы пересечь улицу в Сталинграде, уходили месяцы.

А дом Павлова, передовой форпост обороны, фашистам так и не удалось взять.

Вся страна помогает сталинградцам бороться с врагом.

Сколько писем! И треугольники, и конверты всех размеров и цветов. Однажды я получила в один день семнадцать писем!

Это всё поздравления с бывшей «Большой земли»; одно из них даже из Бродокалмакского района от учителей 232-й школы. Они уже мечтают о нашей совместной работе.

Мои мальчики пишут с разных фронтов такие теплые, хорошие письма.

Но самое для меня дорогое письмо — от Бориса.

«Мама дорогая! Если бы ты знала, как мы, ленинградцы, да нет, не только ленинградцы, а все, решительно все переживали за наш город! И вот теперь блокада снята!

Получаешь ли аккуратно по моему аттестату? Питайся, питайся как можно лучше. Твоя фотография меня очень расстроила, я только тогда не хотел писать, — такая ты там худенькая!

Пойми, я не писал потому, что не мог писать. Ты должна быть мною довольна, я вполне осознал чувство ответственности, в отсутствии которого ты меня упрекала; мне пришлось работать начальником штаба полка.

Я теперь майор. Был в очень сложной обстановке и научился многому.

Моя мечта: приехать в Ленинград через Берлин. Предпринял кое-какие шаги для перевода меня с крайнего севера на крайний запад и вчера узнал, что мое ходатайство удовлетворено.

Целую крепко. Пожалуйста, не беспокойся. Новый номер полевой почты сообщу.

Борис».

Ночь была очень тревожна. Дом дважды качнуло, и было слышно несколько глухих взрывов где-то совсем близко. Гаснет электричество, которое так недавно зажглось у нас. Опять толчок и звон разбитого стекла, и так почти до 6 часов утра.

Утром вижу, что в школе выбиты все стекла. В некоторых классах распахнулись даже внутренние рамы окон, хотя они были замазаны, и раскрылись дверцы печей.

Из РОНО телефонограмма: «Выясните, у скольких учащихся разбиты стекла в окнах и обвалились потолки, и списки немедленно пошлите в РОНО».

У нас в этот список занесено двадцать две фамилии. Но интересно, как юные ленинградцы относятся к разрушению своих жилищ: никто не плачет, дети сообщают это нам и друг другу в порядке обмена новостями.

— Это враги нам мстят за прорыв. Злятся они на нас, — говорит один из мальчиков.

В классах проверяем присутствующих. Радует, что все ученики живы и здоровы. Отпускаем тех, кто должен дома навести порядок.

В классах, где удалось забить окна, занимаемся со старшими.

После уроков военрук, учителя и ребята помогают техническим служащим привести в порядок школу.

«Историческое сражение под Сталинградом закончилось победой наших войск», — возвестило вчера вечером радио.

Мы все понимаем, что эта победа небывалого значения. Несомненно, это начало конца войны, начало разгрома фашистов.

— И от Ленинграда их прогонят, — убежденно говорят ученики.

В библиотеке огромный спрос на роман Алексея Толстого «Хлеб».

— Ведь это вторая победа Красной Армии под Сталинградом!

Мальчиков интересует положение с техникой.

— Вы понимаете, что это значит? Бой танков, самолетов, артиллерии, — и победа на нашей стороне.

— Значит, техники у нас стало больше и владеем мы ей лучше врага! — горячо говорит мне Валерий.

— А мужество какое!

— Вот там был настоящий фронт! — говорят ребята с уважением.

Серый конверт. Незнакомый почерк. Почтовый штемпель «Молотов». Вскрываю.

«31 декабря скончалась Мария Николаевна...»

Она часто вспоминала Вас и всё ждала писем из Ленинграда, но Ваше письмо ее уже не застало в живых.

Мы очень уговаривали Марию Николаевну не работать, тем более, что живем мы почти за городом. Но она не могла жить без учеников и с осени стала работать в средней школе. Ни бураны, ни метели не могли ей помешать ежедневно отправляться в дальний путь, и сердце, давно уже больное, не выдержало. Первый припадок случился в школе, в начале декабря, но после него она скоро оправилась. 31 декабря был второй припадок, и Марии Николаевны не стало.

Передайте об этом всем, кто знал и любил ее. О вас, ленинградцах, она много думала и всегда вспоминала своих сослуживцев и учеников. Душой и сердцем она оставалась с вами в Ленинграде».

Это письмо всколыхнуло массу воспоминаний о человеке, сумевшем до конца

жизни сохранить любовь и интерес к тому делу, которому она посвятила свою жизнь.

Приходят первые вести из освобожденного Кисловодска. Там погибла моя бывшая ученица Муся. Ее расстреляли фашисты.

Муся, мечтавшая в школе быть артисткой, Муся, имевшая студенческий матриккул с отметками «отлично», погибла такой страшной смертью! Что она должна была пережить в тюрьме? Страшно подумать! Горечь и гнев в сердце...

Ко дню Красной Армии школа длительно и серьезно готовилась. Собирали деньги и вещи для подарков бойцам. На деньги купили баян. У меня в кабинете лежат груды блокнотов, карандаши, бумага, собранные детьми. Маленькие ребята пишут бойцам письма, старательно выводя большие буквы:

«Милый боец! Я, ученица 1-го «б» класса, поздравляю тебя с днем праздника Красной Армии. Посылаю тебе подарок. Напиши мне: сколько ты убил фашистов?»

На одном письме приписка:

«Знаешь ли ты моего папу, и когда вы прогоните всех фашистов от Ленинграда?»

Сегодня был парадный завтрак. Меню роскошное: астраханская селедка, квашеная белая капуста и картофель в соусе. Сверх всего сладкий кофе с молоком.

После завтрака военный парад учеников средней школы.

Мы с Антониной Васильевной сидим в канцелярии, пока нам не доложат, что классы к параду готовы.

Ребят строит в зале военрук — по четыре ученика в ряд. Выносят знамя. Около него почетный караул — три ученика с винтовками.

Нам докладывают о готовности. Идем в зал. Антонина Васильевна впереди, а я за нею с книгой приказов. Военрук берет под козырек и громко рапортует:

— Товарищ директор, 239-я школа к параду готова.

Антонина Васильевна командует: «Смирно!» Учащиеся стоят навытяжку, лица у всех серьезные, кажется, они даже сдерживают дыхание.

Я читаю приказ номер 10 по школе. В нем перечислены имена наших лучших огородников и тех, кто работал на летней детской площадке и в госпитале, сочетая этот труд с отличными успехами в учении. Наш секретарь Миша отмечен, как отличник и замечательный общественник. Он настоящий помощник учителей.

Обстановка волнует, и от этого Антонина Васильевна забывает поздравить учащихся. Они очень огорчены, так как им не пришлось прокричать ответ. Военрук командует: «Направо, кругом марш!» — и под музыку классы во главе со своими командирами проходят мимо директора и учителей. Порядок образцовый.

Во время третьего урока радио передает: «Внимание, внимание! Говорит штаб МПВО. Артиллерийский обстрел района...» Затем объявлена воздушная тревога. Детей отправляем в бомбоубежище. Отбой только к концу пятого урока.

Днем в школе парадный обед: мясной суп с бобами, запеканка с мясом, бисквит и компот. Сверх того, дети получают конфеты. Группа малышей с сияющими лицами подходит благодарить Антонину Васильевну за вкусный обед.

Норма хлеба увеличена для нас до шестисот граммов в день, и ее нам выдают белым хлебом на два дня вперед.

Иду домой. Над головой гудят наши самолеты. Тяжело ухают и где-то разрываются снаряды.

Вхожу сегодня в класс. Ученики дружно встают. Я здороваюсь и говорю обычное: «Садитесь!»

Но Валерий не садится. Он как-то торжественно идет к моему столу и держит одну руку за спиной.

— Наш класс хочет отметить Женский день... Мы вас все поздравляем... Ну вот, мы делаем вам подарок...

На моем столе появляется объемистая коробочка, завернутая в белую бумагу и перевязанная розовой ленточкой.

— Что это вы выдумали? Я не возьму, не возьму, — говорю я, отодвигая пакет.

— Возьмите! Возьмите! — кричат ребята. — Это вы можете взять!..

Валерий широко улыбается:

— Это не подарок. Это моя работа; ну, а девочки ленточку там и бумагу...

— Пожалуйста, разверните скорее! — умоляет хор голосов.

Развертываю бумагу и вижу невиданное сооружение: продолговатый ящик из фанеры и к нему прикреплена электрическая лампочка под стеклом.

На одной из сторон надпись:

«В день 8 марта 1943 года от учеников 8-го класса».

— Это чтобы вам в темноте по городу ходить, — объясняет Аня.

Я тронута, и мне очень смешно. С маленькими электрическими фонариками всех видов и систем ленинградцы ходят по темным улицам своего города, но такой громадины я еще ни у кого не видела.

— Удобно, правда? — спрашивает Валерий.

— Немножко похож на наш Исаакий, — острит Коля, — но эта батарея долго будет служить.

Я благодарю детей и серьезно говорю:

— Когда война кончится, я его отдам в музей. А сейчас мне будет очень удобно ходить вечером по темной школе и по городу. Большое вам спасибо.

Май 1943 года исключительно тяжел: обстрелы, воздушные тревоги, налеты. На стенах домов по голубому фону надписи:

ГРАЖДАНЕ! ПРИ АРТОБСТРЕЛЕ ЭТА СТОРОНА УЛИЦЫ НАИБОЛЕЕ ОПАСНА

Но сейчас все стороны стали опасными.

Мы готовимся к проведению весенних испытаний. Расписание их составлено и вывешено в зале. С отстающими учениками усиленно занимаются учителя.

В школе обычные для весенней ограды разговоры:

— Ты сколько билетов выучил?

— Десятый билет по литературе противный, если вытащу, — провалю.

— Обидно иметь фамилию на «Ч»: всегда держишь экзамены во вторую смену.

Дети почти забывают об окружающей их опасности.

Сегодня, в канун экзаменов, проверяю всё свое «хозяйство» завуча: раскладываю билеты и протоколы испытаний в отдельные папки.

Затем обхожу здание школы, чтобы проверить готовность помещений, где будут проводиться испытания: всюду ли имеются чернильницы и мел.

Школа в этот предвечерний час безлюдна. Лучи солнца заливают классы, выходящие окнами на запад.

— Кажется, у нас всё в порядке, — говорит Антонина Васильевна.

И в это время телефонный звонок из РОНО: «Вследствие тяжелой обстановки в Ленинграде, испытания отменяются во всех классах, за исключением седьмых и десятых».

Мы растерянно смотрим друг на друга. Случай этот небывалый в школьной практике! Ни детей, ни учителей мы сегодня оповестить не можем. «Завтра с утра объявим на общешкольной линейке», — решает Антонина Васильевна.

«Слухом земля полнится». По дороге в школу встречаю учащихся, и многие спрашивают:

— Правда, что экзамены отменены?

Детям не верится. Они привыкли работать в любой обстановке. Весть о линейке, которую будем проводить сразу после завтрака, всех волнует.

— А может, правда, отменили испытания? — говорят оптимисты.

— Да нет, просто скажут, как себя держать на испытаниях.

Зал наполняется детьми. При появлении директора все замолкают. Антонина Васильевна говорит об обстановке в Ленинграде и о том, что Наркомпрос, заботясь о ленинградских школьниках, делает исключение для нашего города и отменяет экзамены во всех классах, кроме седьмых и десятых.

Что тут поднялось! Дети забыли, что они на линейке, кричали и прыгали.

Но когда первые восторги прошли, у многих возникло чувство неудовлетворенности.

— Год будет точно без конца, — говорили они.

Миша пишет в своем дневнике:

«Недавно приезжал папа с фронта. У него на зеленой ленточке медаль «За оборону Ленинграда».

У нас в Октябрьском районе первые медали будут давать 3 июня, и особенно интересно, что вручать будут в Адмиралтействе — в том самом здании, которое изображено на медали».

В письме к отцу Миша писал:

«Дорогой папа, и у меня медаль «За оборону Ленинграда». Поздравь меня!

И в какой торжественной обстановке я ее получал: в Адмиралтействе, в тот день, когда ее в первый раз давали в Октябрьском районе! Из всей нашей школы я один получал медаль в этот день... Это, верно, потому, что я секретарь комсомольской организации той школы, которая не прекращала занятий в течение всей блокады и заняла второе место по городу на сельскохозяйственных работах.

Вот как это всё происходило. Большой зал, красиво убранный знаменами. На эстраде у стены огромное изображение медали.

Во всех концах зала вспыхивают прожекторы. Очень большой президиум.

Я плохо слышал, как читали указ о награждении медалями — всё думал:

«А вдруг меня первым вызовут, ведь моя фамилия на «А».

Вручивший медаль пожал мне руку, поздравил и что-то долго говорил, но я ничего не запомнил от волнения. Хуже того, я отвечал ему, что-то говорил, а что, — не помню. Вдруг я плохо говорил, а Антонина Васильевна меня предупреждала:

— Ты школу не подведи. Мы тебя знаем как хорошего оратора.

Я только утешаю себя тем, что все волновались. Директор одного из заводов, старый человек, чуть не плакал. Кажется, не волновался только один маленький школьник, совсем мальчишка: верно, в 5-м классе учится. Он на весь зал звонко сказал:

— Благодарю правительство и партию за высокую награду. Надеюсь быть полезным гражданином своего Отечества.

Ему больше всех аплодировали. Говорят, он потушил огромное количество «зажигалок», потому и получал медаль на первом вручили.

А что в школе делалось, когда я пришел с медалью на груди! Ребята, учителя, все поздравляли!

Теперь буду ждать, когда мама получит медаль. Тогда в нашей семье у нас у всех будут медали за Ленинград.

А орденосец ты у нас один, папа дорогой.

Твой сын Миша».

Я очень благодарна Анне Петровне, что она дала мне списать письмо Миши к отцу.

Под Курском фашисты начали новое наступление. Пишут, что у них появились на этом участке фронта мощные танки «тигры» и самоходные пушки «фердинанды». В газетах тревожные слова о силе противника.

Но военрук школы доказывает, что провал фашистского наступления на Курской дуге неизбежен.

Вечером на общегородском собрании читаем статьи: «Наступление немцев в районе Курска» и «Жулики из ставки Гитлера».

Дети поражены.

— Вот нахалы! Сначала пугали «тиграми», а теперь кричат, что советское сообщение о начале германского наступления ложно.

— Значит, помяли им бока, — заключает кто-то из мальчиков.

Мы опять на огородах на станции Конная Лахта. Работают дети очень хорошо. Ведь они уже «опытные» огородники.

Самое трудное в жизни лагеря — поездки ребят в город. А дети о них мечтают: хочется повидать родителей, побывать в кино, помыться в бане.

Но город, особенно вокзалы подвергаются постоянным обстрелам, и я боюсь за жизнь моих лагерников. Решительно говорю детям о временной отмене отпусков. Лица мрачнеют. В следующие дни дети нервничают. Аня плачет:

— Страшно за маму! В городе, говорят, сильные обстрелы!

Ира, лежа в постели, говорит с явным расчетом быть услышанной мною:

— Работается легко, когда знаешь, что отпуск будет, а так тоска.

За обедом объявляю: «Напишите в город родителям, и пусть они занесут в школу записки с разрешением ваших поездок в город».

Общий восторг.

Через несколько дней получаю кипу записок. Что это? Легкомыслие? Нет, это привычка к обстрелам, налетам, которые перестали пугать...

С детьми в город едут учителя и я. На Финляндском вокзале мы попадаем под жестокий обстрел. Один из снарядов попадает в только что поданный состав. Разбиты три вагона, во всех остальных вылетели стекла.

Одна из девочек говорит мне:

— Посмотрите наверх... посмотрите!

Я поднимаю голову и вижу много ласточек. Они мечутся в испуге, наталкиваясь друг на друга, и жалобно пищат. Но среди людей образцовый порядок.

Из города в лагерь решаем возвращаться пешком. Собраться всем завтра у конечной остановки трамвая в Новой Деревне.

От Новой до Старой Деревни ходит пригородный трамвай. В сущности, обеих «деревень» нет, так как все деревянные дома снесены на топливо. Каменные здания неуютно торчат на пустырях, поросших бурьяном. Много огородов, обнесенных самодельными заборами из старого кровельного железа или колючей проволоки.

У шлагбаума застава. Проверяют документы.

Шоссе, мощенное крупными булыжниками, почти всё время идет вдоль железнодорожного пути, но местами близко подходит к заливу. Местность открытая, болотистая, первые деревья встречаются лишь у Лахты.

Вдоль дороги землянки. Эти сооружения высятся у края дороги, как естественные холмы. Через стекла крохотных оконцев в землянках видны белые занавески из марли, букеты полевых цветов в банках из-под консервов. Очевидно, здесь живут.

У одной очень большой землянки человек десять красноармейцев сидят за столом на лавках и обедают. Общий характер картины — «мирная» жизнь тыла за передовой линией.

Высоко в небе раздается рокот мотора, и вдруг всё меняется: из землянок мгновенно выскакивают бойцы в металлических шлемах. Командиры направляют бинокли в сторону моря. В чем дело? Начинается стрельба, и в море одна за другой поднимаются три гигантских водяных пирамиды.

Мы знаем, — спрашивать у красноармейцев бесполезно: тебе или сурово напомнят о военной тайне, или отделаются шуткой. Болтать не полагается.

В двух местах дороги стоят тесными группами белые надолбы, противотанковые сооружения, напоминающие какие-то пособия по геометрии в увеличенном виде.

Наш поход из города до Ольгино занял два с половиной часа.

Ложусь спать около 12 часов ночи. Окно нашего чердака обращено в сторону Ленинграда, и мы обычно видим в этот час ракеты над городом. Они вспыхивают звездами белого или красного цвета и гаснут. По небу скользят лучи прожекторов.

Просыпаюсь от гула самолетов в небе. По звуку слышно, что летят они высоко, и их

очень, очень много. Лежу и прислушиваюсь... Вдруг стена ярко освещается. Вскрываю и вижу в окно: весь горизонт объят пламенем. Оно становится то густокрасным, то бледнеет, и тогда на его фоне появляются огненные шары.

Трассирующие пули бороздят небо. Лучи прожекторов скрещиваются друг с другом и разбегаются в разные стороны.

И вдруг слышен омерзительнейший свист бомбы, затем второй.

Это налет на Ленинград. Горит наш город!

Время — 1 час 30 минут. Бужу военрука и педагогов. Будить ли детей?

Темная ночь конца июля. Вокруг нас всё тихо, но там, на горизонте, где Ленинград, происходит что-то очень тревожное.

На другой день мы узнали, что в городе была жуткая ночь. Самолеты врага сбрасывали осветительные ракеты и бомбили.

Нашу столовую дети называют «японским домиком»: она сколочена из фанеры.

Миша и Вова запаздывают к обеду. Очевидно, их задержали в сельсовете, куда они пошли заверять пропуски для поездки в город.

Вдруг наш «японский домик» буквально качнуло.

Кто-то рванул дверь, запертую на крючок, и сразу забарабанил кулаком по тонкой фанере. Дверь открыли, и в столовую, как вихрь, ворвались Вова и Миша.

— Победа, победа! — кричат мальчики вне себя. — В один день взяты Орел и Белгород.

Все повскакали с мест, раздалось оглушительное «ура!»

— Вот газета, там, в сельсовете нам дали. Приказ товарища Сталина! В Москве был салют...

— Миша, дай сюда газету. Сейчас прочтем сами, — говорит Аня. — Садитесь, ребята!

В столовой водворяется тишина. Аня читает приказ.

Особый восторг вызывает то место, где говорится, что наше наступление разоблачает легенду о невозможности Красной Армии вести наступление летом.

— Капут деду Морозу! — весело говорит кто-то.

«5 августа 1943 года столица нашей Родины Москва, возрождая славные традиции старины, салютовала доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород», — читает Аня сообщение в газете.

Все возбуждены, радостны. Всегда свято соблюдаемый «мертвый час» сорван.

Я рассказываю о славной традиции салютовать победителям. Ребятам особенно понравилось, что во время празднования Ништадтского мира огненный орел набросился на шведского льва, и тот рассыпался на множество искр.

— Счастливые москвичи: видели салют, — говорит Миша.

— Хоть бы по радио его передали.

— Будет салют и в Ленинграде! Непременно будет!

Я зашла узнать, как живет Таня. Не видала ее с мая. Она показала мне букет в хрустальной вазе. В нем ромашки, иван-чай, львиный зев, мышинный горошек.

— Ты ездила за город? Почему же не ко мне? — спрашиваю я.

Таня смеется.

— Я его собрала на улице, между камней. В прошлом году на Пряжке были васильки, но теперь их нет, так как землю распахали под огород.

В городе, когда нет обстрела, совсем тихо. Пройдет трамвай, проедет машина, и опять тишина, такая необычайная для мирного Ленинграда. В раскрытые окна со дворов и улиц не слышен детский крик. Таня говорит:

— По радио так приятно слышать гудки машин на Красной площади. Скорее бы зазвучали они у нас!

В июле и августе много побед.

Раскатом залпов салютует Героям Родины Москва.

В газетах лозунг: «Вся страна приветствует своих героических воинов, наносящих мощные удары по врагу». Мальчики стали стратегами:

— Пойми, ведь теперь пять фронтов и всеми нужно командовать. Надо, чтобы они друг другу помогали!

— Это потрудней, чем шахматные ходы!

— Я читал в «Красной звезде», как враги шли к Курску. В одном месте они бросили в бой четыре пехотных и три танковых дивизии. «Тигры» шли по десять-пятнадцать машин, а средние танки по пятьдесят-сто машин в эшелоне, а дальше на бронетранспортерах мотопехота. Понятно?

— Вот тут-то нашим летчикам и артиллеристам была работа!

— А огневая завеса при нашем наступлении! Говорят, враги этого не ожидали!

— Помните, как грустно нам было, когда наши оставили Севастополь, и как было страшно за Сталинград. А теперь всё по-другому, — говорит Аня.

Ночь. В воздухе шум сотен самолетов. Он так силен, что все взрослые проснулись.

Страшный гул канонады. На горизонте, на фоне огромного красного зарева, темные облака дыма. К ним тянутся причудливо извивающиеся беловатые змеи. Вместо голов у них ярко-желтые с красноватым оттенком шары. На месте угасающих возникают новые.

— «Катюши», «катюши»-то наши как славно действуют! — говорят наши соседи моряки.

— А самолеты тоже наши?

— Конечно! Это налет на побережье.

Сердце бьется от радости. Наконец-то! Это наш ответ на нескончаемые обстрелы Ленинграда из тяжелых орудий.

Анна Петровна будит Мишу и говорит:

— Он столько видел тяжелого в Ленинграде. А сейчас ведь сердце прыгает от радости. Разве вы не чувствуете, какая над нами летит силища, какая чудесная крылатая армия нашей могучей Родины!

Мне тоже не хочется, чтобы ребята пропустили этот момент нашего торжества. Я поднимаюсь по скрипучей лестнице на чердак, где спят дети, и говорю:

— Кто хочет, может одеться и сойти во двор. Наши самолеты бомбят фашистов.

Сразу вскакивают несколько человек и будят остальных.

Мы спешим во двор.

— Ну и ночка! Славная ночка! — говорит кто-то из мальчиков.

Праздник, огромный праздник близок. Час возмездия наступил!

Известие о том, что с нового учебного года мальчики и девочки будут учиться в разных школах, волнует детей.

— Расскажите, как было, когда мальчики и девочки учились не вместе, — просят меня.

— Вы в какой школе останетесь?

— А наша школа будет женской или мужской?

В темные вечера только и разговоров, что о предстоящей реформе.

— Жаль нашего коллектива, мы так дружно жили, — вздыхают старшие.

— А может быть, лучше будет: никто за косички не будет дергать, — говорит девочка из отряда младших школьниц.

— Нет, без мальчиков хуже будет. Они храбрые. Весь класс нашалит, а мальчики всегда на себя вину берут, — возражает ее подруга.

Наконец мы узнали, что наша школа будет женской. Старшие мальчики переводятся, как они говорят, «в совсем чужую школу».

Переезжаем в город. Мальчики провожают меня до квартиры и несут мой чемодан и рюкзак.

— Прощайте, Ксения Владимировна! Кто теперь будет вам помогать носить вещи на третий этаж? Девочки на это не способны. Вы еще помянете нас добрым словом, — шутят они.

— И в лагере без нас будет плохо: ни косцов, ни пильщиков не будет.

— А если ваш лагерь будет по соседству, неужели вы не поможете?

— Ну, конечно, поможем! Мишка, ведь правда, поможем?

Мы шутим, но прощаться нам грустно.

Вчера ко мне зашла Таня. По ее лицу я сразу поняла, что недобрые вести принесла она мне.

— Говори сразу, — прошу я.

— Семнадцатого августа в госпитале умер Юра. Он был тяжело ранен. Юра давно рвался на фронт. После окончания училища освоил даже какую-то новую специальность, чтобы попасть в действующую армию. Он был такой хороший, умный, талантливый. Правда? — с грустью говорит Таня.

— Да, правда. Конечно, правда, — говорю я, и передо мной встает образ умного, честного юноши, человека долга.

Во сне я видела поле. Высокая густая трава, и в ней лежит Юра. Лицо его сурово, глаза закрыты.

Я просыпаюсь, — подушка мокра от слез. Сердце бьется. Скольких мне еще

суждено оплакивать!

— Ксения Владимировна, вы знаете, одна ученица из нашего класса была на фронте, — сообщают мне восьмиклассницы.

— Кто такая?

— Лена Шустова.

Не могу припомнить этой ученицы и на следующем уроке вызываю ее. Встает голубоглазая девушка небольшого роста, гладко причесанная. Отвечает спокойно и очень толково. В перемену спрашиваю:

— Каким образом вы попали на фронт?

— Отец меня увез от голода из Ленинграда. Его часть стояла под городом.

— А что вы делали на фронте?

— Всё, что приходилось. Там нельзя сидеть сложа руки.

У Лены нет желания похвастаться, удивить и даже рассказать о себе.

Нашу вторую фронтовичку Киру Самсонову я сама замечаю в классе. На первой скамейке сидит очень близорукая девушка. Мое внимание привлекает медаль на ее груди.

После урока спрашиваю:

— Какая у вас медаль?

— «За боевые заслуги».

— Вы были на фронте?

— Да, с отцом.

Расспрашивать сейчас неловко, и я откладываю разговор до более удобного случая.

Меня эти девушки очень интересуют. Как они будут себя чувствовать в школе, как сложатся их отношения с учителями и с классом?

Лена как-то спросила меня:

— Могла бы я участвовать в олимпиаде детского творчества? Я бы хотела написать сочинение по истории.

— Конечно, можешь! — отвечаю я.

Я уже заранее знаю, что тема будет обязательно военная. Пожалуй, «военное прошлое» Лены сказывается только в интересе к темам из военной истории. То она с увлечением читает книги о полководцах, то удивляет студентов, бывших у меня на уроке, сложной схемой Кунерсдорфской битвы, которую она чертит в классе на доске.

— Я хотела бы написать сочинение на тему «Куликовская битва», — я уже читала Костомарова, Ключевского и роман Бородина «Дмитрий Донской». Вы мне укажете еще литературу?

Лена приходит ко мне часто: то за книгами, то с рядом вопросов. Работа у нее будет, несомненно, хорошая.

— Лена, мне очень бы хотелось знать, как ты жила на фронте. У тебя нет никаких записей?

— Есть, но всё это листочки, черновички, и нет времени их привести в порядок. Да и кому это интересно? Ведь там, на фронте, много замечательных людей, а в моей жизни ничего особенного не было.

Сегодня Лена мне принесла свое сочинение и небольшую рукопись.

— Это мои записки для вас, — сказала она.

Вот что я прочла в них:

«Рассказать мне о своей жизни почти нечего, потому что не было в ней ничего необыкновенного и яркого. Просто жила и работала и никаких подвигов не совершала. Даже в бою не была. А попала я на фронт несколько необычным путем.

В мае 1942 года я простудилась и заболела. Для ленинградца-дистрофика заболеть было весьма опасно. Целыми днями я лежала одна и прогоняла назойливую муху — мысль о еде, стараясь думать о чем-нибудь интересном.

Неожиданно 19 июня приехал папа и взял меня к себе.

На мотоцикле, после трех часов тряски, я добралась до землянки, где помещался ПСД (пункт сбора донесений). Бойцы-связисты, которые были в землянке, с любопытством разглядывали меня и спрашивали:

— Сколько вам лет?

— Как жизнь в Ленинграде?

Вскоре за мной пришли и отвели в папину землянку. Так началась моя жизнь на фронте.

Дальше я плохо помню подробности, но очень хорошо сохранились в памяти впечатления от встречи со старшим батальонным комиссаром. На всю жизнь у меня сохраняются воспоминания о нем.

Я не преувеличу, если скажу, что он был для меня вторым отцом.

Моя «боевая» работа началась с того, что мне велели очень аккуратно, по формату, нарезать листы бумаги, на которых будут печатать приказы. Потом мне показали топографические карты и научили их склеивать. И этой специальностью я овладела довольно быстро.

Я помогала заведующему делами подшивать приказы, потом шла клеить карты нашим командирам, которые уезжали на передовую.

Несколько позже мне показали, как нужно наносить «обстановку», то есть расположение войск на фронте, и «систему огня». Вскоре я уже помогала чертежникам.

В конце лета меня перевели на работу в политотдел и приказали создать библиотеку. Всё это мне удалось сделать довольно быстро, но моя землянка-библиотека была совсем сырая. Под полом стояла вода, и когда я ходила по доскам, то вода била в щели тоненькими фонтанчиками. А если на улице целый день шел дождь, то у меня с потолка капало неделю. Книги сырели, портились. Наконец удалось их поместить в другое, сухое место.

Осенью меня снова забрали к себе «оперативники» — штабисты. Началась подготовка к наступлению.

Фронт передвигался, и мы уже расположились во «фрицевских» землянках. Холодно, стекол нет, народу много, все курят... Майор за своим «столом» оперативную сводку в Ленфронт пишет; здесь же, на уголке, кто-то приткнулся на часок вздремнуть.

В землянку стремительно входит подполковник. Он охрипшим голосом торопит своих помощников, докладывает о чем-то по телефону начальнику штаба. Треск пишущих машинок, звонки телефонов, приказания и дым от «буржуйки». И так днем и ночью.

Выйдешь из землянки, — на улице мороз, в небе разноцветные ракеты, совсем близко бухает артиллерия, стрекочут пулеметы, автоматы... фронт в трех-пяти километрах, а может, и ближе. Подъезжают и уезжают машины, мотоциклы, всадники, и все едут туда, откуда несется грохот.

Там наши наступают, и нужно умело руководить ими: надо направить удар, чтобы он был сметающим, разящим.

И наши майоры, полковники, наш начальник штаба и командующий армией решали эти сложнейшие задачи.

Я вижу их с покрасневшими от бессонницы глазами, с осунувшимися лицами. Я вижу их помощников: офицеров связи, чертежников, машинисток, связных, — словом, всех тех, кто самоотверженно делал свое маленькое и всё-таки великое дело.

Я помню наше комсомольское собрание перед началом операции. Выступал комиссар и сказал: «Нет слова позорнее, чем «фашист»; нет сердца в нашей стране, которое не запылало бы гневом при этом слове! Когда мы вспоминаем раны Ленинграда, Пушкина, Киева, Одессы, перед глазами горит слово «фашизм».

Мы вспоминаем разрушенный Петергоф, виселицы на Крещатике, мертвецов в простынях на саночках в Ленинграде, бомбы и снаряды; мы говорим: «Смерть врагу!» Может быть, друзья мои, кто-нибудь из нас не будет присутствовать на следующем собрании, но комсомольцы, каждый на своем посту, выполняют свой долг до конца».

Его ладонь легла на мое плечо.

— Я знаю, что и ты ненавидишь фашистов. Так, дочка?

От волнения я только кивнула головой. Невысокий, спокойный, с доброй улыбкой, весь воплощение уверенности в правоте нашего дела, в нашей победе, — таким он мне запомнился.

Вот так и работали. Когда была возможность, навещала своих в госпитале. И там делала всё, что скажут. Меня в шутку стали звать: «первая, куда пошлют». Что мне велели, то я и делала. Но другие во много раз больше меня работали. Сколько наши офицеры делали! А я — так просто, «первая, куда пошлют».

Историю Киры Самсоновой я узнала много позже. Передаю ее со слов Киры:

«Меня эвакуировали из Ленинграда летом 1941 года с интернатом на Северный Кавказ в станицу Лабинскую. Туда приехал отец и устроил нас с братом на частной квартире, заплатив хозяйке вперед. Нам было у нее очень хорошо и сытно.

Но когда враги заняли станицу, всё пошло по-иному: отношение к нам резко изменилось. Очевидно, хозяйка боялась, что мы будем ей обузой и станет известно, что наш отец в Красной Армии.

Опасность нависла над нами.

Пока я думала, судьба всё изменила за нас: партизанский отряд занял Лабинскую.

Когда начался очередной призыв, мой четырнадцатилетний брат явился на сборный пункт и уверял всех, что ему шестнадцать лет. Его согласились взять в военное училище.

Я осталась одна, совершенно не зная, где отец. Приходилось часто ходить к

прежней квартирной хозяйке и узнавать, нет ли писем...

Подхожу я как-то к ее хате и вижу машину. На ней сидят военные и среди них девушка.

— Не знаешь ли ты, где живет Кира? — спросила меня девушка.

— Это я Кира.

— А мы привет вам от папаши привезли.

Оказывается, отец мой, врач, находился на отдыхе со своей частью в Воронежской области и разыскивал меня. Я никогда не забуду встречу с ним...

С этого дня моя жизнь потекла совсем по-иному и стала очень содержательной. Я стала свидетельницей замечательных событий. В июле началось наступление на Орловско-Курской дуге, и наша часть ночью была поднята по тревоге. Пришел приказ наступать.

Во время наступления я поняла, что такое техника в армии. По четырем дорогам непрерывной колонной двигались войска и с оглушительным шумом мчались наши грозные танки. За танками двигались знаменитые «катюши», потом артиллерия, за ней нескончаемый поток автомашин. Пыль была так густа, что солнце светило, словно сквозь темную сетку.

Моя «боевая» служба началась неожиданно. Мы приехали в деревню, где должны были развернуться. В это время шли жестокие танковые бои.

Двигаясь к месту назначения, мы проезжали мимо настоящих кладбищ вражеской техники.

Естественно, что такие бои не могли быть без жертв. Когда мы приехали в Камышовку, деревня была уже завалена ранеными. Они лежали прямо на улице и на большом пустыре, прилегающем к деревне. Я стояла в недоумении, не зная, что делать. Вдруг слышу:

— Пить, пить!

Я взяла ведро воды и стала поить раненых. Потом кто-то сунул мне бинты и сказал:

— Перевязывай!

И я стала перевязывать.

Мы всё делали вдвоем: фельдшер Машенька и я. Ну, конечно, были и санитары. Они носили раненых, а у меня на это не хватало сил.

Мы с Машенькой перевязывали, кормили, сортировали, регистрировали и эвакуировали раненых. Иной раз по три-четыре дня не спали. Я больше всего дежурила по ночам. На моих руках бывало до ста раненых.

Всё лето шли бои, а осенью я узнала, что представлена к боевой награде. 8 ноября получила ее перед строем».

Я спрашиваю Киру:

— Вы так хорошо учитесь. Вам учение легко дается?

— Что вы! Я сейчас наверстываю пропущенное. Честно говоря, я совсем не знаю курса 8-го класса и сейчас прохожу его самостоятельно. Сажу ежедневно до 2 часов ночи.

— А вы уже думаете о вузе?

— Думать мне много не надо. Конечно, медицинский. Это наследственная профессия в нашей семье: мама была врачом, папа врач, и мне это дело стало знакомо.

Сегодняшний день для меня полон совсем новых впечатлений. Мы ездили на фронт, в гости к нашим шефам. Звали они нас давно, и девочки мечтали об этой поездке.

Секретарь нашей комсомольской организации убеждала меня:

— Нужно побывать у шефов. Они нас очень ждут. Прямо невежливо будет не поехать, ведь они на всех наших вечерах бывают!

Антонина Васильевна колебалась: несомненно, хорошо, если наши девушки побывают на фронте и своими глазами увидят, как живут бойцы и командиры и как напряженно учатся, готовясь к будущим боям. Но директора очень волновала и ответственность за эту поездку: шутка сказать, — везти на передовые позиции учениц.

Ее окончательно убедил капитан. Он от имени командира полка звал нас приехать.

— Мы отвечаем за жизнь наших гостей. К нам ездят писатели, артисты. Ездят потому, что это очень нужно армии. Для нас гости — это отдых, отвлечение от трудностей фронтовой жизни. Вашего приезда мы очень ждем. У многих бойцов и офицеров остались дома семьи, и приезд школьниц им доставит огромную радость.

Решили, что поедем только с десятью девушками — ученицами старших классов.

Вызвали родителей и получили их согласие на эту поездку.

— Едем я и завуч, — говорила каждому Антонина Васильевна, — значит, вы можете быть спокойными, что за детьми мы присмотрим. Уедем утром и обязательно вернемся вечером. Если мы не вернемся, — значит, обстоятельства так складываются, что меньше риска, если там ночевать.

Родители разрешают, видя страстное желание своих дочерей. Но поехать оказалось не так просто: дважды назначался день поездки, и два раза отменяли сами шефы. Звонили по телефону:

— Просим повременить с приездом.

Мы понимали, что обстановка у них не подходит для приема гостей.

Наконец поездка была назначена на 5 декабря.

В окне вагона непривычный для нас, горожан, зимний пейзаж. День ясный. Деревья стоят белые, пушистые.

Передовая линия так близка к Ленинграду, что как ни полз наш маленький локомотивчик с составом из шести дачных вагонов, мы через полтора часа доехали до нашей станции.

Дачный поселок. Все домики сейчас заняты военными. Мы идем по снежным улицам в политотдел. Путь нам показывает начальник клуба, встретивший нас на перроне. Его выслали встречать «дорогих и необыкновенных гостей», — как он выразился, здороваясь с нами.

В политотделе, маленькой дачке, очень тесно. Здесь нам надо дожидаться машины, которая отвезет нас на позиции.

Грузовик подают очень скоро, и мыдвигаемся в путь. Правда, путь наш был недолог, так как наши гостеприимные хозяева прежде всего решили накормить нас перед походом на передовую.

Обедали мы в землянке. Раньше мне казалось, что землянка — это что-то мрачное и холодное. Каково же было мое удивление, когда нас привели в чистую и теплую подземную квартиру с электричеством и радио!

Бойцы старались нас как можно усерднее угощать:

— Кушайте, кушайте. Мы знаем, гражданскому населению туговато приходится.

Дорога на передовую шла по Выборгскому шоссе. Всюду противотанковые рвы, проволочные заграждения, ряды окопов и траншей.

Много бойцов-лыжников.

Лес становился гуще, но всюду виднелись землянки и протоптанные между ними узкие тропы.

— А вот и командир полка идет нас встречать, — сказал капитан.

Из землянки вышел коренастый человек в накинутом на плечи белом нагольном тулупе. Живые глаза делали лицо майора молодым, но в черных волосах было много седины. Поздоровавшись с нами, он спросил Антонину Васильевну, собираемся ли мы у них ночевать или уедем в город с вечерним поездом. Узнав, что уехать должны обязательно вечером, он сказал:

— Тогда не будем терять времени и пойдемте прямо к артиллеристам. С них мы начнем знакомство с нашей дивизией. Прошу вас идти за мною.

Мы двинулись. Было тихо-тихо. Деревья стояли не шелохнувшись и ветви свисали под тяжестью снега. Кругом было белое и, казалось, безлюдное царство. Лишь дымки из землянок выдавали присутствие людей. Таким фронт мы себе не представляли.

— Ну вот и прибыли! — сказал майор, подходя к землянке. — Входите, входите, чтобы посмотреть, как живут наши служители «бога войны».

Мы вошли в просторную землянку. Нары. Одни бойцы спали, другие читали газеты. При нашем появлении все встали.

— Покажите нашим гостям пушки, — сказал майор артиллеристу очень маленького роста, — да объясните, чтобы девушки всё поняли.

Мы вышли из землянки. В нескольких шагах от нас стояли две пушки, так хорошо замаскированные сосновыми ветками, что мы их и не заметили в этом зеленом шалаше.

— До чего чисто! — ахали девушки при виде безукоризненной чистоты орудий.

Просто и толково объяснил нам боец устройство пушки и ее действие при выстреле.

— Теперь пойдемте к минометам, — предложил майор. Девушки благодарили артиллериста за объяснение.

— Не стоит, не стоит. Я очень рад старую профессию вспомнить. Я ведь учитель, — говорил нам на прощание артиллерист.

Бойцы показали нам миномет.

— Вот уж не скажешь, что это такое страшное оружие, — говорили ученицы.

— Ну, теперь мне хочется провести вас на наблюдательный пункт, — сказал майор. — Только плохо, что ваши пальто темные и будут выделяться на снегу. А потому больше пяти человек я с собой не возьму. Идите вереницей за мной, но на небольшом расстоянии друг от Друга.

Мне не пришлось идти на «НП». Туда пошли Антонина Васильевна и четыре девочки, а мы отправились в землянку автоматчиков.

Они только что вернулись из наряда и собирались отдохнуть, но, когда мы вошли, нас буквально засыпали вопросами о Ленинграде.

Многие просили нас отвезти их семьям в Ленинград письма и посылочки: банки консервов, мешочки с сахаром. Девушки охотно согласились это сделать.

Наша беседа прервалась звуками выстрелов.

— Финские минометы, — сказал кто-то. Я очень забеспокоилась, зная, что наши на «НП».

— Не бойтесь. Ведь это же не бой. Майор укроет ваших девушек, уж будьте спокойны, — говорили мне.

Действительно, так и случилось.

— Нас обстреляли, — важно сказали мне девушки, подходя к нам.

— Мины стали ложиться близко, и майор велел нам прыгнуть в глубокую траншею. Галя туда скатилась кубарем.

— На дне была вода, но мы шли по траншее, не обращая на нее никакого внимания.

— А финнов мы так и не видали, но проволочные заграждения их ясно видели.

Девочки рассказывали наперебой. Они себя чувствовали в некотором роде героинями и на нас смотрели чуточку свысока, как на «тыловиков».

На обратном пути к землянке командира мы встретили группу разведчиков. Они шли на выполнение боевого задания.

— Какая выдержка! — восхищались школьницы.

Очень не хотелось нашим девушкам уезжать. Надо сказать, что молодые командиры и наши девочки старались убедить Антонину Васильевну, что можно отложить отъезд до утра, что «дома не очень будут беспокоиться».

Но мы были неумолимы и вернулись в город с вечерним поездом.

Так прошла наша поездка на фронт.

Долгожданное близко

В шестом часу вечера я шла из школы. Не успела свернуть на площадь, как раздался оглушительный выстрел. За ним другой, третий... и залпы слились в мощный гул. На небе вспыхнули зеленоватые «зарницы».

— Вспышки, вспышки, смотри где! Ведь это над Невой и туда, к морю! Наши, наши корабли стреляют! — говорит взволнованный молодой голос.

«Началось! Началось!» — хотелось крикнуть мне.

Утром просыпаюсь от звуков канонады. В комнате светло от вспышек. Они так часто следуют друг за другом, что не успевает погаснуть одна «зарница», как вспыхивает другая.

Иду по улице и слушаю, как музыку, мощный, необычайный и какой-то торжественный гул...

В школе у всех радостное настроение. В окнах шуршит и лопается целлофан, которым заменили фанеру, но никто даже не замечает этого.

— Как хорошо, как радостно на душе! — говорит Клавдия Ивановна.

— Вы слышите? Вот это залп! — говорит Миша.

Это стреляют наши и так сильно, что звуков вражеской артиллерии уже не слышно.

Мы уверены, что началось наступление.

День прошел очень быстро... Настроение у всех приподнятое.

Уроки какие-то праздничные, хотя идут они по обычному расписанию.

Из школы иду домой, окруженная попутчицами. Они шумливы, веселы.

— Смотрите, какие сегодня ленинградцы веселые. Ни одного хмурого лица, — говорит Аня.

— Мой папа там. Может быть, он сейчас в Петродворце, около той дачи, где мы всегда жили летом.

— Когда же будет сводка? Я всю ночь не буду спать, чтобы не пропустить экстренного сообщения.

Каждый день победы. Бои идут за знакомые всем ленинградцам места. А теперь что там? Говорят, Лигово — груды развалин. Петергоф с его чудесными парками и здравницами совершенно разорен. Бронзовый «Самсон» увезен в Германию, фонтаны взорваны. Нет слов для проклятия варварам!

Но я не хочу представлять себе любимые места изуродованными.

Думая о Петергофе, я вижу его в прежнем блеске и великолепии... Чудесный дворец на горе, а у подножия его «водяная сказка», царство струй и каскадов и среди них золоченые статуи. Самая высокая струя бьет из пасти льва, раздираемой могучей рукой Самсона.

А теперь там тяжелые бои за каждый метр земли.

Продвижение Красной Армии стремительно, но мы стали нетерпеливыми. Где наша выдержка? При встречах мы говорим: — Скорее бы! Скорей! Когда же это будет?

И вот это случилось! Соединились наши войска, шедшие от Ораниенбаума и

Пулкова. Удар нанесен в тыл врагу, и окруженные фашистские войска истреблены... Захвачена тяжелая артиллерия, варварски разрушавшая наш город.

Москва салютовала победителям!

Какая огромная сила была нужна для нанесения такого удара! Наверно, защитникам Ленинграда была оказана большая помощь.

Мы знаем из истории, что операции такой мощности удаются только при согласованных действиях и единой воле командования.

Сегодня впервые за всё время блокады, — нет, вообще за всё время своей педагогической работы, — я не могла давать урока истории, не могла говорить о прошлом, когда так радостно настоящее.

И никого из учащихся это не удивило. Мы только что пришли со школьного митинга. Лица у девочек были возбужденные, глаза ярко блестели.

— Скоро конец войны и наши близкие вернутся с фронта!

— И какая, девочки, непривычная жизнь будет: без обстрелов, без бомбежек...

— И мы будем знать, возвращаясь из школы, что дом стоит на месте!

— И не нужно будет волноваться, когда кто-нибудь из родных долго не возвращается домой.

— Да, для нас всё это будет. Но как больно за тех, кто не дожил до этого дня!.. — говорит задумчиво Валя.

О ком она думает, я не знаю. Но и мои мысли в этот радостный час возвращаются к тем, кого нет и кто так страстно мечтал дожить до дня победы. Я думаю о Василии Захаровиче Голубеве, о Юре... Один — взрослый, сложившийся человек, стойкий коммунист; другой — юноша, комсомолец, почти мальчик.

Оба они для меня сливаются в чудесный образ человека наших дней, который любил жизнь и отдал ее за Родину.

Звонок прервал этот «урок». Дверь распахнулась, и в класс вошли наши «зимняки».

— Так хотелось вас всех повидать и поздравить! — сказал Миша.

— Молодец! Молодец! Хорошо, что вы верны вашей блокадной школе, — радостно кричали девочки.

— Ну а как же иначе? Мы же «зимняки».

— И «перийцы», — добавляет Коля.

— Мы пришли вам сказать необыкновенную новость: в Ленинграде будет салют. Факт, что будет, — заявляет Миша.

— Врешь, Мишка, быть этого не может. В городе-фронте?!

— Так он же больше не фронт.

Да, Ленинград больше не фронт!

Но борьба еще не кончена. Красная Армия еще должна «добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы», — как сказал товарищ Сталин.

И мы должны, как и прежде, упорно работать на своих постах.

Опять мальчики в школе.

— Салют будет, на Марсово Поле пушки привезли, — говорит Миша.

— А почему не пишут в газетах? — спрашивают его.

— Сами сообразите, почему. А телефонограмму из РОНО получали? Там сказано: «Слушайте радио вечером». Надо понимать...

Весь вечер я ждала радио. Около 8 часов два раза подряд передали приказ войскам Ленинградского фронта.

Там уже прямо говорилось, что будет дано двадцать четыре залпа из трехсот двадцати четырех орудий.

Я спешно надела пальто и выбежала на улицу. На набережной Мойки масса народа, а на площади еще больше. Много знакомых лиц.

Вдруг стало светло, как днем, и через секунду раздался гром пушек...

Над Исаакием по небу бегали лучи прожекторов. Они скрещивались, на секунду образуя сетку серебристых лучей, и разбегались в разные стороны, чтобы затем вновь скреститься.

Взвивались ракеты, и зеленые, белые, красные звезды падали на крыши домов.

А кругом светло-светло! Это так необычно в нашем затемненном городе.

— Дожили, дожили! Радость-то какая! — говорят в толпе.

Могучего салюта победы ленинградцы не забудут!

Как жаль, что в этот радостный час я не была с моими учениками и друзьями! За эти годы мы привыкли и горе и радость делить пополам.

Ведь наш союз спаяли суровые дни Великой Отечественной войны.

Note1

Автор песни — ученик.

Note2

Лозунг в газете «Ленинградская правда».